

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Лузан Владимир Сергеевич

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД
С 1991 ПО 2017 ГОДЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Диссертация
на соискание ученой степени доктора культурологии

Научный консультант: Н.П. Копцева,
доктор философских наук, профессор

Красноярск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	37
1.1. Специфика понимания культуры как основы культурной политики.....	39
1.2. Понятие «культурная политика» в современном научном дискурсе.....	63
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	93
2.1. Базовые культурные процессы в Российской Федерации на современном этапе.....	94
2.2. Основные субъекты культурной политики.....	121
2.3. Специфика правового подхода к реализации культурной политики в условиях федеративного государства.....	142
ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	171
3.1. Методологическая стратегия исследования культурной политики.....	172
3.2. Трансформация представлений о роли культурной политики в общественном развитии в тематических материалах: сравнительный контент- анализ.....	198
ГЛАВА 4. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XXI ВВ.).....	281
4.1. Специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов	282
4.2. Динамика культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций.....	307
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	332
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	345
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	385

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования: в условиях глобализационных процессов и иноцивилизационного давления становится очевидным, что дальнейшее развитие Российской Федерации в качестве равноправного члена мирового сообщества и одного из ведущих государств возможно только тогда, когда одним из важнейших национальных приоритетов на государственном уровне, вместе с восстановлением геополитического влияния и формированием гражданского общества, станет культура. Кроме того, без соответствующей общегосударственной культурной политики возвращение России в число стран, активно влияющих на развитие современной человеческой цивилизации, не представляется возможным в принципе. Во многом это связано с тем, что государство не может оказывать существенного воздействия на мировые геополитические процессы, если у него отсутствует четкое внутреннее идеалообразование в общенациональном масштабе, основным результатом которого является формирование культурной самоидентификации населения. Это ярко можно проследить на примере Российской Федерации начиная с 1991 года.

В целом следует отметить, что в силу исторических обстоятельств геополитические амбиции Российской Федерации на современном этапе могут являться одним из элементов конструирования общероссийской национальной идентичности. Прямым подтверждением тому может являться определение российской нации, разработанное членами Российской академии наук, как «гражданско-политической общности, консолидированной на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными

ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью»¹.

Помимо геополитических и внутривластных задач, культура как самостоятельная отрасль экономики уже многократно доказала на примере развитых стран (Соединенные Штаты Америки, Франция, Германия, Великобритания и т. д.), что она может являться одним из стратегических приоритетов социально-экономического развития государства. Во многом это связано с тем, что культура синергирует достигнутые результаты в разных сферах, позволяет превратить слабые стороны в сильные, когда благодаря объединению различных субъектов создаются рабочие места, улучшается пространственная среда, привлекаются инвестиции, развивается внутренний туризм и креативные индустрии, решаются различные социально-экономические проблемы и конфликтные ситуации.

Осознание всех перечисленных факторов повлекло за собой активизацию в отечественной научной практике исследовательского интереса к выявлению динамики культурной политики в новейшей истории Российской Федерации. Кроме того, актуальность избранной темы обусловлена комплексом существующих в российской социально-культурной действительности содержательных проблем:

– отсутствие способности сложившейся системы отрасли «культура» к формированию на общероссийском уровне ценностных ориентаций, актуальных для современных потребностей общества;

– отсутствие целостного образа культуры страны и понимания значимости для его формирования многообразия культур народов, населяющих Российскую Федерацию;

– отсутствие возможности для оперативного и масштабного внедрения инновационных технологий в действующих традиционных институтах культуры, что является одним из основных факторов, определяющих

---

¹ Официальный сайт Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=62ea3b4e-421b-4822-80c2-cc43c877db5c#content> (дата обращения 20.04.2017).

комфортность и доступность данных институтов для всех категорий граждан, в том числе для людей с ограниченными возможностями здоровья;

– наличие у граждан стереотипного представления, что культура как отрасль представляет собой только услуги развлекательного характера, а не социальный институт, функционирующий для обеспечения воспитательного воздействия на личность, формирования ее гармоничного развития, содействия положительной социализации и, самое главное, национальной идентичности.

В то же время для культурологии актуальность выявления динамики культурной политики Российской Федерации обусловлена несколькими фундаментальными факторами, определяющими развитие данного вида политики в современных реалиях.

1. Культурная политика и отрасль «культура» как неотъемлемые части социально-культурной сферы, включающей в себя также образование, здравоохранение, молодежную политику, физическую культуру и спорт, социальную защиту населения, туризм, до недавнего времени подверглись наименьшим структурным реформам и изменениям, за исключением разделения полномочий в рамках формирования федеративного типа государственного устройства и реформы местного самоуправления. В результате, в силу активного реформирования смежных отраслей социально-культурной сферы, например, образования, сложилась ситуация, когда особо остро возникла необходимость разработки концептуального видения не только государственной культурной политики в целом, но и отдельных ее направлений.

2. Впервые с 1991 года Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 был утвержден фундаментальный документ, определяющий концептуальные положения развития культурной политики в краткосрочной и долгосрочной перспективах и задачи государства в этой сфере – Основы государственной культурной политики Российской

Федерации². Однако процесс разработки стратегического документа по реализации Основ культурной политики продлился вплоть до начала 2016 года и сопровождался серьезными спорами не только внутри экспертного сообщества, но и между различными органами исполнительной власти, в первую очередь, Министерством культуры и Министерством финансов Российской Федерации. Тем не менее, в результате проведенной работы распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р была утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года³.

3. В связи с принятием указанных выше документов, а также на основании Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴, следует прогнозировать окончательный переход в ближайшее время государственных и муниципальных субъектов культурной политики на стратегическое планирование и проектное управление с целью получения необходимого бюджетного финансирования и повышения эффективности деятельности.

4. Возникновение с 2014 года процесса концептуального пересмотра узкоотраслевого подхода государства к культуре и понимания ее межведомственной природы, если оценивать культурную политику с позиции государственного управления. В рамках нового, только становящегося подхода, культурная политика может трактоваться как «система человеческой деятельности, включающая в себя ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов и их воплощения в социально-культурной действительности посредством различных субъектов социально-культурной

---

² Основы государственной культурной политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

сферы»⁵. Подтверждением начала данных перемен в концептуальных подходах к культуре, помимо принятия фундаментальных стратегических документов, может косвенно выступать передача полномочий в области туристской деятельности в ведение Министерства культуры Российской Федерации с 2013 года, то есть включение в культурное строительство новых управленческих субъектов.

Кроме того, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 817 «О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики»⁶ создается Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной политики, которая должна обеспечивать согласованность действий органов исполнительной власти и организаций в целях выработки предмета единой государственной культурной политики и ее реализации.

5. Появление в период новейшей истории России множества новых субъектов культурной политики: отдельные индивиды (независимые творцы, менеджеры в сфере культуры и т.д.), социальные группы, партии, институты различных форм собственности, которые принимают активное, осознанное участие в культурном строительстве, зачастую только с целью извлечения финансовой выгоды. Следовательно, можно констатировать начало процесса конкурентной борьбы между субъектами культурной политики всех форм собственности не только за посетителей в физическом плане, но и за их финансовые ресурсы. Особенно это становится актуальным для государственных и муниципальных субъектов культурной политики, которые в силу ряда причин не выдерживают подобной конкуренции с частными и общественными организациями.

Нельзя не отметить, что в связи с активным становлением гражданского общества в Российской Федерации все большую роль в

---

⁵ Лузан В.С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011. 24 с.

⁶ О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 817 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

качестве одного из основных субъектов культурной политики приобретают профильные социально ориентированные некоммерческие организации. Многие из них все чаще выбирают в качестве одной из основных целей собственной деятельности не только удовлетворение образовательных, профессиональных, познавательных и других интеллектуальных потребностей населения путем осуществления образовательной и информационной, разъяснительной деятельности, но и повышение средствами просветительской работы уровня гуманитарной и духовно-нравственной культуры российских граждан.

Кроме того, в связи с началом активной работы по передаче части государственных и муниципальных услуг на исполнение некоммерческим организациям, безусловно, следует ожидать, что в сфере культурной политики начнется данный процесс. Например, в части проведения некоммерческими организациями независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры.

6. На сегодняшний день сформирована нормативная правовая база, определяющая функционирование большинства традиционных субъектов культурной политики и направленная на реализацию конституционных прав граждан в сфере культуры. В то же время требуется доработка действующих и принятие новых нормативных правовых актов, отвечающих целям и задачам культурной политики согласно Основам государственной культурной политики Российской Федерации. Особенно это касается необходимости принятия на федеральном уровне закона «О культуре» в новой редакции.

Стоит отметить, что в 2009 году закончился переходный период реализации Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁷, в результате чего все его положения вступили в силу на

---

⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

территории всех субъектов Российской Федерации. Это означает, что закончился процесс масштабной децентрализации системы управления традиционными институтами культуры, сформировавший три самостоятельных уровня реализации культурной политики: федеральный – во главе с Министерством культуры Российской Федерации; региональный – во главе с органами исполнительной власти в области культуры субъектов Российской Федерации; муниципальный – во главе с органами управления культурой муниципальных образований, которые зачастую отсутствуют в структуре муниципальных органов исполнительной власти или включены в состав многопрофильных отделов, управлений и т. д. Следовательно, можно зафиксировать кристаллизацию современной многоуровневой системы управления культурными процессами и ее окончательную децентрализацию.

7. Разработка на федеральном уровне новых Методических рекомендаций субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утвержденных Распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 02.08.2017 № р-965⁸. В указанных рекомендациях государство впервые при расчете обеспеченности населения организациями культуры закрепляет право учитывать не только субъекты культурной политики частной формы собственности, но и имеющиеся информационно-коммуникационные технологии доступа к электронным ресурсам (справочно-библиографическим системам, виртуальным экскурсиям, онлайн-трансляциям концертов и спектаклей).

Таким образом, каждый из вышеперечисленных факторов, а точнее – их содержательные последствия, как в совокупности, так и по отдельности, безусловно, представляют интерес для прикладной культурологии и требуют детального изучения для корректного выявления динамики культурной политики Российской Федерации.

---

⁸ Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры: утв. Распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 02.08.2017 № р-965 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Необходимо отметить, что сопоставление различных научных и управленческих подходов к реализации культурной политики свидетельствует о том, что отсутствие до недавнего времени четких позиций государства в данном вопросе, проявляющееся как в концептуальном плане, так и в реалиях государственной культурной политики, оказало отрицательное влияние на всю инфраструктуру социально-культурной жизни российского общества. В связи с этим каждому новому поколению граждан в существующих исторических обстоятельствах требуется осваивать прежний и разрабатывать собственный инструментарий общих ценностей и норм.

Анализ истории развития человеческой цивилизации показывает, что вопросы взаимодействия культуры и политики имеют не только фундаментальный, но и высоко абстрактный характер. Вместе с тем консолидирующим фактором общественной жизни культурная политика может стать только в том случае, если она отражает все многообразие культурных интересов населения, в том числе региональную специфику, что особенно актуально для Российской Федерации как одного из самых многонациональных государств в мире (более 190 народов), имеющего в своем составе 85 субъектов, образованных в том числе по национальному признаку.

Рассматриваемая в диссертационном исследовании проблема, заключающаяся в отсутствии до недавнего времени концептуального, а, по сути, культурологического видения реализации культурной политики на государственном (федеральном, региональном) и муниципальном уровнях и анализа ее роли в общественном развитии, безусловно, носит культурологический характер. Данный факт позволяет выступать ей предметом научного анализа в целом ряде гуманитарных наук (история, политология, социология, антропология, искусствоведение, философия, теория и история культурно-просветительной и социально-культурной деятельности и т. д.). В связи с этим можно утверждать, что культурная

политика на современном этапе своего развития становится объектом исследования культурологии в целом.

Многоаспектность обозначенной проблемы подчеркивает возросший в период новейшей истории России исследовательский интерес к реализации культурной политики на всех уровнях (государственный, муниципальный, общественный, частный), который стимулирован не только проблемами теоретического анализа, но и логикой дальнейшего развития российского общества в условиях глобализационных процессов и иноцивилизационного давления.

Степень научной разработанности темы исследования: междисциплинарный подход к выявлению динамики культурной политики Российской Федерации обусловил обращение автора к научно-исследовательским трудам по различным научно-теоретическим направлениям. В частности, диссертантом проанализированы труды отечественных исследователей, отражающие проблематику выстраивания государством культурной политики, причем не только в современных реалиях, но и в советский период (И.А. Бутенко, П.С. Гуревич, В.К. Егоров, Л.Б. Коган, В.А. Куренной, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, А.К. Уледов, Ю.У. Фохт-Бабушкин и другие)⁹.

Широкий круг вопросов относительно роли культуры в развитии современных обществ раскрывается в трудах исследователей, в которых формируется представление о культуре как об одном из основных регуляторов экономической и социально-культурной жизни общества (М.Б. Гнедовский, Б.С. Ерасов, Л.Г. Ионин, М.С. Каган, А.В. Костина,

---

⁹ Гуревич П.С. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+, 2015. 367 с.; Егоров В.К. Философия культуры России: контуры и проблемы. М.: РАГС, 2002. 653 с.; Социально-культурные функции города и пространственная среда / под ред. Л.Б. Когана. М.: Стройиздат, 1982. 176 с.; Маркарян Э.С. Наука о культуре и императивы эпохи. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 655 с.; Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. 439 с.; Культурная политика в России: история и современность / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: Либерея, 1998. 295 с.; Совершенствование управления развитием культуры / отв. ред. Л.Н. Коган. Свердловск: Уральский научный центр, 1981. 138 с.; Время, вперед! Культурная политика в СССР; под ред. И. Глушенко, В. Куренного. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 266 с.; Фохт-Бабушкин Ю.У. Художественная культура и развитие личности: проблемы долгосрочного планирования. М.: Наука, 1987. 222 с. и др.

Н.П. Копцева, Ч. Лэндри, Ф. Матарассо, Э.А. Орлова, М. Пахтер, Д. Тросби, А.Я. Флиер, Л. Харрисон, И.Г. Яковенко и другие)¹⁰.

Помимо этого, в проводимом исследовании автор опирается на труды, посвященные экономическим, организационным, правовым и управленческим аспектам функционирования отрасли «культура» (Т.В. Абанкина, Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева, Т.Г. Богатырева, Г.М. Галуцкий, О.И. Генисаретский, Н.М. Генова, В.С. Жидков, Г.П. Ивлиев, Е.Л. Игнатьева, Е.Л. Кудрина, А.Н. Панфилов, К.Э. Разлогов, А.Я. Рубинштейн, Г.Л. Рукша, Б.Ю. Сорочкин и другие¹¹).

Среди отечественных философов, посвятивших свои научные труды отдельным проблемам реализации культурной политики и культуры в целом, следует отметить А.И. Арнольдова, Н.Ф. Бучило, Г.Н. Волкова, Э.В. Ильенкова, Б.И. Каверина, В.А. Лекторского, В.П. Малахова,

---

¹⁰ Гнедовский М.Б. Творческие индустрии: политический вызов России // Отечественные записки. 2005. № 4 (25). С. 168–181.; Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 522 с.; Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М.: РГГУ, 1995. 151 с.; Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. СПб.: Изд-во «Петрополис», 2003. 368 с.; Карпова Г.Г. Социальное поле культурной политики. М.: Вариант, 2011. 267 с.; Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края) / Ответственный ред. Н.П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 640 с.; Костина А.В. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального. Москва: URSS: Издательство ЛКИ, 2010. 238 с.; Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI: Институт культурной политики, 2011. 397 с.; Матарассо Ф., Лэндри Ч. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики // Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. М.: Либерея, 2002. С. 126–127.; Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987. 191 с.; Тросби Д. Экономика и культура. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 254 с.; Флиер А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры: избранные работы по теории культуры. М., 2014. 556 с.; Харрисон Л. Кто процветает?: как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Фонд «Либеральная миссия»: Новое издательство, 2008. 297 с. и др.

¹¹ Абанкина Т.В. Основы музееведения. М.: URSS: Либроком, 2013. 430 с.; Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2001. 314 с.; Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России: монография. М.: ТЕИН, 2002. 179 с.; Галуцкий Г.М. Управляемость культуры и управление культурными процессами. М., 1998. 464 с.; Генисаретский О.И. Культурная ситуация и цели культурной политики [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/cultural_policy; Генова Н.М. Культурная политика в системе инфраструктуры культуры региона. Омск: ОмГУ, 2011. 287 с.; Жидков В.С. Культура как «генетический код» человечества // Общество и экономика. 2001. № 9. С.74–92.; Ивлиев Г.П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: статьи и выступления. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 208 с.; Игнатьева Е.Л. Экономика культуры. М.: ГИТИС, 2004. 230 с.; Культура: Ситуация, проблемы, поиски решения: Сборник / Краев. комитет по делам культуры и искусства адм. Краснояр. края, Кемеров. гос. ин-т искусств и культуры; Сост. Е.Л. Кудрина, Л.И. Рудич, Г.Л. Рукша. Красноярск: Кемеровский институт искусств и культуры, 1997. 215 с.; Панфилов А.Н. Культура и местное самоуправление: конституционно-правовые аспекты взаимодействия. М.: ИНФРА-М, 2016. 237 с.; Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации. Отечественные записки. 2005. № 4 (25). С. 44–51.; Художественная жизнь современного общества: в 4 т. / Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. 4, кн. 1. Государственная культурная политика в документах и материалах / ред. Б.Ю. Сорочкин. 2001. 438 с.

В.С. Степина, А.Н. Чумакова, В.Г. Юдина и других¹². Данные авторы рассматривали культурную политику в основном через соотнесение категорий развития сознания личности в процессе становления ее деятельностных сил и в ракурсе зависимости культуры от социальной детерминации познания.

Значимое место в диссертационном исследовании занимают ученые, развивающие социологию культуры, в частности Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, А.Г. Дугин, С.А. Ерофеев, Н.Л. Захаров, Л.Г. Ионин, К. Манхейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, А.И. Шендрик и другие¹³. Необходимо отметить разнообразие авторских подходов, позиций, представлений о том, что же представляет собой социология культуры как область научного знания и учебная дисциплина. Подобное разнообразие отражает ведущиеся в отечественной и зарубежной науке дискуссии о предмете изучения социологии культуры, её месте в структуре социологического знания и в системе наук о культуре.

Зарубежный опыт формирования и реализации культурной политики, а также роли культуры в целом, в том числе в региональном контексте, раскрываются в работах плеяды зарубежных авторов (Ф. Бьянчини, К. Гирц, Э. Гросжан, М. Драгичевич-Шешич, Б. Малиновский, М. Пайк, А. Рэдклифф-Браун, Дж. Томмани, Л. Уайт, Д. Хезмондалш)¹⁴, материалах различных

---

¹² Арнольдов А.И. Культурная политика: реалии и тенденции. М.: МГУКИ, 2004. 64 с.; Бучило, Н.Ф. Художественное восприятие. М.: Знание, 1989. 63 с.; Волков Г.Н. Три лика культуры. М.: Молодая гвардия, 1986. 333 с.; Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.; Каверин Б.Н. Культурология. М.: Юриспруденция, 2001. 224 с.; Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация»; Минск: Белорусский дом печати, 2012. 383 с.; Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. М.: Изд-во «Проспект», 2005. 432 с. и др.

¹³ Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства // Отечественные записки. 2005. № 4 (25). С. 25–43.; Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. 564 с.; Захаров Н.Л. Специфика социальной системы России. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. 219 с.; Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 2000. 431 с.; Манхейм К. Избранное: социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.; Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. 832 с.; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.; Шендрик А.И. Социология культуры. М., 2005. 495 с. и др.

¹⁴ Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.; Возрождение городов через культуру / Ч. Лэндри, Л. Грин, Ф. Матарассо, Ф. Бьянчини; пер. М. Бадхен. СПб.: Нотабене, 2000. 85 с.; Драгичевич-Шешич М. Культурная политика: новая роль администратора и менеджера культуры – роль посредника // Материальная база сферы культуры: науч.-информ. сб. Вып. 2. М.: Изд-во РГВ, 1999. С. 53–68.; Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 290 с.; Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 414 с.; Уайт Л. Наука о культуре:

государственных институтов, а также публикациях отечественных исследователей – Е.Е. Беляевой, С.Э. Зуева, Ю.В. Николаевой, А.С. Скачкова, В.Р. Фирсова, О.В. Хлопиной, П.Г. Щедровицкого и других¹⁵.

Особый интерес представляет культурологическая экспертиза государственной культурной политики России, проведенная С.С. Загребиним, который отмечает, что «культурологические определения культурной политики представляют собой своеобразные идеальные модели, построенные по принципу глубокого абстрагирования, от конкретно-исторических реалий»¹⁶. Прикладной же аспект ограничивается «ведомственным пониманием культуры, когда культурная политика трактуется как мероприятия региональных управлений культуры по отношению к учреждениям культуры и искусства»¹⁷.

В российских реалиях исторически сложилось эмпирическое понимание культуры, которое связано, в первую очередь, с практикой творческой и просветительской деятельности, а также с фольклорным «собираательством» и изучением объектов материального и нематериального культурного наследия. В частности, на это указывает Ю.В. Осокин, который отмечает, что «данное эмпирическое понимание культуры нашло свое выражение в профильной направленности ряда специальных научно-исследовательских и учебных институтов – институтов культуры (первые разрабатывали проблематику, касающуюся, прежде всего, деятельности клубов и библиотек, а также самодеятельного художественного творчества; вторые занимались подготовкой специалистов именно в области культурно-

---

избранное. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.; Хезмондалш Д. Культурные индустрии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 453 с. и др.

¹⁵ Беляева Е.Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза. М.: МПГУ: Прометей, 2012. 97 с.; Зуев С.Э. Изменения информационного пространства (политика, технологии, возможности) // Музей будущего: информационный менеджмент. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 246 с.; Николаева Ю.В. Актуальные проблемы внешней культурной политики Франции в начале XXI века. СПб.: СПбГУ, 2013. 198 с.; Скачков А.С. Культурная политика ЮНЕСКО в эпоху глобализации. М.: Канон+, 2015. 162 с.; Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры: сб. материалов / Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов и др. М.: Либерия, 2002. 240 с.; Щедровицкий П.Г. Культурная политика: предпосылки перемен // Российское экспертное обозрение. 2006, № 3 (17). С. 31–33.

¹⁶ Загребин С.С. Культурологическая экспертиза в системе культурной политики современного российского государства // Фундаментальные проблемы культурологии. Том IV. М.: Алатейя, 2008. С. 54–58.

¹⁷ Там же. С. 56.

просветительной и культурно-массовой работы – в основном работников библиотек и клубов)»¹⁸.

Как справедливо отмечает Е.В. Винокурова, исследователь проблематики выстраивания культурной политики в местах проживания коренных малочисленных народов, «оторванность культурологии от реальных культурных процессов происходит по двум главным причинам: недостаточная научная обоснованность государственной культурной политики, задачи которой сформулированы весьма декларативно, и недостаток региональных прикладных культурологических исследований культурной политики, обогащающих теоретическую культурологию»¹⁹.

Необходимо отметить, что в период новейшей истории России проблематике реализации культурной политики и ее концептуальному назначению посвящены многочисленные диссертационные исследования по различным научным направлениям (история, культурология, социология, философия, теория государства и права, педагогика и другим): А.С. Балакшин, П.Л. Волк, Л.Е. Востряков, Ю.Е. Зиятдинова, Г.Г. Карпова, М.И. Кривошеев, Е.В. Кузнецова, Н.Н. Курная, О.П. Пономаренко, Г.А. Смирнов, С.П. Шевчугова и другие²⁰.

Существенное внимание вопросам реализации культурной политики уделяется в работах Л.Е. Вострякова, где исследователем поднимаются актуальные проблемы взаимоотношений разнообразной культуры

¹⁸ Осокин Ю.В. Культурология. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1072.

¹⁹ Винокурова Е.П. Культурная политика в Республике Саха (Якутия): этнокультурные и геокультурные особенности: дис. ... канд. культур. М., 2011. С. 15.

²⁰ Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2006. 358 с.; Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза: дис. ... д-ра культурологии. Кемерово, 2005. 423 с.; Востряков Л.Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. 344 с.; Зиятдинова Ю.Е. Динамика культурных потребностей и культурная политика в современной России: дис. ... канд. культурологии. М., 2005. 135 с.; Карпова Г.Г. Социальная динамика культурной политики в современной России: дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2011. 403 с.; Кривошеев М.И. Модернизация культурной политики в контексте гармонизации индивидуального и общественного интересов: Россия в начале XXI столетия: дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 138 с.; Кузнецова Е.В. Культурная политика России (Теория, история и современность): дис. ... канд. культурологии. М., 1999. 134 с.; Курная Н.Н. Культурная политика – как фактор структурирования социокультурного пространства (региональный аспект): дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2003. 205 с.; Пономаренко О.П. Модели культурной политики как факторы структурирования социокультурного пространства: дис. ... канд. культурологии. Барнаул, 2006. 154 с.; Шевчугова С.П. Региональная социально-культурная политика: проблемы управления и инновации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 256 с.

Российской Федерации и государственной политики, в том числе раскрываются приоритеты и новые принципы культурной политики, предлагаются программы развития сферы культуры и модели ее реализации в современных условиях. Анализируя процессы становления культурной политики в современном мире, автор подчеркивает значимость и необходимость повышения эффективности культурной политики как важного компонента, оказывающего влияние на все процессы жизнедеятельности государства и общества.

Исследователь А.С. Балакшин отмечает, что «культуру нельзя трактовать как совокупность духовных и материальных ценностей общества, поскольку в системе социума культура предстает как многообразная деятельность. Именно деятельностный подход к культуре открывает перспективы ее системного рассмотрения. Это связано и с тем, что культурная деятельность включает в себя множество взаимосвязанных компонентов (субъект, объект, средства, процесс, условия, результат, среда, система), и с тем, что исторически культурная деятельность генерирует соответствующие ей культурные отношения и культурные институты. С одной стороны, многоплановость культуры определяет трудности социального управления ею, а с другой – открывает перспективы многомерного и поливариантного воздействия на ее развитие»²¹.

Балакшин А.С. также подчеркивает необходимость субстратного и функционального понимания культурной политики. С позиции субстратного подхода культурная политика рассматривается как политика, обращенная на культуру со всеми ее типами и видами. Понимание же специфики социального управления в области культуры делает очевидной необходимость именно функционального понимания данного процесса.

Обозначим, что в настоящее время не только большинство отечественных исследователей, но и многих работников отрасли «культура»

---

²¹ Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2006. 358 с.

тревожит позиция государства в отношении реализации культурной политики, что наиболее ярко проявляется в систематических претензиях со стороны общественных и творческих деятелей к тем или иным решениям, принимаемым профильными органами исполнительной власти. В связи с этим необходимо осуществить анализ динамики культурной политики в период новейшей истории России с целью выявления наиболее значимых социально-культурных процессов и имеющуюся практику конкретных управленческих решений, определяющих ее концептуальное содержание, что определяет выбор темы диссертационного исследования.

В то же время, несмотря на обилие научно-исследовательских материалов по различным аспектам реализации культурной политики, следует зафиксировать дефицит работ междисциплинарного характера, которые содержат в себе эффективный синтез перечисленных ранее научных направлений. Такой синтез крайне важен при выявлении динамики культурной политики и механизмов ее практической реализации. По сути, последовательное применение культурологических, исторических, философских и социологических методов научного анализа предоставляет возможность выявить актуальное состояние культурной политики, что является крайне актуальным для дальнейшего развития российского общества и государства.

Таким образом, диссертационное исследование направлено на поиск методов комплексного анализа культуры в современных условиях посредством изучения динамики культурной политики в новейшей истории Российской Федерации, то есть с момента обретения ею независимости.

Объектом диссертационного исследования является культурная политика Российской Федерации, осуществляемая субъектами различных уровней.

Предметом исследования является динамика культурной политики Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы.

Целью исследования является проведение комплексного культурологического анализа культурной политики Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы.

Задачами диссертационного исследования являются:

- раскрытие специфики понимания культуры как основы культурной политики;
- изучение понятие «культурная политика» в современном научном дискурсе;
- анализ базовых культурных процессов в Российской Федерации на современном этапе;
- раскрытие специфики основных субъектов культурной политики;
- изучение особенностей правового подхода к осуществлению культурной политики в условиях федеративного государства;
- разработка методологической стратегии исследования культурной политики;
- изучение трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в тематических информационных источниках посредством сравнительного контент-анализа;
- выявление специфики реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- анализ динамики культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- проведен анализ содержания понятия «культурная политика», который позволил уточнить его значение в контексте процесса переосмысления роли и функций культурной политики в качестве самостоятельного вида государственной политики;

- раскрыта роль категории «социальное время» в моделировании культурной политики;

- уточнены противоречия, характерные для современного культурного пространства Российской Федерации, а также базовые культурные процессы, которые формируют данное пространство;

- рассмотрены основные субъекты культурной политики, определяющие ее современное состояние. В результате уточнено влияние института местного самоуправления на культурные процессы;

- изучена специфика правового подхода к осуществлению культурной политики в условиях федеративного государства;

- уточнено значение междисциплинарности в качестве одного из важнейших методологических принципов в современных исследованиях культуры и различных ее аспектов;

- осуществлен синтетический анализ культурной политики Российской Федерации посредством контент-анализа информационных источников, наиболее полно отражающих содержательные процессы в данной сфере в период с 1991 по 2017 годы;

- систематизирована информация о концептуальных и нормативных правовых документах, регламентирующих реализацию государственной культурной политики на современном этапе;

- выявлена специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;

- выявлена динамика культурной политики в период новейшей истории Российской Федерации.

Теоретическая значимость исследования: представленные материалы дополняют отечественную культурологию и практику социально-культурной деятельности систематизированной и обобщенной научной

информацией о динамике культурной политики Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы.

Практическая значимость исследования: материалы, концептуальные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке теоретических и исторических аспектов в культурологии и социально-культурной деятельности. Кроме того, диссертация может служить основой для научно-исследовательских работ по анализу социально-культурной сферы в целом, культурной политики, а также для выявления тенденций и перспектив дальнейшего развития российского общества в условиях глобализационных процессов.

Предложенные в диссертационном исследовании выводы и рекомендации могут применяться в качестве методологической основы при разработке стратегий культурной политики и целевых программ в сфере культуры на региональном и муниципальном уровнях, а также стратегий развития конкретных учреждений социально-культурной сферы. Кроме того, данное диссертационное исследование может быть использовано при разработке учебных программ и подготовке учебно-методических пособий по широкому спектру дисциплин (Культурология, Основы культурной политики, Арт-менеджмент, Менеджмент социально-культурной деятельности, Концептуально-правовое обеспечение социально-культурной деятельности, различные спецкурсы по истории и теории отечественной культуры и т. д.) для студентов средних специальных и высших учебных заведений, аспирантов.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является использование двух доминирующих в современной отечественной культурологии подходов. В первом случае это теоретическое осмысление культуры как специфического феномена бытия человека, государства и общества в целом, а во втором – проведение прикладных исследований с целью анализа полученных результатов и оценки их роли в реализации культурной политики Российской Федерации. С целью наиболее

объективного выявления динамики культурной политики России в период с 1991 по 2017 годы в проводимом диссертационном исследовании предпринята попытка соединить оба обозначенных подхода – от прикладных исследований к формулировке теоретических обобщений.

Достижение данного соединения не представляется возможным без применения исторического метода познания, который позволил установить историческую последовательность динамики культурной политики от одних исторически необходимых стадий к другим. Благодаря историческому методу познания были определены генетические истоки описываемых процессов и сопровождающих их явлений.

В работе применены классические методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, метод полужформализованного интервью в форме экспертного интервью и другие. Кроме того, в числе основных методов активно используется контент-анализ, методика которого подробно описана в п. 3.2.

В качестве эмпирической базы диссертационного исследования выступили:

- труды отечественных и зарубежных авторов, раскрывающие различные теоретические и практические аспекты культурной политики и культуры в целом;
- нормативные правовые акты, регулирующие сферу культурной политики;
- отчеты, программы, стратегии и иные официальные документы, направленные на развитие культурной политики в целом и ее отдельных направлений как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях;
- положения о Министерстве культуры Российской Федерации и профильных региональных органах исполнительной власти.

Таким образом, многогранность объекта и предмета диссертационного исследования определили необходимость применения методологии культурологии как междисциплинарной науки.

Гипотезой диссертационного исследования является предположение, согласно которому следует констатировать начало с 2010-х годов этапа становления культурной политики в качестве самостоятельного межотраслевого вида государственной политики, реализация которой позволит в краткосрочной перспективе сохранить российский социум и, как следствие, государство в целом, а в долгосрочной перспективе обеспечить положение Российской Федерации на мировой геополитической арене в качестве самостоятельной евразийской цивилизации, занимающей пограничное положение между культурами Запада и Востока. Осознание данного факта повлечет за собой увеличение влияния государства на проходящие культурные процессы в краткосрочной и долгосрочной перспективах и, возможно, предопределит попытки новой централизации системы управления отраслью «культура». Данные процессы, в свою очередь, окажут существенное влияние на формирование нового этапа противостояния между творцами и менеджерами культуры, заключающегося в отстаивании самостоятельности художественных процессов с позиции одних и необходимости влияния на данные процессы со стороны различных общественных групп и институтов с позиции других.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «культура» выстраивается на основе концепции идеалообразования, так как основной целью государственной культурной политики является формирование человека в качестве «полноценного» гражданина государства. В данном контексте особую важность представляет еще один процесс, логически вытекающий из идеалообразования, формирование «нужных» государству культурных потребностей у населения, что особенно актуально для Российской Федерации, где абсолютное большинство учреждений социально-культурной сферы, занимающихся

данной деятельностью, имеют государственную или муниципальную форму собственности.

2. Имеющиеся трактовки понятия «культурная политика» и типологизации моделей культурной политики рассматриваются без привязки к категории «социальное время», что приводит к нивелированию учета особенностей развития различных типов обществ (премодерн, модерн, постмодерн). Это актуально для Российской Федерации, так как в силу географических, административно-территориальных и культурных особенностей следует констатировать сосуществование в современной России всех трех типов: в парадигме премодерна находятся жители отдаленной сельской местности и коренные народы, ведущие традиционный (включая кочевой) образ жизни; общество модерна наиболее ярко можно проследить на примере крупных городов, образующих агломерации с близлежащими сельскими территориями, – в данной парадигме проживает подавляющее большинство жителей страны; в качестве репрезентанта парадигмы постмодерна выступают два основных российских кластера (Москва–Санкт-Петербург и Томск–Новосибирск), характеризующихся высокими темпами внедрения цифровой экономики и занятостью населения в сфере услуг, применением автоматизации и робототехники на производствах, особым форматом информационного и медиапространства, динамичными формами социальности, их непостоянством, формированием нового типа виртуальных и динамичных сообществ в глобальном масштабе, особой значимостью культурных и креативных индустрий.

Следовательно, моделирование культурной политики имеет смысл только по отношению к конкретным государственным образованиям и типам государственного устройства и не предполагает прямого копирования и повторения аналогичных результатов в иных государственных образованиях. Более того, реализация культурной политики даже в пределах отдельно взятого государства должна предполагать такие механизмы, которые

учитывают мировоззренческие особенности развития каждого из типов обществ, формирующих данное государство.

3. Основными результатами реализации культурной политики являются:

- строительство российского многонационального государства посредством формирования гражданского российского национализма, в котором в качестве этнокультурной основы востребованы интегральные культурные продукты, снимающие собой противоречия культурного наследия тех этнических групп, которые сегодня участвуют в процессе создания национального государства;

- разработка и внедрение в сознание человека норм социально-культурной адекватности жизни в той или иной социально-культурной группе и допустимых способов осуществления тех или иных практических или символических действий, отражающих социально-культурный опыт данного общества, его исторически сложившиеся организационно-регулятивные формы, межпоколенное наследование традиционных культурных норм, а также их постепенную изменчивость и обновление;

- закрепление и выражение жизненно важных, наиболее существенных аспектов конкретной социально-культурной реальности, без которых современное российское общество не может полноценно функционировать;

- разработка эффективных механизмов культурного строительства, учитывающих мировоззренческие особенности развития каждого из типов обществ (премодерн, модерн, постмодерн).

4. Основным базовым культурным процессом является формирование единого культурного пространства, разрушенного в результате развала СССР. В то же время для современного культурного пространства Российской Федерации характерен ряд существенных проблем, мешающих формированию его однородности, в частности:

- неспособность государственных и муниципальных институтов культуры удовлетворять актуальные культурные потребности всех социально-культурных групп, составляющих российское общество;

- оторванность большинства субъектов Российской Федерации от мирового культурного процесса и, как следствие, неприятие частью населения современных культурных практик, за исключением продуктов массовой культуры;

- нивелирование традиционных ценностей и норм в связи с наличием разнообразных локальных культур и глобализационными процессами;

- неготовность отрасли культуры к функционированию в рыночных условиях;

- потеря культурной самоидентификации населением и отсутствие действенных механизмов по ее формированию в условиях отсутствия общегосударственной идеологии;

- отсутствие системной информационной политики по продвижению лучших образцов отечественных культурных практик в медиапространстве;

- влияние социальных сетей и общественных деятелей, зачастую не имеющих профессиональных связей со сферой культуры, на художественные процессы в традиционных институтах культуры;

- сохранение низкого социального статуса работников культуры;

- неравномерность поддержки традиционных институтов культуры и культурных практик по отношению к столицам (доминирование), крупным городам, малым городам и селам – часто вне зависимости от их художественной ценности.

5. Базовыми субъектами культурной политики в Российской Федерации являются государство и различные общественные институты, так как именно данные субъекты полностью определяют форму и содержание культурной политики, несмотря на наличие существенной разницы в собственных ценностных ориентирах. В то же время новые субъекты культурной политики, как правило, не являются предметом действующей нормативной

правовой базы в этой сфере, следовательно, на сегодняшний день отсутствуют механизмы воздействия на них и взаимодействия с ними, что представляет серьезную проблему для государства.

6. Парадигма современной российской культуры включает федеративную культурную политику, имеющую федеральный, региональный и муниципальный уровни. Взаимосвязанные между собой они имеют существенные особенности. В то же время сегодня наиболее разработанным является федеральный уровень культурной политики, однако, государство в существующих условиях не может эффективно реализовывать поставленные задачи в силу несовершенства нормативной правовой базы и произошедшей децентрализации системы управления.

7. Одним из наиболее значимых подходов к изучению культуры является функциональный. Данная позиция связана, в первую очередь, с тем, что для представителей функционалистской школы каждая отдельно взятая культура выступала в качестве системы институтов, которые наделены соответствующими функциями, и именно на процессах функционирования был сосредоточен их основной исследовательский интерес. В качестве основных представителей данного подхода следует выделить Б.К. Малиновского и А.Р. Рэдклифф-Брауна.

За 26 лет своего существования Российская Федерация прошла путь от полной деморализации общества и государственной системы управления в силу распада СССР и перехода на рыночные отношения до начала нового этапа роста во всех сферах жизнедеятельности – экономической, политической, социально-культурной и т. д. Следовательно, является абсолютно логичным возникновение новой стадии обращения государства и общества к вопросам реализации собственной культурной политики именно с 2010-х годов, поскольку можно зафиксировать нахождение российского общества в переходном периоде от удовлетворения производных потребностей к интегративным. В качестве одного из доказательств возникновения данного процесса может выступать активно возобновившаяся

дискуссия о роли и месте государства в реализации культурной политики, свободе творцов, наличия цензуры и т. д.

Таким образом, от того, насколько государство и общество сможет четко и адекватно сформулировать на данном этапе цели, задачи и требования к реализуемой культурной политике, будет зависеть дальнейшая судьба Российской Федерации как независимого государства. Иначе говоря, если Российская Федерация не возьмет в ближайшее время ответственность за формирование культурной самоидентификации населения средствами культурной политики и на основе отечественной культуры, то интегративные потребности населения будут окончательно удовлетворены посредством иных культурных систем в результате глобализационных процессов, что, например, приведет к усилению оттока человеческого капитала за границу.

8. В современной культурологии следует выделить два основных подхода к решению научно-исследовательских проблем в области культурной политики, которые, как правило, применяются исследователями по-отдельности. Первый заключается в теоретическом осмыслении культуры в качестве специфического феномена бытия человека, а второй – в проведении практических исследований с целью осмысления полученных результатов в контексте их значения для выстраивания логики реализации государством собственной культурной политики. В проводимом диссертационном исследовании предпринята попытка соединить обозначенные подходы с целью наиболее объективного выявления динамики культурной политики Российской Федерации в новейшей истории. Это становится возможным благодаря применению индуктивного метода: от прикладных культурных исследований к формулировке теоретических обобщений.

9. Контент-анализ показал, что академические дискуссии о философско-культурологическом значении понятия «культура» в большинстве своем не имеют никакого влияния на тексты анализируемых документов. В некоторой степени тексты включают в себя значения понятия

«культура», характерные для повседневного общения, поскольку одной из декларируемых задач является создание «культурного человека», то есть знающего этикет, имеющего представление о традиционной культуре, о музейных и книжных коллекциях, которые хранятся в организациях, финансируемых из государственного или муниципального бюджета. Можно констатировать, что в общественном понимании законодатели создали и поддерживают систему значений понятия «культура» в контексте существования определенного процесса, связанного не столько с непосредственным художественным творчеством, а с финансированием из государственного или муниципального бюджетов определенных культурных практик и институтов, что и определяет представления о роли государственной культурной политики в общественном развитии. В результате значительное количество современных культурных практик оказываются вне поля зрения государственной культурной политики и развиваются либо в сфере частной инициативы, либо через модернизационные процессы внутри самой культурной политики.

В то же время анализ основных понятий и доминирующих тем, проведенный с помощью экспертно-аналитической системы «ВААЛ», показывает имеющееся разнообразие подходов к содержательному наполнению документов, что, с одной стороны, позволяет учитывать местную специфику и культурные особенности региона, а с другой – существенно затрудняет реализацию единой культурной политики на территории Российской Федерации.

10. Реализация культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов имеет достаточно существенные особенности. Во многом это обусловлено тем, что в силу своей малочисленности (менее 50 тыс. человек) и проживания, как правило, в суровых климатических условиях коренным малочисленным народам, в отличие от других более многочисленных коренных народов России, гораздо сложнее противостоять

ассимиляционным и глобализационным процессам. В результате коренные малочисленные народы в большинстве своем не имеют собственных административно-территориальных образований на уровне субъектов Федерации. Административно-территориальные образования, созданные по принципу проживания коренных малочисленных народов, образованы на муниципальном уровне. Следовательно, обладают наименьшим количеством полномочий, в том числе в области реализации культурной политики.

В результате реализация культурной политики в существующих правовых реалиях зачастую сводится к тому, что основной задачей государства является достижение среднероссийских показателей обеспеченности по ряду формальных признаков (например, наличие Дома культуры, библиотеки, зрительных мест и так далее). Причем 100 % достижение данных показателей, не только в случае с коренными народами, но и в любом другом, далеко не всегда может свидетельствовать о фактическом культурном развитии граждан Российской Федерации. Кроме того, можно констатировать отсутствие в правовом поле этнокультурных индикаторов качества жизни коренных народов и наличие большого количества различных экономических, социальных индикаторов, по достижению которых оценивается эффективность действующей государственной системы управления.

11. Динамику культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций определяет, с одной стороны, новый виток возвращения государства в качестве одного из наиболее активных субъектов культурного строительства, с другой, возникновение и активная деятельность множества новых субъектов культурной политики. При этом, данный процесс нельзя считать завершенным, он, наоборот, находится в стадии активного становления. Все это влечет изменение отношения к пониманию роли культурной политики как среди управленческой элиты и профессионального художественного сообщества, так и среди различных социальных групп. В то же время каждая из названных сторон отстаивает

собственное видение целей и задач культурной политики в силу своих интересов, которые зачастую противоположны.

В период с 1991 по 2017 годы в Российской Федерации не существовало прецедентов, когда за столь короткий промежуток времени (чуть более двух лет) на федеральном уровне было принято сразу несколько фундаментальных документов в сфере культурной политики, и данный процесс находится в активной фазе. Это еще раз подтверждает желание государства разобраться в собственном видении целей и задач культурной политики в условиях глобализационных процессов и одновременных попытках экономической изоляции со стороны ряда иностранных государств.

Анализ содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, демонстрирует начало этапа активного поиска государством оптимальной модели культурной политики в условиях дефицита ресурсов, отвечающей ее концептуальным целям и задачам. Очевидно желание государства организовать данный процесс без радикальных финансовых инвестиций в инфраструктуру культурной политики и изменения действующих подходов к оценке эффективности реализации культурной политики от количественных к качественным. Возникшая ситуация, заключающаяся в несоответствии декларируемых содержательных целей и задач принимаемым в практической плоскости решениям, вызывает опасения, так как в результате возникшего дисбаланса существующие негативные тенденции в сфере культурной политики могут только усилиться и привести к еще большему разрыву имеющихся единых ценностных ориентаций населения.

Апробация результатов диссертационного исследования была осуществлена:

1. В выступлениях автора на научно-практических конференциях, а также иных мероприятиях, среди которых в качестве основных следует выделить: заседание круглого стола «Диалог культур в пространстве Красноярского края: дискуссии по актуальным проблемам

межкультурных отношений» (октябрь 2009 года, г. Красноярск); конференция по итогам работы муниципальных органов управления и государственных учреждений культуры и образования Красноярского края (март 2010 года, г. Красноярск); заседания семинара «Теория и практика прикладных культурных исследований» (2010–2015 годы, г. Красноярск); Всероссийская научно-практическая конференция «Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии» (ноябрь 2013 года, г. Красноярск); XV Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» (апрель 2014 года, г. Красноярск); XII Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и социальная динамика» (май 2014 года, г. Красноярск); Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики» (октябрь 2014 года, г. Кемерово); Всероссийская конференция с международным участием, посвященная 80-летию Новосибирского государственного педагогического университета (ноябрь 2015 года, г. Новосибирск); II–III региональные симпозиумы «Интеллектуальный досуг: актуальные проблемы и перспективы» (2014–2015 годы, г. Красноярск); научно-практическая конференция «Новые горизонты развития Красноярского Севера и «окно возможностей» для коренных малочисленных народов» (ноябрь 2015 года, г. Красноярск); II–VI международные научно-практические конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI в.: опыт и перспективы» (2012–2016 годы, г. Красноярск); XXIII Международный симпозиум «Пути России» (март 2016 года, г. Москва); научно-практическая конференция «Этнокультурные центры коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока Российской Федерации: концепт сохранения традиционной культуры и практики реализации стратегии государственной

национальной и культурной политики Российской Федерации» (август 2017 года, г. Красноярск).

2. В публикациях, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях:

1) Лузан В.С. Культурная политика как предмет прикладной культурологии // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3. – С. 323–334.

2) Лузан В.С. Культурная политика как самостоятельный вид государственной политики // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 587–594.

3) Лузан В.С. Контент-анализ основных нормативных правовых документов, обеспечивающих реализацию государственной культурной политики (федеральный и региональный аспекты) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 4. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 342–362.

4) Лузан В.С. Специфика законодательства Российской Федерации в сфере защиты прав и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 4. Гуманитарные науки. – 2011. – № 5. – С. 678–687.

5) Лузан В.С., Бахова Н.А., Копцева Н.П., Пименова Н.Н., Семенова А.А., Сертакова Е.А. Этнообразующие механизмы и формы самосознания коренных народов в условиях внешнего цивилизационного давления (на примере якутского этноса) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 5. Гуманитарные науки. – 2012. – № 7. – С. 988–1004.

6) Лузан В.С., Копцева Н.П. Моделирование культуры и культурной политики в русской философии конца XIX – первой трети XX вв. // Философия и культура. – 2012. – № 4 (52). – С. 105–116.

7) Лузан В.С. Контексты понимания интеллектуального досуга в современных российских исследованиях // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26). – С. 175–178.

8) Лузан В.С. Механизмы взаимодействия государства и бизнеса с коренными малочисленными народами Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 7. Гуманитарные науки. – 2014. – № 8. – С. 1327–1341.

9) Лузан В.С., Морозова О.Ф., Ноздренко Е.А., Пантелеева И.А., Прокопьева Г.Ю. Интеллектуальный досуг жителей Красноярского края: возможные векторы развития (по результатам социологического исследования) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 8 (149). – С. 173–178.

10) Лузан В.С. Культурная политика в северных территориях: специфика, проблемы, перспективы // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 7. Гуманитарные науки. – 2014. – № 9. – С. 1494–1509.

11) Лузан В.С. К вопросу о влиянии культурной политики на современные локальные идентичности // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 47–66.

12) Лузан В.С. Феномен влияния культурной политики на формирование городской среды в современных гуманитарных исследованиях // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 9. Гуманитарные науки. – 2016. – № 6. – С. 1521–1532.

13) Лузан В.С. Советский и постсоветский периоды в истории детской литературы на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 9. Гуманитарные науки. – 2016. – № 9. – С. 2060–2070.

14) Лузан В.С., Авдеева Ю.Н., Дегтяренко К.А., Пименова Н.Н. Влияние климатических условий на традиционную экономику коренных малочисленных народов, проживающих в Таймырском Долгано-Ненецком

муниципальном районе (Красноярский край) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 10. Гуманитарные науки. – 2017. – № 9. – С. 1282–1293.

15) Лузан В.С., Копцева Н.П. Нормативная правовая база муниципального, регионального, федерального и международного уровней по поддержке и развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. 10. Гуманитарные науки. – 2017. – № 10. – С. 1542–1554.

16) Luzan V.S., Koptseva N.P., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // International Journal for the Semiotics of Law. – 2016. – Т. 29. – № 2. – P. 1–28.

17) Luzan V.S., Koptseva N.P., Libakova N.M., Sertakova E.A., Kolesnik M.A., Sergeeva N.A. Brand-management of Siberian Cities (Krasnoyarsk as a Case Study) // International Review of Management and Marketing. – 2016. – Т. 6. – № S5. – С. 185–191.

18) Luzan V.S., Kolesnik M.A., Koptseva N.P., Libakova N.M., Sertakova E.A., Sergeeva N.A. Economic Migration In Central Siberia And Ethnic Conflict Risks (Based On Krasnoyarsk Krai Analysis) // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – Т. 6. – № 5S. – P. 104–108.

19) Luzan V., Kistova A., Moskalyuk M., Filko A., Grischenko A. Phylosophic-Artistic Analysis Of The Architectural Monument – The Mansion Of P.I. Gadalov In The City Of Krasnoyarks As A Method Of Studying Visual Arts // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences & Arts Sgem 2017. – Ser. «Science and Arts» – 2017. – P. 355–362.

20) Luzan V.S., Kolesnik M.A., Libakova N.M., Sertakova E.A., Sergeeva N.A. Specifics Of Siberian Identity In The Context Of Formation Of The Artistic Concept “Siberia” In The Works Of Krasnoyarsk Artist Anton Dovnar // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences & Arts Sgem 2017. – Ser. «Science and Arts» – 2017. – P. 371–378.

21) Luzan V.S., Moskalyuk M.V., Kistova A.V., Filko A., Grischenko A. Typological and stylistic analysis as a method of realisation of content of the architectural monument of the regional level // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. – 2017. – № 6–2. – P. 371–378.

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 60 научных трудов и учебных изданий общим объемом 60 п. л.

3. Научные результаты и теоретические положения диссертационного исследования нашли отражение в концепциях развития отрасли «культура» муниципальных образований Красноярского края и концепциях развития Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, Красноярской краевой филармонии, Красноярского художественного музея им. В.И. Сурикова и других учреждений культуры Красноярского края государственной и муниципальной форм собственности.

4. С 2010 по 2012 год диссертант являлся участником Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (проект «Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: Форсайт-исследование до 2050 г. на материале анализа якутского этноса»). Кроме того, диссертант является исполнителем проектов в рамках грантовых программ Российского гуманитарного научного фонда – «Интеллектуальный досуг как фактор устойчивого развития социально-культурной среды урбанизированной территории» (2014–2015 годы) и «Легенды культуры Красноярья (первая треть XX века)» (2017–2018 годы).

Диссертант систематически выступает исполнителем проектов грантовых программ Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности – всего 7 проектов за период с 2010 по 2017 год, направленных на социально-культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и изучение

интеллектуального досуга как фактора устойчивого развития социально-культурной среды урбанизированной территории.

Кроме того, диссертант принял участие в организованной филологическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова апробации проекта Министерства образования и науки Российской Федерации «Разработка и апробация программы возрождения отечественной традиции детского чтения в единой парадигме обучения, воспитания и развития» в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы.

5. С 01.10.2007 по настоящее время диссертант занимается преподавательской деятельностью в Сибирском федеральном университете. Материалы диссертационного исследования легли в основу содержания преподаваемых дисциплин: «Основы культурной политики»; «Культурная политика Красноярского края»; «Концептуально-правовое обеспечение социально-культурной деятельности».

Структура диссертационного исследования состоит из введения, четырех глав (9 параграфов), заключения, списка литературы и приложения. Диссертация изложена на 386 страницах, содержит 6 таблиц. Список литературы включает 393 источника.

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявление динамики культурной политики Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы требует рассмотрения ее не только с позиции действующей системы государственного и муниципального управления, но и в качестве объекта культурологического познания. Это связано с тем, что в условиях глобализационных процессов различные сферы современного российского общества (экономическая, политическая, социальная, духовная) развиваются неравномерно. Более того, внутри сфер можно выделить различные уровни, которые зачастую принципиально отличаются друг от друга по степени развития и формам собственного проявления. При этом каждая из сфер является неотъемлемой составляющей культуры как структурной целостности, что и является объектом культурологии как самостоятельной науки.

В то же время в современной действительности становится все более, что имеющиеся проблемы в развитии как российского общества, так и действующей системы государственного устройства во многом соотносятся с процессами поиска индивидуальной и коллективной самоидентификации, актуализировавшимися вследствие утраты населением ценностных ориентиров в результате геополитических и культурных потрясений, которые произошли в Российской Федерации в период ее новейшей истории на рубеже 90-х годов XX века. Решение данной проблемы не представляется возможным только механизмами социально-экономического регулирования и административными методами. В связи с этим российское общество и часть управленческой элиты приходят к пониманию того, что выход из сложившейся ситуации будет найден лишь в том случае, если одним из важнейших национальных приоритетов развития страны станет культура во всех ее проявлениях.

Реальным подтверждением данного тезиса является то, что впервые в новейшей истории России Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 был утвержден фундаментальный документ, определяющий концептуальные положения развития культурной политики в краткосрочной и долгосрочной перспективах и задачи государства в этой сфере, – Основы государственной культурной политики Российской Федерации (далее – Основы культурной политики)²². Однако процесс разработки стратегического документа по реализации Основ культурной политики продлился вплоть до начала 2016 года и сопровождался серьезными спорами не только внутри экспертного сообщества, но и между различными органами исполнительной власти, в первую очередь, Министерством культуры и Министерством финансов Российской Федерации. Тем не менее в результате проведенной работы распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р была утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (далее – Стратегия культурной политики)²³, реализация которой в силу существующих социально-экономических и геополитических условий пока не нашла своего четкого воплощения в социально-культурной практике.

В то же время основным противоречием, мешающим становлению культуры как фактора развития Российской Федерации, является узкое понимание культуры государственными деятелями и значительной частью населения страны как сферы досуга, а не как саморазвивающейся системы, вырабатывающей ценности, нормы и традиции, являющейся хранительницей духовного опыта российского многонационального народа.

Решение обозначенной проблемы возможно только при условии наличия в государственной системе управления культурной политики как самостоятельного вида фундаментального государственного строительства, в рамках которого следует четко дифференцировать собственно культурную

---

²² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²³ Там же.

политику и оперативное управление отраслью «культура» как два разных, но взаимосвязанных уровня стратегии и тактики управленческой деятельности.

Следовательно, в п. 1.1 диссертационного исследования представлена характеристика понимания культуры как основы культурной политики. В п. 1.2 раскрывается значение понятия «культурная политика» в современном научном дискурсе.

Такова логика исследования главы 1 диссертационной работы.

1.1. Специфика понимания культуры как основы культурной политики

В современных отечественных и зарубежных исследовательских практиках научную проблематику, связанную с культурой, разрабатывает ряд гуманитарных наук: культурология; социальная и культурная антропология; философия, включая философию культуры; история; социология, включая социологию культуры; психология; этнология; религиоведение и многие другие. В свою очередь, указанные выше науки опираются на многочисленные прикладные, экспериментальные, кросс-культурные исследования и различные дисциплины и отрасли знаний: лингвистику, педагогику, статистику и т. д.

В связи с постоянным ростом научно значимых результатов в различных сферах особое значение приобретает не только междисциплинарный подход, но и культурология как таковая, которая выступает методологическим и мировоззренческим ориентиром для всех остальных наук, так как ее собственная методология позволяет обобщить их результаты, а также построить предельно общие модели социально значимых культурных процессов, в формировании и регулировании которых должна участвовать культурная политика в качестве самостоятельного вида государственной политики.

Многоаспектность обозначенной проблемы объясняет возросший за последние десятилетия интерес к многоуровневому и полисемантическому

феномену культурной политики, который стимулирован не столько проблемами теоретического развития, сколько объективными требованиями социально-культурной действительности. «В современном мире растущий интерес к сохранению существующего культурного многообразия, богатые культурные традиции разных народов, осознание опасности культурной унификации в результате глобализации, межкультурные проблемы и конфликты в итоге оказываются объединенными в проблемах международной безопасности, мирного сосуществования, диалога культур и их интеграции в мировом сообществе»²⁴.

Следовательно, фундаментальную роль в рассмотрении культурной политики в качестве объекта культурологического исследования приобретает максимально полное раскрытие термина «культура». Следует отметить, что среди исследователей, причем не только отечественных, но и зарубежных, по-прежнему отсутствует единое мнение относительно того, что же представляет собой понятие «культура» и, как следствие, его производное – «культурная политика».

В целом в современном русском языке слово «культура» имеет большое количество значений, среди которых в качестве основных можно выделить следующие:

- 1) сумма значений, связанных с академическими исследованиями культуры;
- 2) сумма значений, связанных с государственной политикой Российской Федерации;
- 3) сумма значений повседневного языка общения;
- 4) сумма значений, связанных с сельским хозяйством²⁵.

---

²⁴ Сурманидзе Л.Д. Культура: современные эмпирико-исследовательские тенденции // Человек: соотношение национального и общечеловеческого: сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.). Вып. 2 / под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 225–238.

²⁵ Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // International Journal for the Semiotics of Law. 2016. Т. 29. № 2. p. 1–28.

В современной российской науке о культуре данный термин понимается в следующих значениях:

- 1) культура – это система ценностей;
- 2) культура – это система знаков;
- 3) культура – это вся человеческая деятельность;
- 4) культура – это идеалообразование, создание эталонов, образцов.

В настоящее время идет активная дискуссия по поводу каждого значения понятия «культура». «Культура» противопоставляется «природе», «натуре». Очень часто в научных исследованиях «культура» отождествляется с «просвещением». Например, Николай Рерих предлагал понимать слово «культура» как «культ Ура», где «Ур» – это древнее русское название для «света». Тогда слово «культура» получает значение «культ Света», «просвещение», «образование»²⁶.

Российская научная традиция наук о культуре имеет два основных направления:

- 1) классическую немецкую традицию, связанную с философией Г. Гегеля, где культура понимается как создание, хранение, передача идеалов;
- 2) британскую, итальянскую, французскую, неомарксистскую традицию, где культурные исследования связаны с критикой культурной гегемонии одного экономического класса над другими.

Причем первое направление развивается под названием «культурология», второе – под названием «науки о культуре», «культурные исследования», «культурная социология».

Также существует отраслевое понимание культуры. В советский и постсоветский период истории Российского государства неотъемлемой частью системы управления являются органы исполнительной власти, которые исполняют функцию «государственное управление культурой». На уровне Российской Федерации функционирует Министерство культуры РФ,

---

²⁶ Рерих Н.К. Избранное. М.: Советская Россия, 1979. 381 с.

на уровне субъектов созданы отраслевые органы: министерства, департаменты, комитеты, управления и другие типы, в муниципалитетах также действуют различные структурные подразделения, занимающиеся управлением культурными процессами.

В данном контексте культура – это отрасль экономики, включающая в себя деятельность учреждений и организаций культуры: образовательные, музейные, библиотечные, культурно-досуговые и театрално-зрелищные учреждения, зоопарки, цирки, творческие союзы и коллективы. Кроме того, в отраслевом понимании культура включает в себя деятельность по сохранению объектов материального и духовного культурного наследия. В целом в экономике культуры задействованы миллионы людей, здесь существует развитая бюрократическая система с большим количеством государственных и муниципальных служащих.

В языке повседневного общения термин «культура» подразумевает «этикет», «политес», «достижение определенного уровня образования». Культурный человек – это человек, который владеет правилами этикета, имеет внешний вид, соответствующий высокому социальному статусу, имеет высшее образование, доброжелателен в непосредственной коммуникации.

В современном контексте, помимо обозначенных выше вариаций понимания культуры, особую значимость приобретает культура в глобальном выражении. Как справедливо отмечает Н.В. Розенберг, «под глобальной культурой понимают культуру, существующую на огромных пространствах и, безусловно, имеющую свои достоинства и недостатки. К достоинствам аналитики культуры относят ее доступность, имея в виду чрезвычайно быстрое распространение информации, ориентацию на высокий уровень образования и компетентности, а именно знание иностранных языков, техники и технологии и т. п. Несомненным достоинством глобальной культуры является ее интернациональность, ориентация на разные слои населения и на разные национальности. Как недостаток все исследователи выделяют нивелировку национального разнообразия в культурах и, как

следствие, отсутствие диалога культур, существование определенной стандартизации в культуре, а также приоритет коммерческих массовых образцов. С этим нельзя не согласиться, ведь если культура глобализируется, то диалог культур теряет смысл, он возможен только тогда, когда каждая культура самоценна, вносит свой вклад во всемирную культуру и может чему-то учиться у другой»²⁷.

В сельском хозяйстве слово «культура» означает отличие сорта растения, выведенного человеком «искусственно» от «дикого растения». К сельскохозяйственным культурам относятся злаки, овощи, фрукты, ягоды, технические растения. Данные растения имеют «дикие», естественные формы, существующие в природе «без воздействия человека». Но они же имеют и формы, выведенные человеком в селекционной работе. Эти селекционные виды растений и называют «культурными», «культурами».

В федеральных и региональных законах о культуре термин «культура» употребляется не в академическом смысле, а в контексте регулирования российским государством культуры как особой отрасли постсоветской экономики. Это приводит к тому, что значение термина «культура» в контексте государственной политики связано не со всей сферой экономики культуры, а с практикой конкретно-просветительской деятельности, а также с «собирательством», «коллекционированием» и изучением объектов материального культурного наследия и историко-культурных материалов фольклорно-этнографического характера.

Можно зафиксировать определенное противоречие между академическими исследованиями в области культуры и пониманием культуры в контексте государственной политики Российской Федерации. Иногда граждане Российской Федерации ожидают, что законодательному нормотворчеству на федеральном и региональном уровнях будет подвергаться культура как система ценностей, знаков, видов деятельности,

---

²⁷ Розенберг Н.В. Философские аспекты осмысления понятия «глобальная культура» // Вестник Тамбовского университета. Сер. Филологические науки и культурология. 2015. № 3 (3). С. 5–9.

идеалов, образцов, эталонов, тогда как государственные чиновники и муниципальные служащие к предмету регулирования относят культуру как отрасль экономики. В Конституции Российской Федерации существует запрет на создание государственной идеологии. Если в федеральных и региональных законах о культуре регулировать культуру как систему ценностей или как систему идеалов, то это будет напоминать возвращение государственной идеологии, что противоречит Конституции.

В связи с этим можно обозначить существенный разрыв между пониманием культуры в контексте отрасли экономики (как объекта государственной политики) и академическим пониманием культуры как важнейшей сферы человеческой деятельности по созданию, трансляции и сохранению идеалов, эталонов, образцов (как в экономической, так и в духовной сфере). Этот разрыв имеет свою форму и на уровне реальной государственной культурной политики, когда до недавнего времени концепции, стратегии, целевые программы, проекты всех уровней государственного и муниципального управления затрагивали лишь только то содержание, которое связано с художественной самодеятельностью, фольклорно-этнографическими движениями, сохранением объектов культурного наследия и т. п.

Множество значений у термина «культура» даже в контексте ее «отраслевого» понимания. Существуют традиционные для советской и постсоветской России институты, связанные с отраслевым подходом к культуре, – музейные, театральные, библиотечные, культурно-досуговые учреждения, концертные залы, памятники архитектуры, которые для большинства государственных и муниципальных служащих, а также для многих людей в пространстве повседневной коммуникации в основном и связаны с понятием «культура». Однако сегодня сфера культуры невозможна без издательского дела, кинематографа, звукозаписи, производства компьютерных игр, дизайна, архитектуры, моды, радио и телевидения. Появляются такие понятия, как «культурная среда», «культурное

пространство», «культура жизнеобеспечения» и другие, которые означают ряд специфических (культурных) условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. При этом указывается, что культурную среду все сильнее преобразуют книжные магазины, ночные клубы, торгово-развлекательные центры, информационные технологии и мобильные устройства²⁸.

Если говорить о современной зарубежной научной практике, в первую очередь европейской и американской, то, помимо уже перечисленных основных значений термина «культура», необходимо добавить еще несколько:

- 1) культура в контексте реализации корпоративной политики и ее роли в увеличении стоимости активов компании;
- 2) культура в контексте функционирования общества, где в качестве основной ценностной доминанты выступает потребление материальных благ;
- 3) культура в контексте безопасности, которая понимается крайне широко: общественная, личная, гигиеническая, экологическая, производственная, финансовая и т.д.;
- 4) культура в контексте миграционной проблематики²⁹.

Если обратиться к классическим исследованиям термина «культура», то следует выделить труд «Культура: критический обзор понятий и определений» (1952), созданный американскими антропологами А. Крёбером

---

²⁸ Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. p. 10.

²⁹ Например, Chui A.C., Kwok C.C., Stephen Zhou G. National culture and the cost of debt // *Journal of Banking and Finance*. 2016. № 69. p. 1–19; Warszawska K., Kraslawski A. Method for quantitative assessment of safety culture // *Journal of Loss Prevention in the Process Industries*. V. 42, 2016. p. 27–34; Moura R.S., Valenti W.C., Henry-Silva G.G. Sustainability of Nile tilapia net-cage culture in a reservoir in a semi-arid region // *Ecological Indicators*. V. 66, 2016. p. 574–582; Zoghbi-Manrique-de-Lara P., Ting-Ding J.-M. The influence of corporate culture and workplace relationship quality on the outsourcing success in hotel firms // *International Journal of Hospitality Management*. V. 56, 2016. p. 66–77; Vogus T.J., Cull M.J., Hengelbrok N.E., Modell S.J., Epstein R.A. Assessing safety culture in child welfare: Evidence from Tennessee // *Children and Youth Services Review*. V. 65, 2016. p. 94–103; Prokop P., Medina-Jerez W., Coleman J., Fancovicová J., Özel M., Fedor P. Tolerance of frogs among high school students: Influences of disgust and culture // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. V. 12, Issue 6. 2016. p. 1499–1505; Chang L.-P. Spirits in the Material World: Ecocentrism in Native American Culture and Louise Erdrich's Chickadee // *Children's Literature in Education*. V. 47, Issue 2. 2016. p. 148–160; Bandy S.J. Gender and the 'cultural turn' in the study of sport and physical cultures // *Sport in Society*. V. 19, Issue 5. 2016. p. 726–735; Nair S.R., Little V.J. Context, Culture and Green Consumption: A New Framework // *Journal of International Consumer Marketing*. V. 28, Issue 3. 2016. p. 169–184.

и К. Клакхоном. В исследовании ученые систематизируют динамику изменений определений культуры, начиная с 90-х гг. XIX в., а также анализируют и классифицируют данные определения.

В результате проведенного анализа исследователи выделяют следующие основные подходы к пониманию культуры: дескриптивный, исторический, нормативный, психологический, структурный, антропологический.

В то же время предложенное А. Крёбером и К. Клакхоном собственное определение культуры было подвергнуто достаточно жесткой критике за объемность. Во многом это было связано с их утверждением, что «культура состоит из эксплицитных и имплицитных моделей поведения, приобретаемых и передаваемых с помощью символов, составляющих отличительное достижение человеческих групп, включая их воплощенность в артефактах; сердцевина культуры состоит из традиционных идей и, особенно, из приписываемых им ценностных значений; системы культур могут рассматриваться, с одной стороны, как производные от деятельности, а с другой – как элементы, обуславливающие дальнейшую деятельность»³⁰.

Если обратиться к другим исследованиям, то в контексте раскрытия динамики государственной культурной политики особую актуальность представляют принципы понимания культуры, выявленные известнейшим философом и социологом Карлом Манхеймом. Безусловно, одной из важнейших заслуг ученого является то, что он определил фундаментальные векторы исследований культуры:

- 1) релятивизация определенных сфер культуры по отношению друг к другу, при этом ценностный акцент делается на их совокупности;
- 2) понимание относительности и преходящего характера любой исторической формы того или иного феномена культуры;
- 3) понимание процессуального характера культуры;

---

³⁰ Kluckhohn C., Kroeber A. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge. 1952. 435 p.

4) соответствующее образованию переживание того или иного феномена культуры как такового, идеал образования;

5) антагонистическое разделение понятий «культура» и «природа»;

6) осознание общественного характера феномена культуры, что особенно важно в исследованиях культурной политики³¹.

Еще одним значимым зарубежным исследователем, внесшим существенный вклад в изучение культуры, является Лесли Элвин Уайт (1900–1975) – один из основателей теоретической школы неозолуционизма. Основные идеи ученого изложены в трех фундаментальных трудах: «Наука о культуре» (1949), «Эволюция культуры» (1959) и «Понятие культурных систем: ключ к пониманию племен и нации» (1975). Кроме того, ключевые идеи Л. Уайт изложил также в нескольких программных статьях, среди которых основными являются «Энергия и эволюция культуры» (1943) и «Культурология» (1958).

Следует отметить интерес отечественных исследователей к изучению наследия американского культуролога. В частности, впервые имя Л. Уайта упоминается в конце 40-х годов XX в. в работе М.Г. Левина «История, эволюция, диффузия (по поводу одной дискуссии)»³². Следующие упоминания имени исследователя относятся к концу 60-х и началу 70-х годов XX в.: работы Э.С. Маркаряна «Культурологическая теория Лесли Уайта и исторический процесс»³³ и В.Е. Давидовича, Ю.А. Жданова «Сущность культуры»³⁴.

Особую роль в изучении наследия ученого сыграли исследования Ю.П. Аверкиевой «Неозолуционизм, релятивизм, расизм» и «История теоретической мысли в американской этнографии»³⁵, где впервые в

---

³¹ Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000. С. 239.

³² Левин М.Г. История, эволюция, диффузия (по поводу одной дискуссии) // Советская этнография. 1947. № 2. С. 235–240.

³³ Маркарян Э.С. Культурологическая теория Лесли Уайта и исторический процесс // Вопросы философии. 1966. № 2. С. 104–105.

³⁴ Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Издательство Ростовского университета, 1979. 264 с.

³⁵ Аверкиева Ю.П. Неозолуционизм, релятивизм, расизм // Расы и народы. Т. 1. М., 1971. С. 39–41.; Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. 288 с.

отечественной практике была предпринята попытка философско-культурологического осмысления трудов Л. Уайта.

Из современных исследователей необходимо отметить труды Н. Артановского, А.А. Белика, Ю.В. Бромля, С.Я. Левита, С.В. Лурье, А. Токарева, А.Я. Флиера и др. Особое внимание обращает на себя интерес к трудам Л. Уайта как объекту диссертационных исследований. Например, А.Л. Рябова в работе «Культурология Лесли Уайта в контексте американской культурантропологии»³⁶ рассматривает на основе работ Л. Уайта не только логику американской науки о культуре, исследовательские направления и имеющиеся культурологические школы, но и дискуссионные проблемы, связанные со становлением культурологии в качестве самостоятельной науки.

Для Л. Уайта культура – экстрасоматический механизм, который человек использует в борьбе за собственное существование. В то же время данный механизм передается от человека к человеку небιологическими средствами, но с помощью социальных механизмов, «культуру можно назвать формой социальной наследственности». По мнению Л. Уайта, культура, состоящая из взаимодействующих элементов – утвари, орудий труда, амулетов, действий, верований, функционирующих в символическом контексте, – это интегрированная система, внутри которой можно вычленить подсистемы – технологическую, социальную и идеологическую³⁷.

К проблемам культуры Л. Уайт подходил с естественнонаучной точки зрения. В то же время антрополог изучает человека, прежде всего, как биологический вид, несмотря на то, что ему не были чужды теория эволюции Дарвина и физические законы термодинамики, к которым он прибегает для объяснения процессов, происходящих в культурном пространстве. Так, «согласно второму началу термодинамики космос как целое разрушается, организация системы все более нарушается, увеличивается диффузия

---

³⁶ Рябова А.Л. Культурология Лесли Уайта в контексте американской культурантропологии: дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2008. 187 с.

³⁷ Уайт Л. Энергия и эволюция культуры // Наука о культуре: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 440.

энергии. Но в крошечных секторах космоса, а именно в живых материальных системах, происходит обратный процесс: организация увеличивается, энергия концентрируется. Жизнь – созидательный процесс. Но, чтобы противостоять космическому потоку, живые организмы должны захватывать свободную энергию из неживых систем и использовать ее для поддержания жизни. С этой точки зрения жизнь есть борьба за свободную энергию»³⁸.

В соответствии с основной идеей Л. Уайта, заключающейся в том, что культура призвана извлекать энергию и употреблять ее на пользу человечества, культура понимается им как сложная термодинамическая система, для осуществления функций которой, в первую очередь, важен ее технологический аспект, в то время как два других являются лишь его дополнением и отражением.

Если же говорить о факторе, определяющем развитие культуры, то, согласно воззрениям Л. Уайта, таковым фактором является энергия. При этом антрополог подчеркивает, что энергия в чистом виде существующая во Вселенной, по сути, никакого отношения к культуре не имеет. Важна лишь та энергия, которая вовлекается человеком в его жизнедеятельность, степень совершенства технологических средств, с помощью которых происходит это вовлечение, и объем культурных продуктов, которые стало возможным произвести при вовлечении определенного количества энергии и использовании ее с помощью наличествующих на данном этапе технических средств. На основании этих заключений Л. Уайт выделяет три универсальных фактора культурной системы:

- количество энергии, которое используется в расчете на душу населения;
- эффективность технологических средств, благодаря которым энергия извлекается и ставится на службу человеку;

---

³⁸ Уайт Л. Энергия и эволюция культуры. С. 440.

– совокупный объем произведенных предметов и услуг, которые позволяют удовлетворять человеческие потребности³⁹.

На основании проведенных исследований Л. Уайт сформулировал общий закон культурной эволюции: «при прочих равных условиях культура развивается по мере того, как увеличивается количество энергии, потребляемое в год на душу населения, либо по мере роста эффективности орудий труда, при помощи которых используется энергия»⁴⁰.

Необходимо отметить, что Л. Уайт является одним из основателей методологии культурных исследований, заключающейся в попытке объединения двух различных подходов. Так, Л. Уайт в предшествующих и современных ему исследованиях выделял исторический и функциональный подходы, первый изучал временной процесс, второй – формально-функциональный. С помощью первого исследовалась история обычаев, идей; второй был применен к изучению социальной структуры и функций общества. Л. Уайт настаивал на объединении двух методов в эволюционном методе, который ориентирован на формально-временной процесс и необходим при изучении эволюции культурных черт, институтов, эволюции культуры в целом.

Именно этот, эволюционистский, метод, согласно Л. Уайту, должен снять возникнувшие в среде ученых, занимающихся культурными исследованиями, противоречия, заключающиеся в делении ученых на кабинетных и полевых исследователей, поскольку Л. Уайт утверждал, что невозможно добиться истинных результатов, применяя лишь один метод. Таким образом, теоретические и практические методы должны применяться интегрировано.

Помимо трудов Л. Уайта, фундаментальное значение для выявления корректного определения понятия «культура» как основы культурной политики имеют работы американского антрополога и социолога Клиффорда

---

³⁹ Уайт Л. Энергия и эволюция культуры. С. 443.

⁴⁰ Там же. С. 444.

Гирца (1926–2006). Это связано в первую очередь с тем, что именно К. Гирц известен как автор оригинальной концепции культуры и интерпретативного подхода к её изучению, вобравшего в себя элементы аналитической философии и философии символических форм, структурализма, герменевтики и понимающей социологии. Основные концептуальные идеи ученого изложены в следующих фундаментальных трудах и статьях: «Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры» (1973), «Интерпретация культур» (1973) и «Локальное знание» (1983).

Следует отметить, что до недавнего времени в отечественных исследованиях уделялось недостаточно внимания изучению наследия американского антрополога, так как многие труды К. Гирца были практически недоступны для отечественных ученых вплоть до 90-х годов XX в.

В сегодняшней ситуации наблюдается все возрастающий интерес к трудам ученого. Например, В.Н. Килькеев в диссертационном исследовании «Теоретико-методологические принципы культурной антропологии Клиффорда Гирца»⁴¹ подробно рассматривает интерпретативный подход в культурной антропологии, автором которого и является К. Гирц. Особо В.Н. Килькеев отмечает, что «развившаяся на основе этого подхода интерпретативная антропология оказала наиболее ощутимое влияние на интеллектуальный климат и концептуально-терминологический аппарат философии, истории, политологии, социологии, литературоведения, культурологии и многих других гуманитарных дисциплин в последней четверти XX века»⁴².

В контексте проводимого диссертационного исследования особую актуальность представляет приверженность К. Гирца к «эмическому» подходу, суть которого заключается в анализе культуры посредством когнитивных процессов, протекающих внутри самой культуры.

---

⁴¹ Килькеев В.Н. Теоретико-методологические принципы культурной антропологии Клиффорда Гирца: дис. ... канд. филос. наук. Смоленск, 2009. 142 с.

⁴² Там же. С. 20.

Как отмечает В.Н. Килькеев, стремясь понять феномен человека через призму культуры, «К. Гирц в контексте своей концепции выдвигает две основополагающие идеи, характеризующие человека:

1) набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций;

2) животное, которое зависит от таких культурных программ как слова, жесты, рисунки и вообще любые материальные чувственно воспринимаемые объекты, которые люди используют для придания смысла своему опыту»⁴³.

Следовательно, эти программы представляют собой упорядоченный и зафиксированный посредством символических форм опыт предков. Следовательно, К. Гирц понимает культуру как «исторически передаваемую систему значений, воплощённых в символах; систему унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют, развивают своё знание о жизни и отношение к ней»⁴⁴.

Информацию, получаемую человеком от предков и призванную направлять поведение, исследователь разделяет на два основных блока – этос и картину мира. В понятие «этос» К. Гирцем объединяются этические, эстетические и аксиологические аспекты культуры. Оно отражает характер и стиль жизни носителей данной культуры, образует основу отношения данного народа к самому себе и к миру. «Картина мира» содержит представления о формах существования объективной реальности, определённый способ понимания природы, человека, общества, идеи об устройстве мироздания.

В то же время исследователь отмечает, что культурным моделям присуща двойственность: они являются как моделями для чего-то, так и в равной степени моделями чего-то. Таким образом, эти структуры отражают не только представление человека о реальности, но они также предоставляют

---

⁴³ Килькеев В.Н. Теоретико-методологические принципы культурной антропологии Клиффорда Гирца. С. 138–142.

⁴⁴ Там же. С. 106.

модель для формирования социальной и психологической реальности. В этом и кроется секрет механизма соединения этоса и картины мира, который находит своё воплощение в ритуале: «Вызывая определённый набор настроений, мотиваций – этос – и создавая определённый образ космического порядка – картину мира – при помощи одного и того же ряда символов, ритуальное действие воплощает аспект «модели чего-то» и аспект «модели для чего-то» в аспекты взаимозаменяемые»⁴⁵.

Особо интересным является мнение исследователя относительно того, что традиционные государства, вступая на путь модернизации, начинают отступать от политики благочестия и народной мудрости. В новых условиях унаследованные образы власти, ответственности и гражданских целей кажутся совершенно неадекватными. Привычные образы политического порядка теряют актуальность или оказываются дискредитированными. В условиях отсутствия культурных ресурсов, с помощью которых можно было бы осмыслить и разрядить создавшееся общественно-психологическое напряжение, начинаются поиски новых символических категорий, которые помогали бы формулировать, осмыслять политические проблемы и на них реагировать.

По мнению К. Гирца искусство, как и остальные три культурные системы, имеет символический характер, поэтому наука, призванная их изучать, должна быть семиотической. В статье «В поисках интерпретативной теории культуры» исследователь пишет: «концепция культуры, которой я придерживаюсь, является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а её анализ – за дело науки, занятой поисками значений»⁴⁶.

Итак, можно сделать вывод, что четыре культурные системы, рассмотренные К. Гирцем, носят характер культурных универсалий и

---

⁴⁵ Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 137.

⁴⁶ Там же. С. 11.

выполняют сходную функцию – формирование поведения в рамках определённой культуры. Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на очевидное влияние со стороны структурализма и семиотики, интерпретативная антропология далека от поиска абстрактных схем глобального масштаба. Исследователь настаивает на необходимости связи анализа с конкретной культурой, в чём выражалась его приверженность к «эмическому» подходу в антропологии.

Таким образом, носители определенной культуры выстраивают своё поведение согласно тем моделям, которые им для этого предлагает их культура. Она выступает в качестве своеобразной «грамматики», которой люди пользуются для формирования «высказываний» – социальных действий, нагруженных смыслом, доступным в полной мере только носителям данной культуры. Поведению носителей изучаемой культуры антрополог призывает уделять особо пристальное внимание, потому что «...именно в поведении – или, точнее, социальном действии – проявляются, артикулируются культурные формы»⁴⁷.

В отечественных исследованиях также появляются классификации дефиниций культуры, авторы которых указывают на то, что за этим многообразием подходов и определений скрывается определенная историческая логика, связанная с развитием самого понятия.

В целом можно выделить три методологических подхода к пониманию культуры: аксиологический, деятельностный, семантический. Кроме того, в научном дискурсе присутствует историческое движение понятия от понимания культуры как возделывания почвы через понимание культуры как суммы идеальных сущностей к синтетическому пониманию культуры как системы материальных и духовных идеалов, определяющих базовые процессы человеческой деятельности⁴⁸.

---

⁴⁷ Гирц К. Интерпретация культур. С. 25.

⁴⁸ Пивоваров Д.В. Философия религии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46689> (дата обращения: 31.07.2011).

Значимым представляется видение культуры, обозначенное в исследовании П.Л. Волка «Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза»⁴⁹. В данном труде автором подчеркивается, что системность культуры отражается в системности знаний о культуре. В результате П.Л. Волк дает следующее определение культуры – «культура есть специфически человеческая форма активности в диалектическом единстве способа, процесса и результата»⁵⁰.

При этом автор основывается на понимании системности, предложенном Ф.И. Перегудовым и В.П. Тарасенко, которые приводят основные ее признаки, важные для понимания сути не только собственно культуры, но и культурной политики:

- 1) система обладает целостностью;
- 2) обособленность системы в среде не означает ее изолированности от среды: система связана со средой, существует в ней, взаимодействует с ней, обменивается со средой энергией, материей, информацией. Таким образом, все системы являются открытыми и замкнутых систем не существует;
- 3) система состоит из определенных составных частей;
- 4) делимость системы на части не означает, что данные части изолированы друг от друга. Наоборот, части образуют целое благодаря связям между ними. Открытость системы означает, что ее части связаны и с внешней средой, но цельность системы основана на том, что внутренние связи частей, образующие структуру системы, важнее внешних связей;
- 5) целостность системы обусловлена определенными свойствами, которых нет у составляющих ее частей. Свойства системы не сводятся к свойствам ее частей, не являются простой совокупностью этих свойств. Возникновение принципиально нового качества, не существующего без объединения частей в систему, называется эмерджентностью. Понятие эмерджентности проясняет разницу между внешними и внутренними

---

⁴⁹ Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза: дис. ... д-ра культурологии. Кемерово, 2005. 423 с.

⁵⁰ Там же. С. 49.

связями системы: свойство системы как целого проявляется в ее взаимодействии с окружающей средой (т.е. реализуется через внешние связи как функция системы), но само это свойство возникает и может существовать лишь благодаря взаимодействию частей;

б) изъятие какой-либо части из системы приводит к потере существенных ее свойств, следовательно, система становится другой. Более того, часть, изъятая из системы, также теряет свои существенные свойства, которые могли реализовываться лишь до тех пор, пока эта часть находилась в системе;

7) открытость системы, ее связанность со средой означает, что она (система) в свою очередь входит в какую-то большую систему, является частью в этой большей системе. В результате мир предстает как иерархическая система вложенных друг в друга, перекрывающихся частично или полностью, или разделенных, но взаимодействующих систем;

8) внутренняя и внешняя целостность систем обобщаются, объединяются, синтезируются в понятии цели, которая как бы диктует и структуру, и функцию системы. Функция системы интерпретируется как проявление целеустремленности системы; структура системы выступает при этом как вариант реализации цели;

9) системы не являются неизменными – в результате внешних и внутренних взаимодействий все системы подвержены постоянным изменениям и находятся в динамике. Многообразие процессов, происходящих с системами, велико: их классификация проводится по разным основаниям (развитие – рост – равновесие – убыль – деградация; цикличность – непериодичность; детерминированность – случайность; рождение – жизнь – смерть и т. д.)⁵¹.

Таким образом, многие явления в системах невозможно понять без учета их динамики, что справедливо отнести и к анализу культурной политики как самодостаточного вида государственного строительства.

---

⁵¹ Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Основы системного анализа. Томск, 1997. С. 19–21.

Не менее интересным и методологически значимым подходом к определению понятия «культура» является подход В.С. Библера, который разработал следующие ее определения:

«1) культура – это форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, как формы диалога и взаимопорождения культур, каждая из которых есть форма одновременного бытия;

2) культура – это форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления, то есть культура – это форма свободного решения и предрешения своей судьбы в сознании ее исторической и всеобщей ответственности;

3) культура – это изобретение «мира впервые», ибо в своих произведениях она позволяет читателю, слушателю, зрителю как бы заново породить мир из плоскости полотна, хаоса красок, ритма стихов, половодья звуков»⁵².

Как справедливо отмечено в диссертационном исследовании «Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации», «наиболее методологически перспективным и концептуально значимым является синтетическое понимание культуры как идеалообразования, включающего в себя и материальное производство эталонов, и идеальные процессы, связанные с их усвоением и экспликацией полученного через эталоны знания на более широкие области реальности. В синтетическом определении культура рассматривается как процесс и результат человеческой деятельности, связанной с выработкой и почитанием особо значимых и ценных для общества идеалов. Понимание культуры как процесса идеалообразования

---

⁵² Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век). М.: Издательство политической литературы, 1991. 414 с.

опирается на классические и современные философские концепции, имеет ярко выраженный диалектический характер»⁵³.

В настоящее время концепция идеалообразования развивается в работах Д.В. Пивоварова, где данный процесс понимается как взаимное отражение субъекта и объекта, включающее в себя ряд необходимых стадий: «первая – выделение в чувственно воспринимаемой предметной среде объекта, который определяется и признается субъектом в качестве эталона, образца. Вторая стадия идеалообразования связана с тем, что данный объект – эталон – полагается посредством интериоризации изобретенной схемы действия с образцом в субъективный мир индивида. Третья стадия процесса идеалообразования – это экспликация эмпирического знания о конкретных свойствах эталона на более широкую реальность, чем та, которая дана в непосредственном чувственном опыте. Данная экстраполяция имеет нейрофизиологическую природу и обусловлена широким спектром интеллектуальных методов (синтезом и анализом, дедукцией и индукцией, аналогией, формализацией и т. д.). Выбор же конкретного предмета в качестве эталонного объекта может быть обусловлен как индивидуальными, так и социальными факторами»⁵⁴.

По мнению Д.В. Пивоварова, знание идеала обеспечивается совмещением двух познавательных способностей человека: направленной на внешнюю телесность эталона (символа, знака, репрезентанта); направленной к рациональному обнаружению скрытых «надчувственных» значений эталона. В результате познание идеала завершается субъективной проекцией идеального образа на целый класс предметов или даже на мир в целом.

Идеал имеет диалектическую форму, совмещающую в нем материальное и духовное. Следовательно, идеал не может быть только материальным или только духовным. В свою очередь, идеалообразование

---

⁵³ Лузан В.С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011. 24 с.

⁵⁴ Пивоваров Д.В. Философия религии.

также диалектически совмещает в себе материально-сознательные, познавательные, духовные компоненты человеческой деятельности.

В качестве субъектов идеалообразования и, следовательно, субъектов культурной политики могут выступать различные государственные и частные институты, человечество как таковое, социальные группы и небольшие коллективы, а также отдельные индивиды. В соответствии с многообразием предметного мира и форм человеческой деятельности идеалообразование обуславливает не какую-либо единственную культуру, а их множество, различающихся по содержанию и форме.

В то же время, несмотря на развернутость представленной концепции культуры как идеалообразования, она не является повсеместно признанной. Наряду с данным пониманием существует множество других концепций, в том числе продолжающих противопоставлять экономические и духовные эталоны, материальную и духовную стороны культуры, акцентировать один аспект идеала и игнорировать при этом другие.

Таким образом, в русле проводимого диссертационного исследования, направленного на выявление динамики культурной политики Российской Федерации в период новейшей истории, понимание культуры как идеалообразования представляет методологическую значимость в связи с тем, что одной из основных целей культурной политики является выстраивание процесса идеалообразования человека в качестве полноценного гражданина государства. В данном контексте нельзя не затронуть еще один важный процесс, логически вытекающий из идеалообразования – формирование «нужных» государству культурных потребностей у населения, что особенно актуально для Российской Федерации, где абсолютное большинство учреждений социально-культурной сферы, занимающихся данной деятельностью, имеют государственную или муниципальную форму собственности.

В этом контексте основные проблемы в области формирования культурных потребностей с позиции государственного управления подробно

рассмотрены в статье «Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке» и заключаются в следующем:

«← однородность культурных потребностей населения, ориентация на массовую культуру, отказ от «высокой» культуры;

– возрастающая дифференциация услуг по предоставлению культурных продуктов, кризис институтов культуры, созданный нежеланием преобразовывать деятельность традиционных видов культурных учреждений к современным культурным потребностям населения;

– дезориентация социальных функций культуры, смещение приоритетов и ценностных ориентиров;

– отсутствие концепции культурной политики как фактора структурирования социально-культурного пространства для устойчивого развития общества;

– отсутствие национально-государственной идеологии как стержня духовного и социального развития конкретного общества»⁵⁵.

Кроме того, авторы статьи также выявляют основные положительные тенденции в формировании культурных потребностей, возникшие в условиях глобальных трансформаций:

– функционирование сети социально-культурных учреждений, формирующих культурные потребности;

– создание информативной основы для развития социально-культурной среды не только общества в целом, но и отдельного индивида;

– формирование культурного плюрализма, основанного на развитии различных направлений культуры;

– учет культурных потребностей различных социально-демографических групп;

– разрушение монопольного влияния государства на формирование культурных потребностей населения;

---

⁵⁵ Копцева Н.П., Бахова Н.А., Замараева Ю.С., Кирко В.И. Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6183> (дата обращения: 31.07.2015).

- разработка стратегии государственной культурной политики, ориентированной на повышение ее эффективности и увеличение реального влияния на жизнь общества;

- модернизация инструментов культурной политики, основанных на принципах взаимодополняемости, субсидиарности и диверсификации;

- разработка эффективных механизмов органичного взаимодействия различных культур как в отдельных регионах, так и в государстве в целом.

Если же говорить об отрицательных тенденциях, то следует обозначить следующие:

- преобладание низкопробной массовой культуры, как результат – стандартизация культурного потребления и досугового поведения большинства населения, утверждение пассивно-потребительского отношения к культурным ценностям;

- возникновение вероятности конфликта ценностей между культурой и социальными отношениями в результате снижения уровня культурной активности населения;

- утрата единой национальной идеи и традиционных ценностей в связи с нарастающей тенденцией интернационализации культур;

- отсутствие новых подходов к финансированию социально-культурной сферы в условиях снижения возможностей государственных и муниципальных бюджетов и перехода к рыночным отношениям;

- отсутствие межведомственного взаимодействия между основными субъектами, занимающимися реализацией культурной политики на государственном и муниципальном уровнях;

- существование двух противоположных позиций: первая заключается в том, что государство не должно вмешиваться в деятельность учреждений и мастеров культуры; вторая – без поддержки со стороны государства культура в отраслевом понимании не сможет выжить и будет обречена на сокращение своих масштабов и функций;

– отсутствие инновационных механизмов в реализации культурной политики, основанных на сотрудничестве государственных и частных институтов по решению задач в целях повышения качества жизни и всестороннего развития человеческого капитала;

– сложность организации региональной культурной политики.

Таким образом, в современном научном дискурсе термин «культура» имеет большой спектр значений. Существует активная научная дискуссия о культуре как философско-культурологическом понятии. Одновременно культура фигурирует в государственных нормативных правовых документах как объект государственной политики. С третьей стороны, слово «культура» имеет широкое распространение в повседневной коммуникации в различных контекстах: воспитание, сельское хозяйство, безопасность, корпоративные отношения и т. д.

В заключение следует отметить, одна из составляющих понятия «культурная политика» в виде концепта «культура», которое достаточно подробно было рассмотрено в данном пункте, выстраивается на основе концепции идеалообразования, что соответствует декларируемому в Основах культурной политики тезису о том, что «государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам народов Российской Федерации и позволяет раскрыть таланты, дарования и способности каждого человека»⁵⁶. Собственно понятие «культурная политика» подробно будет раскрыто в п. 1.2 диссертационного исследования.

---

⁵⁶ Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

1.2. Понятие «культурная политика» в современном научном дискурсе

Как уже было отмечено, в культурологии понятие «культурная политика» является производным от двух: «культура» и «политика». По отношению к понятию «политика» мнения и подходы столь же различны, как и к понятию «культура». В настоящее время активно развивается специальная наука о политике – политология, и практически все базовые разделы социальных и гуманитарных наук содержат политические исследования, среди которых выделяются политическая история, философия политики, социология политики и т. д. Кроме того, в отечественной и зарубежной практике имеется множество мета-теоретических исследований, где в качестве предмета выступает вариативность подходов к политике, например, выделяются субстанциальные, социологические, связанные со специфической интерпретацией политики⁵⁷.

В современном понимании политика – это сфера общественных отношений между различными социальными группами на предмет использования политической власти с целью реализации их общественно значимых потребностей и интересов. В целом в политологии «политическим считается любой факт, действие или ситуация, если они выражают существующие в социальной группе отношения власти и подчинения для достижения общей цели»⁵⁸.

Согласно мнению Э.А. Пронина, «политика – это сфера общественных отношений, в которой отражаются интересы больших групп людей и задействована политическая власть»⁵⁹. Государственная политика выступает процессом непосредственного управления обществом, направленным на регулирование отношений между людьми во всех сферах общественной жизни.

---

⁵⁷ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2003. 476 с.

⁵⁸ Политика: энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, раздел «политология» [Электронный ресурс]. URL: www.gubricop.ru (дата обращения: 31.07.2014).

⁵⁹ Пронин Э.А. Политология: конспект лекций. М.: МИЭМП, 2005. С. 7.

Необходимо отметить, что политика в общем понимании включает в себя следующие структурные звенья: политические отношения (устойчивые взаимосвязи общественных групп между собой и властью), политическое сознание (отношение людей к власти), политическую организацию (институты публичной власти), политические интересы и политическую деятельность.

Функционирование политики в обществе определяется как непосредственно самим обществом и действующей системой государственного устройства, так и самой политикой, ее исторически сложившимися свойствами существования. Понятием «политика» (греч. *politika* – государственные и общественные дела или наука государственного управления) также обозначается сфера деятельности, связанная с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами⁶⁰.

Таким образом, власть отражает характер социально-политических отношений, складывающихся между теми, кто ей обладает, и теми, кто ей не обладает. Ввиду этого политика как средство осуществления властных полномочий зависит от формы государственного устройства. В ней находят отражение правовые и моральные нормы, политические взгляды, национальные и культурно-исторические ценности, характерные для действующей системы власти.

Политика – это особая сфера жизни общества, в которой выражаются интересы значительных групп людей, связанная с выражением социальных, национальных интересов. В то же время политика – область жизни общества, связанная с осуществлением власти.

Политическая власть – это реальная способность государственных, общественных организаций, отдельных лиц, обладающих властными полномочиями, внедрять в общественную практику свою идеологическую

---

⁶⁰ Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля [Электронный ресурс]. URL: www.yandex.ru (дата обращения: 31.07.2014).

программу, выражаемую в принимаемых законах и иных политических решениях.

По мнению К.С. Гаджиева «политика имеет структурные и системные компоненты, которые охватывают аспекты политического господства и правления, господства и сотрудничества, конституцирования власти и политического неравенства, механизма правления в рамках различных государственно-политических систем, отношений людей с институтами власти, механизма обеспечения единства жизнеспособности и бесперебойного функционирования политической системы, политической социализации, политической коммуникации и средств массовой информации и т. д.»⁶¹.

Необходимо обозначить мнение Р. Арона, который различает два значения термина «политика»:

- «1) как программу, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом;
- 2) область общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические направления.

Следовательно, политика – одновременно сфера и форма деятельности»⁶².

В связи с тем, что человек является центральным субъектом политики, ее можно определить и как функцию взаимодействия людей между собой. Люди, как составляющие общества, могут преследовать разные цели и поступать по-разному, но очевидно и то, что они не могут жить вместе, если расходятся друг с другом во всех без исключения вопросах. Таким образом, политика призвана найти пути разрешения возникающих конфликтов во всех областях человеческой жизнедеятельности, в том числе в сфере культуры.

---

⁶¹ Гаджиев К.С. Введение в политическую науку: учебник для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 544 с.

⁶² Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. С. 21–22.

В данном диссертационном исследовании в качестве методологической и концептуальной основы используется понимание политики Е.М. Бабосовым, который проанализировал восемь современных подходов и предложил обобщенное определение политики в качестве «сферы деятельности, в которой реализуются отношения господства и подчинения между социальными классами и слоями, связанные с завоеванием, распределением, удержанием, осуществлением или ниспровержением, а также использованием власти»⁶³. Поскольку целью данной диссертационной работы является исследование конкретно государственной культурной политики, имеющей значительную специфику по сравнению с другими разновидностями внутренней и внешней политики, то нет особой необходимости подробнее останавливаться на дискуссиях по поводу понятия «политика», а следует обратиться к понятию «культурная политика».

Исходя из анализа мировой истории, следует заключить, что культурная политика как самостоятельный вид государственного управления появляется в Европе в конце XVIII века. Так, уже во времена Французской революции интеллектуальная, законодательная и административная элита осуществляла активную деятельность по созданию «культуры» как области управления отдельными гражданами, сообществами и населением в целом. Интенсивно разрабатывались языковая политика, национальный курс государства, концептуальное видение деятельности публичных музеев и библиотек. Кроме того, именно в данный период были введены новые символы, новый календарь, знаки и памятники республики. Деятельно велась работа по созданию материальной базы нового образа жизни, способов индивидуального и общественного поведения.

На этапе становления культурная политика многих передовых в экономическом отношении стран носила централизованный характер, при котором ведущая роль отводилась государству. «Она состояла в расширении сети учреждений культуры, которые и создавались, и направлялись

---

⁶³ Социология: энциклопедический словарь. М., 2009. 480 с.

центральной властью. В основу этой политики было поставлено культурное потребление»⁶⁴.

После окончания Второй мировой войны широкое распространение получила идея культурной демократии или равного доступа всех к культурным благам. В начале 1970-х годов подход, при котором культуре и искусству отводилась «облагораживающая общественная роль», оказался под огнем критики со стороны тех, кто считал, что заранее задавать набор культурных ценностей и художественных форм, к которым предоставляется доступ, значит нарушать принципы демократии.

Во многом в связи с этим начиная с 1970-х годов большинство западноевропейских государств приступило к поиску новых моделей культурной политики. В настоящее время существует множество типологизаций моделей культурной политики, что объясняется разными подходами к определению ее целей, задач и непосредственных механизмов реализации.

В этом контексте интересными представляются основные характеристики новой культурной политики, которые выделяет отечественный исследователь Л.Е. Востряков. Стоит отметить, что данные характеристики становятся актуальными начиная с 1980-х годов:

«– развитие культуры не подразумевает количественного приращения, которое бы инициировалось и управлялось центральными властями;

– внимание уделяется не столько потреблению культурного продукта, сколько личной деятельности;

– главной целью является усиление местной идентичности и участие в культурной жизни на местном уровне, что предполагает децентрализацию управления культурой»⁶⁵.

В результате практической реализации указанных выше положений, основной чертой культурной политики данного периода явился процесс

---

⁶⁴ Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели [Электронный ресурс]. URL: www.cpolicy.ru/analytics/80.html (дата обращения: 31.07.2012).

⁶⁵ Востряков Л.Е. Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т.2, № 1. С. 48.

децентрализации, которая представляла собой определенную форму партнерства центральных (национальных) органов государственной власти и регионов. В России данный процесс наиболее активно начался в 2000-х годах, когда в силу вступил Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶⁶.

Децентрализация культурной политики открыла дорогу новым субъектам, в частности, интерес к культурной деятельности стал проявлять частный сектор экономики. Как отмечает шведский исследователь Г. Вестхейм, «при помощи так называемых «проектов смешанного использования» и сотрудничества частные инвесторы, государственные управленцы и представители культуры пытались достичь каждый своей цели. Частные инвесторы были заинтересованы найти способы создания нового рыночного сектора и использовать культуру для того, чтобы привлечь состоятельных клиентов. Городские власти стремились сделать свои территории привлекательными; менеджеры культуры видели в этом возможность оказывать прямое влияние на власть и рассчитывали на финансовые поступления как от частных, так и от государственных инвесторов»⁶⁷.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. наблюдается активное становление инструментального подхода к культурной политике, в рамках которого ценность культуры стала определяться ее способностью служить различным политическим целям и стратегиям, направленным, в первую очередь, на развитие общества и решение его социальных проблем.

Примерно в это же время на смену традиционной концепции экономического развития, рассматривающей экономический рост рассматривается как улучшение материальных условий жизни населения, пришла более широкая концепция, где культуре отводится одно из ведущих

---

⁶⁶ Об общих принципах организации ...: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

⁶⁷ Цит. по Востряков Л.Е. Модели культурной политики (кросскультурный анализ) // Общество и экономика. 2004. № 1. С. 151–152.

мест. С учетом данного контекста становится совершенно логичным, что новая концепция социально-экономического развития рассматривает культурные ресурсы и творчество как важнейший фактор формирования современной экономики и уделяет особое внимание политической поддержке культурных индустрий.

Следовательно, в условиях современного этапа развития большинства развитых и развивающихся государств культурная политика является не менее важной и значимой, чем политика экономическая и социальная, так как с ее помощью осуществляется регулирование сферы культуры и государственной идеологии, если она имеется. Только средствами культурной политики государство может оказывать направляющее, регулирующее воздействие на процесс формирования личностных качеств граждан страны и, как следствие, на формирование человеческого капитала в целом.

«Главным инструментом умиротворения общества, его этического обновления, снижения накала внутреннего ожесточения является Культура. Основная решающая функция культуры человекотворческая. Она вытекает из ее высшего предназначения: создать, творить человека, его духовный мир»⁶⁸. Таким образом, можно сказать, что «обязательным компонентом культуры выступает нормативная система регулирования общественных отношений»⁶⁹.

Реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»⁷⁰.

Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» определяет

---

⁶⁸ Основы государственной культурной политики. Красноярск, 2006. С. 7.

⁶⁹ Гусейнов А.И. Соционормативная сфера культуры // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 39.

⁷⁰ Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели [Электронный ресурс]. URL: www.cpolicy.ru/analytics/80.html (дата обращения: 31.07.2012).

«государственную культурную политику (политику государства в области культурного развития) как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры»⁷¹.

Если же обратиться к принятым в конце 2014 года Основам культурной политики, то в данном документе впервые на официальном уровне обозначены основополагающие принципы, на которых должна выстраиваться современная государственная культурная политика Российской Федерации:

«– влияние культуры на все аспекты политики государства и сферы жизни общества;

– понимание культуры России как неотъемлемой части мировой культуры;

– приоритет права общества на сохранение материального и нематериального культурного наследия России перед имущественными интересами физических и юридических лиц;

– сочетание универсальности цели государственной культурной политики и уникальности субъектов и объектов культурной деятельности;

– территориальное и социальное равенство граждан при реализации права на доступ к культурным ценностям и участие в культурной деятельности;

– преобладание качественных показателей при оценке эффективности достижения целей государственной культурной политики»⁷².

По мнению А.Я. Флиера, культурная политика видится «как совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам по всей системе культуропроизводящих институтов, как система

---

⁷¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

⁷² Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

новых принципов пропорционирования государственной и общественной составляющих в социальной и культурной жизни, как комплекс мер по заблаговременному налаживанию научного и образовательного обеспечения этих принципов, по целенаправленной подготовке кадров для квалифицированного регулирования социокультурных процессов завтрашнего дня, а главное – как осмысленная корректировка общего содержания отечественной культуры»⁷³.

В определении, предложенном французскими исследователями Ж. Гентил и А. Жераром, термин «культурная политика» рассматривается с точки зрения не только поставленных целей, но и состояния институтов и ресурсов: «Политика представляет собой систему взаимосвязанных целей, практических задач и средств, выбранных экспертом и направленных на определенную группу в обществе. Культурная политика может осуществляться в рамках объединения, партии, образовательного движения, организации, предприятия, города, правительства. Но, независимо от субъекта политики, она предполагает существование долгосрочных целей, среднесрочных и измеряемых задач и средств (человеческих ресурсов, финансов и законодательной базы), объединенных в чрезвычайно сложную систему»⁷⁴.

Предложенные выше определения позволяют выделить три вида действий государства или иных основных субъектов культурной политики, необходимых для ее реализации:

- определение культурных ценностей, приоритетов и целей;
- планирование управленческих инициатив и финансовых расходов, соответствующих данным целям;
- систематический мониторинг реализуемой культурной политики, который позволяет оценить культурное влияние каждого управленческого и социального действия.

---

⁷³ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

⁷⁴ Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели [Электронный ресурс]. URL: www.cpolicy.ru/analytics/80.html.

Таким образом, становится очевидным, что «существует принципиальное различие между тем, как культурная политика определяется на теоретико-методологическом уровне, и тем, как она определяется на уровне конкретных управленческих решений. Однако уровень теоретических обобщений открывает новые концептуальные возможности и позволяет формулировать новые стратегические цели, в то время как “управленческие” определения, содержащие в большей степени тактические составляющие, отвечают на вопрос: Как, с кем и с помощью каких ресурсов культурная политика может быть реализована?»⁷⁵.

Кроме того, одну из самых серьезных проблем в выявлении корректного определения понятия «культурная политика» представляет размытость границ сферы культуры: существуют традиционные культурные институты – музейные, театрально-зрелищные, библиотечные учреждения, концертные залы различной формы собственности, объекты культурного наследия, которые для большинства людей в основном и ассоциируются с понятием «культура». В то же время сфера культуры гораздо шире и включает в себя издательское и архивное дело, кинематограф, производство компьютерных игр, дизайн, архитектуру, моду, туризм, средства массовой информации. Культурную среду все сильнее преобразуют такие институты, как торгово-развлекательные центры, книжные магазины, масштабные культурно-развлекательные мероприятия или новые технологии, причем не только связанные с телекоммуникационной сетью Интернет, но и современными техническими устройствами.

В этом контексте представляется необходимым ввести ограничение сферы применения культурной политики элементами культурной среды человека. При этом будет справедливо полагать, что под элементами культурной среды человека понимаются элементы, поддающиеся управлению институциональными механизмами воздействия на эту среду.

---

⁷⁵ Основы государственной культурной политики. С. 10.

Культурная среда согласно определению А. Арнольдова, «представляет собой совокупность окружающих человека объектов – вещей, идей, образов, образцов деятельности, поведения и взаимодействия. Каждый человек принадлежит к определенной культурной среде. Он ориентирован на нее в своих интересах и запросах. Параметры среды, в конечном счете, определяют качества и характеристики каждого человека. Все время существования в рамках общества человек проводит в культурной среде, создающей определенный образ жизни, в котором раскрывается не только стиль жизни, но и система человеческих отношений. Культурная среда представляет собой своеобразный источник многостороннего воздействия на различные стороны социализации личности, являясь в то же время сферой самоопределения и самореализации личности»⁷⁶.

Обозначенные компоненты не только взаимодействуют и дополняют друг друга, но и вступают в противоборство. И те и другие элементы отличаются сложным многообразием целенаправленных и стихийно направленных сил, оказывающих свое влияние на личность. Микросреда – ближайшее окружение человека – семья или трудовой коллектив. Культурная макросреда – более широкое социально-культурное окружение человека – город, страна, современная мировая культура в целом.

А. Арнольдов подчеркивает, что «...разработка культурной политики не может быть признана эффективной без учета микродинамических моделей культурных изменений и духовного развития, различных социокультурных групп»⁷⁷.

Кроме того, исторический опыт свидетельствует о действии объективного закона возрастания роли культуры в общественном развитии, что обусловлено рядом факторов, которые выделяет А.С. Балакшин в диссертационном исследовании «Культурная политика: теория и методология исследования»:

---

⁷⁶ Арнольдов А.И. Культурная политика: реалии и тенденции. М.: МГУКИ, 2002. С. 23.

⁷⁷ Там же. С. 25.

«1. Человеческий фактор. Культура развивается как мир человека. Поэтому состояние культуры самым непосредственным образом связано с положением личности в обществе. Культура возрастает, когда в обществе люди добиваются соблюдения своих прав и свобод, благоприятных условий жизнедеятельности; когда торжествует демократия и каждый гражданин получает возможность развития своих потенций, самосовершенствования.

В этом смысле демократическое государство обязано заботиться не только о создании условий для благополучной жизни его граждан, но и об их личностном развитии. При таком типе государственного мироустройства человек становится духовно богатым, относящимся к жизни творчески и социально активным. В формировании подобных разносторонних личностей есть и сугубо практический смысл: именно такого рода созидатели являются «локомотивом» прогресса, в конечном счете, они влияют на процветание государства.

В российских реалиях творческих людей, духовно богатых, успешно выполняющих свои социальные роли как в быту, так и в производственно-общественной сфере сравнительно немного. Согласно данным, приведенным в докладе Общественной палаты Российской Федерации «Культура и будущее России. Новый взгляд», в крупных городах (столицах регионов) таких людей 13 %, в городах регионального подчинения (сравнительно небольших) и селах – 9–10 %⁷⁸.

2. Социальный фактор. В широком смысле социум обнимает собой всю общественную жизнь, являющуюся основанием пирамиды, вершиной которой выступает культура. Отдельные культурные достижения, существующие в наши дни в неразвитой социальной среде, какими бы значительными они не были, не определяют собой уровень культуры в целом.

---

⁷⁸ Доклад Общественной палаты Российской Федерации «Культура и будущее России. Новый взгляд» на пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации от 24 ноября 2007 года [Электронный ресурс]. URL: www.dokladoprfcultura.ru.

3. Научно-информационный фактор. Высокие темпы современного научно-технического и информационного развития существенно влияют на подъем культуры, в особенности ее интеллектуальных, эвристических ценностей.

4. Общецивилизационный фактор. Современная цивилизация имеет беспрецедентные достижения в различных областях. Они несопоставимы с тем, что было создано в прошлом. Одновременно нынешняя индустриальная цивилизация испытывает глубокий кризис. По ряду направлений она приближается к пределам роста, где особенно явно обнаружилось тупиковые векторы движения в экологической сфере. Эти неоднозначные противоречивые цивилизационные явления и процессы оказывают на культуру серьезное воздействие»⁷⁹.

Связать тактические функции и цели культурной политики позволяет определение Пола Весперини и Марио ди Анджели, которые выделяют пять ее основных характеристик, особенно актуальных для современной модели культурной политики Российской Федерации:

«1. Цели деятельности федерального уровня власти должны сочетаться с интересами региональных и местных уровней, а также интересами иных субъектов культурной политики.

2. Цели государства должны соотноситься с реальными возможностями субъектов культурной политики.

3. Реализация культурной политики всегда предполагает действия по материально-техническому и творческому обеспечению функционирования культурных институтов и творцов.

4. Культурная политика предполагает распределение ресурсов, как финансовых, так и административных, структурных, человеческих и творческих.

---

⁷⁹ Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2006. 358 с.

5. Культурная политика обязательно предполагает планирование, которое представляет собой процесс подготовки государства к участию в культурной деятельности, а также в планировании распределения ресурсов»⁸⁰.

В проводимом исследовании в качестве рабочего определения культурной политики используется понятие, предложенное в диссертации «Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации»: **«культурная политика – это система человеческой деятельности, включающая в себя ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощения в социально-культурной действительности.**

Данное определение культурной политики избегает ее отождествления только с деятельностью государства и предполагает, что культурная политика имеет источник в виде объективно существующего социального процесса, который осуществляется посредством различных социальных субъектов»⁸¹.

В то же время комплексное рассмотрение понятия «культурная политика» в современном научном дискурсе предполагает изучение генезиса моделей культурной политики в различных типах государственного устройства. Во многом это связано с тем, что неизбежной составляющей переходного процесса является кризис не только социального государства, но и национального государства в целом. Следовательно, несмотря на невиданные по размаху глобализационные процессы, можно наблюдать новый виток формирования национальных государств иного качества, так как будущее государства, его стратегическая безопасность и идеологическая значимость по-прежнему зависит от того, насколько успешным будет

---

⁸⁰ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М.: Гардарики, 1998. 244 с.

⁸¹ Лузан В.С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации. С. 12.

процесс формирования единой нации, что, в свою очередь, является одной из наиболее актуальных задач культурной политики, в том числе и в современной России.

В этом контексте значимым представляется мнение доктора философских наук Н.П. Копцевой, выраженное в статье «К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства»: «Российская Федерация и российское общество в современный период переживают процессы, характерные для стран вторичной модернизации. С одной стороны, существует определенный экономический, политический, социальный, идеологический опыт таких государств и таких обществ, которые также находятся в этом переходном состоянии (Бразилия, Аргентина, Япония, Китай, Сингапур, Индия и другие). С другой стороны, специфика вторичной модернизации России определяется спецификой культурного пространства данного общества, а также спецификой преобразования процессов этнической идентичности и самоидентичности в процессы национальной (общенациональной) идентичности и самоидентичности.

Развал Союза Советских Социалистических Республик, непростые взаимодействия как с южными, так и с западными сопредельными государствами, возникшими на постсоветской территории, предполагают серьезное научное и экспертное сопровождение процессов формирования российской общенациональной идентичности. Этническая миграционная активность, связанные с ней ксенофобия и мигрантофобия принимающей российской стороны, эксцессы межэтнических отношений в моногородах, аномия (которую фиксируют социологи, эксперты в области социальной этики, антропологии, культурологии и даже политологии) и многие другие негативные следствия вторичной российской модернизации заставляют исследователей в области социальных и гуманитарных наук изучать механизмы создания национальных государств, соответствующих странам и

обществам модерна, чтобы смягчить, сгладить, ликвидировать социальные болезни, которые характерны сегодня для наших сообществ»⁸².

Во многом причина разразившегося кризиса заключается в изменении сути современного технологического уклада, где главным является автоматизация всех процессов, в результате которой произошла определенная деградация традиционной системы функционирования государств, и структур ее составляющих – культура, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.д. В результате чего сложилась ситуация, когда успешность и значимость государства на мировой арене стали определять не столько наличие природных и финансовых ресурсов, а также развитая промышленность в классическом ее понимании, сколько способность государства влиять на собственных граждан и граждан других стран инструментами и механизмами культуры, способствуя тем самым не только формированию единой нации, но и культурного рынка.

Как справедливо отмечает Президент Международной академии гуманитарных технологий Е.В. Гильбо, «экономическая и культурная заинтересованность национальных постиндустриальных производителей в сохранении собственного культурного рынка делает возможным их отказ от узкоклассового подхода и союза с иждивенческими классами в целях сохранения, выживания, развития национального эгрегора. В случае реализации такого классового сотрудничества на основе национальной общности возможен отказ постиндустриальных элит от нынешней ориентации на ассимиляцию в англосаксонскую культурно-эгрегориальную среду, который навязывается сегодня политикой властей стран СНГ и позицией паразитических классов. Такой вариант развития вероятен, а значит, существует и надежда на выживание русского культурного эгрегора, успешное преодоление им постиндустриальной трансформации и занятие

---

⁸² Копцева Н.П. К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства // NB: Проблемы политики и общества. 2014. № 1. С. 1–14.

достойного места в складывающемся в процессе этой трансформации мире»⁸³.

Анализ существующих моделей культурной политики и их генезиса позволяет раскрыть содержательную разницу не только между различными типами государственного устройства и применяемыми ими экономическими моделями, но и разницу в восприятии той или иной нацией, и даже цивилизацией, такой категории, как социальное время, которое, собственно, и определяет модели культурной политики, действующие в конкретном государстве. Во многом это связано с тем, что с социологической точки зрения время – функция от социальной парадигмы или социальный конструкт. Следовательно, в зависимости от доминирующих в обществе ценностных установок зависит эффективность применяемых механизмов культурной политики.

Один из ведущих социологов Г. Гурвич (1894–1965) выделил восемь типов социального времени:

- «длящееся время», характеризующееся родством, семейственностью, длительностью инерциальной жизни рода;
- «обманное время», характеризующееся ежедневными действиями, включая рутину и различные сюрпризы;
- «блуждающее время», характеризующееся нерегулярными событиями, мировыми происшествиями, неопределенностью;
- «циклическое время», характеризующееся постоянно повторяющимися событиями в жизни;
- «замедленное время», характеризующееся социальными символами и институтами, которые укоренены в прошлом. Традиции и условности тянут это время назад, сдерживают его, но не останавливают движения, так как время все равно течет;

---

⁸³ Гильбо Е.В. Постиндустриальный переход и мировая война. Тенерифе, 2013. С. 25.

– «изменяющее время», характеризующееся правилами, алгоритмами и кодами. Это время тоже коренится в прошлом, но нацелено на будущее, на изменение и развитие;

– «подталкивающее вперед время», характеризующееся надеждами и инновациями;

– «взрывное время», характеризующееся коллективным творчеством и революциями⁸⁴.

Каждое из обозначенных времен имеет свои свойства, структуру, типичное направление и восприятие. Для культурной политики значимым является то, что различные социально-демографические группы живут этими временами (всеми вместе или некоторыми из них) в разных пропорциях согласно доминирующему типу общества. Например, «блуждающее», «изменяющее», «подталкивающее вперед» времена относятся к обществу модерна.

Как справедливо отмечает А.Г. Дугин, «множественность социального времени позволяет выделить в социальных системах и структурах процессы, которые не просто разворачиваются с разной скоростью, но подчас имеют качественно иную природу и движутся в прямо противоположном направлении друг относительно друга. Так, модернизация одних сторон социальной жизни вполне может сопровождаться архаизацией других ее сторон. «Прогрессивные» движения деколонизации в Третьем мире теоретически должны приводить к формированию буржуазных наций и демократических режимов. Но так происходит далеко не всегда, а если и происходит, то это вполне может таить под собой иной смысл и сохранять и даже восстанавливать иные, автохтонные социальные институты»⁸⁵. Например, расцвет исламского фундаментализма репрезентант того, как вместо ожидаемого развития по западному пути определенные локальные общества сворачивают в совершенно ином направлении.

⁸⁴ Gurvitch G. The spectrum of social time. Dordrecht: D. Reidel, 1964. 152 p.

⁸⁵ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. 150 с.

Существующие в научном дискурсе типологизации моделей культурной политики позволяют зафиксировать принципиальное различие между рассмотрением культурной политики на теоретико-методологическом уровне и на уровне конкретных управленческих решений. В результате имеющиеся трактовки понятия «культурная политика» и типологизации моделей культурной политики рассматриваются без привязки к фундаментальной категории «социальное время», что приводит к нивелированию учета специфики развития различных типов обществ (премодерн, модерн, постмодерн). Это особенно актуально для Российской Федерации, так как в силу географических, административно-территориальных и культурных особенностей, следует констатировать сосуществование в современной России всех трех типов.

Так, в парадигме премодерна находятся жители отдаленной сельской местности и коренные народы, ведущие традиционный образ жизни (включая кочевой); общество модерна наиболее ярко можно проследить на примере крупных городов, образующих агломерации с близлежащими сельскими территориями – в данной парадигме проживает подавляющее большинство жителей страны; в качестве репрезентанта парадигмы постмодерна выступают два основных российских кластера (Москва–Санкт-Петербург и Томск–Новосибирск), характеризующихся высокими темпами внедрения цифровой экономики и занятостью населения в сфере услуг, применением автоматизации и робототехники на производствах, особым форматам информационного и медиапространства, динамичными формами социальности, их непостоянством, формированием нового типа виртуальных и динамичных сообществ в глобальном масштабе, особой значимостью культурных и креативных индустрий.

Следовательно, моделирование культурной политики имеет смысл только по отношению к конкретным государственным образованиям и типам государственного устройства и не предполагает прямого копирования и повторения аналогичных результатов в иных государственных образованиях.

Более того, реализация культурной политики даже в пределах отдельно взятого государства должна предполагать такие механизмы, которые учитывают мировоззренческие особенности развития каждого из типов обществ, формирующих данное государство.

Если говорить о классических подходах к типологизации моделей культурной политики, то одним из первых типологизацию моделей культурной политики предложил французский исследователь Абрахам Моль, который рассмотрел типы воздействий на культуру в аспекте более общей теории воздействия средств массовой коммуникации на социальные процессы:

«← демагогическая, или популистская, цель которой заключается в погружении индивида в «поле рекламы». Данная доктрина стремится навязать некоторое число потребительских ценностей, которые должны служить источником повседневной мотивации поведения;

– догматическая, или патерналистская, где на человека осуществляется направленное действие, ценности которого носят постоянный характер и имеют свою иерархию;

– эклектическая (информационная), или культуристическая доктрина, цель которой заключается в создании в сознании потребителя микрокосма социального мира и предложении в качестве единственной ценности адекватность человека его культурной среде;

– динамическая, направленная на ускорение или замедление социокультурного цикла и действующая на слабые места человека, наиболее чувствительные точки»⁸⁶.

Таким образом, А. Моль в своей работе, по сути, предлагает управлять развитием социально-культурных процессов посредством средств массовой информации и коммуникации.

Существуют другие подходы к типологизации культурной политики. Так, А. Визанд в качестве основания для типологии моделей культурной

---

⁸⁶ Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008. С. 343.

политики рассматривает механизмы регулирования и финансирования культуры, значение в этих процессах государства и рынка. В итоге автор выделяет модель культурной политики на основе общественной поддержки, которая предполагает полное финансирование культуры со стороны государства, и рыночно ориентированную модель культурной политики, где все финансирование культуры осуществляется частными организациями и лицами⁸⁷.

Еще один исследователь – М. Драгичевич-Шешич полагает, что культурная политика имеет прямую зависимость от политического режима, характерного для того или иного государства. Следовательно, в рамках данного подхода следует выделить следующие модели культурной политики: государственная бюрократическая (просветительская), либеральная, национально-освободительная, модель переходного периода.

Работая в этом же направлении, канадские исследователи Г.Х. Шартран и К. Мак-Кафи выделяют модели культурной политики в зависимости от механизмов финансирования культуры и роли в этом процессе государства:

«1) государство как «помощник», «вдохновитель», направляющий субсидии для сферы культуры посредством налоговых льгот и создания особой общественной атмосферы ценности поддержки культурной сферы;

2) государство как «меценат», выделяющий огромные государственные средства для поддержки культуры и корректирующий направления поддержки с помощью огромного количества экспертов, экспертных советов и т. д.;

3) государство как «архитектор» и даже как «патрон» культуры, где культура рассматривается в контексте общей социальной политики государства, где существует определенное министерство, через которое осуществляется «патронаж» государства, а цели культурной политики в

---

⁸⁷ Цит. по Матвеевко В.В. Модели государственной культурной политики в современном мире // Вопросы культурологии. № 11. 2009. С. 53–54.

принципе напрямую связаны с целями увеличения общего социального благосостояния;

4) государство как «инженер» культуры, поскольку государство является крупным собственником материальной базы культуры и выступает постоянным государственным заказчиком для того или иного культурного действия, события и т. д.»⁸⁸.

Данная тенденция в типологизации моделей культурной политики продолжается у венгерского исследователя М. Маршалла, который рассматривает следующие роли государства в процессе реализации культурной политики:

«1) государство-руководитель, регулирующее все без исключения процессы культурной сферы и являющееся собственником и монопольным распределителем всех ее ресурсов;

2) государство-менеджер, выступающее основным собственником материальной базы культуры, но при этом твердо придерживающееся принципа автономии культуры, свободы художественного творчества. В данной модели государство выступает заказчиком и организатором культурных процессов;

3) государство-меценат, когда государство не имеет никакой государственной собственности в сфере культуры и удерживает позицию абсолютного невмешательства в культурные процессы, но при этом многочисленные и весомые государственные субсидии распределяются посредством различных экспертных советов, базирующихся в некоммерческих, негосударственных, полугосударственных организациях;

4) государство-помощник, когда нет ни министерства культуры, ни какой-либо государственной собственности в сфере культуры, нет ни одного государственного культурного учреждения, государство поощряет все частные вложения в культуру посредством налоговых льгот и активно

---

⁸⁸ The art's length principle, and the arts. An international perspective past present and future / Who's to pay for the arts? № 4 / Hilraan-Chartrand H., Canghte C. American council for the arts, 1989. p. 43–80.

использует свой административный ресурс для поощрения всех форм частной спонсорской и меценатской помощи культуре»⁸⁹.

Представленные модели имеют реальные аналоги в таких государствах, как Российская Федерация до 1991 г. в качестве государства СССР (модель «государство-руководитель»), Федеративная Республика Германия (модель «государство-менеджер»), Великобритания (модель «государство-меценат») и Соединенные Штаты Америки (модель «государство-помощник»).

Опираясь на прогнозы мирового развития в третьем тысячелетии, связанные с признанием необходимости возрастания роли национального государства как регулятора всех сторон социальной жизни, исследователь О.Н. Астафьева полагает, что «именно государство должно оставаться самым активным «актером»-субъектом управления культурными процессами, рационально изменяя свои роли-модели, в зависимости от специфики социокультурной ситуации выступая не только в качестве «патрона», но и «менеджера», «мецената», «помощника»⁹⁰.

Необходимо отметить, что данная типология моделей государственной культурной политики может быть применена для ее моделирования в Российской Федерации. При этом большинство исследователей согласны с тем, что в настоящее время государство по-прежнему переживает ряд переходных процессов в экономике, политике, социальной, духовной сферах и что в этот период значение научно обоснованных моделей государственной культурной политики имеет существенное значение для стратегического планирования всех базовых процессов, характерных для современного российского общества. Как уже отмечалось ранее, понимание государством значимости роли культуры в данных процессах подтверждает разработка в 2014 году Основ государственной культурной политики Российской Федерации – первого стратегического документа в новейшей истории

---

⁸⁹ Маршалл М. Международные модели и текущие финансирования // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. Реферативный бюллетень. № 5 (55). М., 2004. С. 69–78.

⁹⁰ Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 144.

России, определяющего основные векторы, цели и задачи развития культурной политики.

Большинство современных отечественных исследователей также единодушны в том, что стратегические общенациональные приоритеты, достигаемые посредством целенаправленного управления культурными процессами, в состоянии формулировать и обеспечивать только государство, в отличие от рынка и разрозненных институций гражданского общества. Точно также исследователи достигли определенного согласия в том, что современное российское общенациональное государство может реализовать данные стратегические приоритеты через регионализацию государственной культурной политики.

В мире идеологическим основанием для создания и реализации определенных моделей региональной культурной политики выступает доктрина нового регионализма. Исходным представлением для этой доктрины является понимание, что «регион – это сугубо искусственное понятие, социальная конструкция. Регион возникает и существует как социальная конструкция, поддерживаемая реализацией комплекса политических, экономических и иных интересов. Регион – это создающаяся и изменяющаяся социальная конструкция, возникающая в процессе глобальных изменений территорий, государств, гражданского общества, экономики. Регион – это во многом новое политическое пространство, поскольку территориальная принадлежность определяет рамки политических процессов, культурного возрождения, целенаправленного строительства новых наций, реструктуризации экономики»⁹¹.

При этом регионализм в принципе не предполагает автономизации и самоизоляции отдельной территории. Так, Российская Федерация рассматривает регионализм как базу для интеграционных процессов, что характерно, например, для такого успешного государства как Канада и что,

---

⁹¹ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf> (дата обращения: 11.12.2015)

по-видимому, было целью создания Европейского союза. Тем не менее, регионы имеют разную политическую, институциональную, культурно-идентификационную специфику, что позволяет прогнозировать новые проблемы, которые связаны с неизбежными противоречиями между регионами по основаниям, закрепляющим их региональную специфику.

В то же время доктрина нового регионализма в зарубежной практике все чаще воплощается механизмами культурной дипломатии, которая, на наш взгляд, значительно более корректно отображает процессы трансформации моделей культурной политики, так как данные процессы не ограничиваются только внутренними законодательными или административными изменениями в конкретном государстве, а характеризуются включением в глобальную борьбу за ресурсы, в первую очередь, человеческие и финансовые.

Культурную дипломатию в контексте рассматриваемой проблематики следует рассматривать как тип общественной дипломатии и мягкой силы, которая включает обмен идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры среди населенных пунктов, стран и народов, чтобы способствовать на первый взгляд взаимопониманию. Однако основная цель культурной дипломатии заключается в том, чтобы влиять на целевую аудиторию (население другого города, области, государства или даже государств) и использовать то влияние, которое создано за длительный срок, чтобы завоевать поддержку для реализуемой политики, причем уже далеко не только в культурных аспектах. Таким образом, культурная дипломатия создает влияние и напрямую решает цели сохранения национальной безопасности государства и завоевания новых зон контроля как внутри, так и за его пределами.

Все это еще более усиливает необходимость поиска такой модели культурной политики, в центре внимания которой были бы не только реализующие ее государственные институты разных уровней, но и другие субъекты, акторы и агенты. Государство должно научиться вступать с ними в

диалог, учитывать их усилия, помогать ресурсами ради достижения общих целей культурного развития общества, что требует колоссальной работы по изменению действующего законодательства и формированию механизмов такого взаимодействия. Но, главное, для реализации данного сценария необходимы мировоззренческие изменения и выработка общего понимания в преследуемых целях и задачах осуществления культурной деятельности⁹².

Если обратиться к более подробному рассмотрению модели культурной политики в Российской Федерации на современном этапе, то можно констатировать, что государство остается основным стратегическим инвестором сферы культуры в целом и традиционных культурных институтов в частности. Следовательно, государство выступает как:

«← государство-инвестор, для которого имеет значение эффективность инвестиций и кадров подведомственных субъектов культурной политики;

– государство-меценат, осуществляющее финансирование культурной деятельности, исходя из ценностно-ориентированного подхода, который не подразумевает существенную экономическую отдачу;

– государство-соинвестор, софинансирующее мероприятия и расходные полномочия субъектов Российской Федерации в области социальных и культурных процессов;

– государство-соинвестор, выступающее в качестве стратегического партнера, стимулирующего приток инвестиций в важную для государства и общества сферу (туристская отрасль, охрана объектов культурного наследия, кинематограф и т.д.);

– государство-инвестор, делегирующее часть собственной ответственности и функций различным общественным институтам;

---

⁹² Данные материалы были представлены в статье: Лузан В.С. К вопросу о влиянии культурной политики на современные локальные идентичности // Социодинамика. 2016. № 2. С. 47–66.

– государство-менеджер, выступающее основным собственником материальной базы культуры, заказчиком и организатором культурных процессов в стране»⁹³.

Необходимо отметить, что унаследованный от советской модели патернализм оборотной своей стороной имеет специфическую проблему формирования у части субъектов культурной политики иждивенческих настроений в отношении обязательств государства, это касается, в первую очередь, государственных и муниципальных учреждений культуры, а также официальных творческих союзов и их членов. Прямым тому подтверждением являются систематические выступления сотрудников государственных и муниципальных учреждений культуры с обвинениями в адрес государства в лице профильных органов исполнительной власти о попытках контроля за использованием бюджетных средств и их хроническом дефиците.

Как уже было отмечено ранее, для современной модели культурной политики России еще одной существенной проблемой является наличие узковедомственного подхода к культуре, а также отчасти утилитарного понимания культуры как сферы услуг. В свою очередь это порождает низкий общественный статус культуры и затрудняет выстраивание эффективного межведомственного и межсубъектного взаимодействия между собой не только государственных и муниципальных субъектов, но и частных.

Если же рассмотреть существующие механизмы финансирования социально-культурной деятельности в целом, то в Стратегии культурной политики справедливо отмечено, что «важнейшим условием обеспечения эффективности культурной политики является формирование условий для постепенного увеличения внебюджетных источников финансирования. Существующий мировой опыт свидетельствует, что многоканальная система финансирования может включать в себя следующие элементы:

– нормативы бюджетного финансирования;

---

⁹³ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

- общенациональная лотерея в области культуры;
- эффективная система налоговых преференций;
- институт бюджетных назначений;
- маркированные налоги;
- фонды целевого капитала (эндаумент-фонды)»⁹⁴.

Таким образом, создание эффективной системы стимулирования частной и корпоративной меценатской деятельности может обеспечить значительную долю негосударственных инвестиций в общем объеме расходов на культуру. Мировая практика стимулирования меценатской деятельности базируется на системе налоговых преференций в отношении субъектов, занимающихся благотворительностью в сфере культуры, что должно лечь в основу отечественной практики.

В заключение следует отметить, что в российской действительности в качестве наиболее опасных рисков и проблем действующей модели культурной политики следует рассматривать сложность межведомственного взаимодействия по вопросам реализации государственной культурной политики в связи с отсутствием единого координирующего центра со смежными отраслями, например, молодежной политикой; неполное соответствие инфраструктуры институтов культуры вызовам современности и актуальным потребностям граждан; недофинансирование культуры и недиверсифицированность источников ее поддержки; несовершенство системы институтов общественного развития; усиливающиеся глобализационные процессы, следствием которых является размывание ценностных основ российской культуры в силу активного иноцивилизационного давления. Кроме того, реализация государственной культурной политики осуществляется без привязки к такой определяющей категории, каковой является социальное время, что приводит к нивелированию учета особенностей развития различных типов обществ (премодерн, модерн, постмодерн).

---

⁹⁴ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

Основные выводы главы 1:

1. Понятие «культура» как неотъемлемая составляющая понятия «культурная политика» в русле данного диссертационного исследования выстраивается на основе концепции идеалообразования, что соответствует декларируемому в Основах культурной политики тезису о том, что государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам народов Российской Федерации и позволяет раскрыть таланты, дарования и способности каждого человека.

2. Под культурной политикой в рамках проводимого диссертационного исследования подразумевается система человеческой деятельности, включающая в себя ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощения в социально-культурной действительности.

3. Строительство российского общенационального государства возможно на базе формирования гражданского российского национализма, в котором в качестве этнокультурной основы востребованы интегральные культурные продукты, снимающие в себе противоречия культурного наследия тех этнических групп, которые сегодня участвуют в процессе создания национального государства. Необходим особый контроль политической власти за процессами формирования местных буржуазных элит в национальных республиках.

Особое внимание следует уделить тому, что, как правило, не учитывается серьезно технократией, – культурным практикам, так называемой «мягкой силой». А ведь именно здесь возможны

мегаломанические национальные проекты, часто заканчивающиеся политическим расколом. Можно привести пример Венгрии, Румынии, Югославии, которые выделились из Австро-Венгерской империи.

Таким образом, формирование гражданского национализма предшествует конструированию нации. Но процесс конструирования нации не статичен, а динамичен. Потребуется постоянно действующие (в том числе интеллектуальные) силы, которые будут создавать, транслировать, развивать, усиливать конструирование российской нации. Разумеется, что этот процесс имеет определенную специфику в связи с теми глобальными трансформациями, которые отражаются в странах вторичной модернизации, в том числе и на процессах преобразования этнокультурной идентичности в общенациональную.

4. Модель государственной культурной политики в Российской Федерации на современном этапе закрепляет позиции государства в качестве основного субъекта культурной политики, которое одновременно выполняет несколько ролей:

- государство-инвестор, для которого важны эффективность инвестиций и управленцев учреждений культуры;
- государство-меценат, финансирующее культурную деятельность, исходя из ценностноориентированного подхода (культура – это ценность и общественное благо, а не услуга), без ожидания экономической отдачи;
- государство-соинвестор, софинансирующее мероприятия и расходные полномочия субъектов Российской Федерации;
- государство-соинвестор, выступающее как стратегический партнер в рамках государственно-частного сотрудничества и стимулирующее приток инвестиций в сферу культуры;
- государство-инвестор, делегирующее часть собственной ответственности и функций частным и общественным институтам.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для объективного выявления динамики культурной политики в новейшей истории Российской Федерации необходимо четкое понимание концептуально-содержательных аспектов реализуемой культурной политики, характерных именно для отечественной практики. Значимость изучения данных аспектов обусловлена рядом фундаментальных факторов:

– во-первых, наличие в новейшей истории России крупнейшей геополитической катастрофы в виде распада СССР, который повлек за собой серьезные негативные последствия для мировосприятия граждан, потерявших культурную самоидентификацию;

– во-вторых, начало функционирования субъектов культурной политики в совершенно новых социально-экономических условиях и, самое главное, в условиях отсутствия государственной идеологии. Кроме того, возникло множество субъектов культурной политики;

– в-третьих, возрастающие последние несколько лет геополитические амбиции России, как следствие, повлекшие за собой новый виток противостояния с западными государствами.

Следовательно, в п. 2.1 диссертационного исследования рассматриваются базовые культурные процессы Российской Федерации на современном этапе. В п. 2.2 характеризуются основные субъекты культурной политики, которые и определяют данные культурные процессы. В завершение главы 2 проведен анализ специфики правового подхода к реализации государственной культурной политики в условиях федеративного государства и его влияния на концептуально-содержательные аспекты реализуемой культурной политики в Российской Федерации.

Такова логика исследования главы 2 диссертационной работы.

2.1. Базовые культурные процессы в Российской Федерации на современном этапе

Период новейшей истории Российской Федерации начинается с крупнейшего после Второй мировой войны геополитического процесса – распада Союза Советских Социалистических Республик и, как следствие, исчезновения коммунистической идеологии на общегосударственном уровне с одновременным образованием достаточно большого количества независимых государств на постсоветском пространстве.

Провозгласив собственную независимость в 1991 году, Российская Федерация столкнулась с рядом глобальных проблем, оказавших существенное влияние на становление базовых культурных процессов в новых социально-экономических условиях. При этом активно начался процесс перестройки всех отраслей социально-культурной сферы, в том числе культуры. Однако, как уже было отмечено ранее, в случае с культурной политикой по большому счету реформе подверглась только система управления, а не содержательные компоненты, что повлекло за собой угрозу разрушения единого культурного пространства вновь образованного государства.

Таким образом, одним из актуальных базовых процессов, вызвавших глубокий интерес не только со стороны культурологии, но и теории и практики государственного управления, является процесс сохранения единого культурного пространства Российской Федерации. По мнению Н.Г. Козина, «расположившись между центрами западной и восточных цивилизаций, Россия геополитически объединяет пространство, находящееся между основными цивилизационными векторами развития мировой истории. А для того чтобы пространство истории стало подлинно историческим, оно должно стать цивилизационным. Россия, локальность ее цивилизации были порождены потребностями цивилизационно организовать и обустроить пространство, цивилизационно не принадлежащее ни Западу, ни Востоку или

составляющее периферию Запада и Востока»⁹⁵. В связи с пограничным положением создание собственного единого культурного пространства приобрело особую актуальность для Российской Федерации с учетом активной культурной экспансии, осуществляемой Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой, странами Западной Европы.

В этой связи Н.Г. Козин утверждает, что «Россия стала цивилизационным ядром, вокруг которого концентрировались все цивилизационные потоки российской Евразии. Логикой самой истории она была превращена в интегрирующее и концентрирующее начало этих цивилизационных потоков, выразителя их цивилизационной сущности»⁹⁶.

Решение проблемы по формированию и сохранению единого культурного пространства, безусловно, относится к области государственной культурной политики, так как «культура – это идеалообразующая сторона жизнедеятельности людей. Именно в сфере культуры создаются идеалы отношения человека к человеку, идеалы хозяйственно-экономических отношений, идеалы социального поведения: семейной жизни, этнических отношений, обустройства государства»⁹⁷.

Единое культурное пространство, неотъемлемым фактором которого является культурная самоидентификация населения, – это то, что формирует единство государства и народов, проживающих на его территории, на уровне сознания каждого гражданина. «Государственная идентичность тесно связана с патриотизмом, межпоколенческой преемственностью и влечет за собой профилактику межнациональных и межсубкультурных конфликтов. Идентичность обеспечивает подсознательную связь человека со своей страной и народом, позволяет противостоять отрицательным сторонам

---

⁹⁵ Козин Н.Г. Универсалистский проект цивилизационной идентичности России // *Философия и общество*. 2008. № 4. С. 75.

⁹⁶ Там же. С. 75.

⁹⁷ Копцева Н.П. Роль Сибирского федерального университета в подготовке кадров для отрасли «культура» // *От стратегии культурной политики к тактике управленческого взаимодействия: материалы краевых публичных слушаний*. Красноярск: Министерство культуры Красноярского края, 2009. С. 47.

глобализационных процессов, в конечном счете обеспечивая всемирное культурное многообразие»⁹⁸.

В настоящее время в условиях глобальной мобильности капитала, людей и информации культурная самоидентификация населения становится ключевым инструментом межгосударственной конкуренции, предотвращая утечку человеческого капитала за границу и обеспечивая дополнительный объем внутренних инвестиций в экономику.

В то же время можно констатировать, что разрушение национальной самоидентификации граждан проходит под воздействием как внешних причин, выражающих осознанную волю исторически противостоящих России сил, так и внутренних, одна часть из которых – следствие целенаправленного внешнего подрыва, а другая порождена общим политическим, экономическим, социальным и культурным кризисом 1990-х годов, характеризующимся потерей объединяющей идеологии, различной ценностной ориентацией поколений и общественных групп, нигилизмом к истории и традициям.

Формирование единого культурного пространства позволит решить проблему формирования новой культурной идентичности, объединив население страны общими ценностными, целевыми и идентификационными установками. Как уже было отмечено ранее, неоспорим тот факт, что проблема утери единой государственной идентичности является, прежде всего, культурной, а значит, ее решение лежит в поле государственной культурной политики.

В современных научно-публицистических материалах термин «культурное пространство» имеет различные интерпретации. Каждый из авторов вкладывает в него собственное восприятие, поэтому усиливается разрыв между прочтением и смыслом, который вкладывался изначально⁹⁹.

---

⁹⁸ Основы государственной культурной политики. С. 78.

⁹⁹ Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации: материалы научной конференции. Сер. «Symposium», вып. № 7. СПб.: СПб. филос. об-во, 2001. 224 с.

Изучение пространства как формы материи началось в античной философии, в которой сложилось два основных подхода – субстанциональный, рассматривающий пространство какместилище, и атрибутивный, рассматривающий пространство как порядок вещей. Эти подходы представлены и философией Нового времени. Однако с появлением стройных концепций мировой истории человечества возникает новое понятие – социальное пространство, в котором разрозненные исторические эпохи связываются в единый пространственно-временной поток.

Во второй половине XIX века в осмыслении пространства появляется тенденция к его дифференциации, которая связана с разграничением видов деятельности – разные виды деятельности человека формируют свои пространства (Э. Гуссерль). Собственно же человеческая деятельность формирует жизненный мир (пространство) как основу человеческого существования. Так постепенно человек стал объектом и субъектом физического и социального пространств.

Эта антропологическая составляющая в понимании пространства как формы материи и культуры еще более закрепились в гуманитарной науке XX века. Осталось неизменным и представление о пространстве какместилище и пространстве как порядке вещей. К этим представлениям добавились более образные – пространство как способ протяженности (О. Шпенглер), пространство как самоорганизующаяся система (И. Пригожин), пространство как место укорененности человеческой экзистенции (М. Хайдеггер), пространство как распределительная структура (Ж. Бодрийяр).

С середины XX века в западной философской мысли выделяется тенденция маркирования смыслового поля культурного пространства. Истоки данной тенденции находятся в процессе трансформации научных представлений о пространстве вообще. Длительное время философское сознание вытесняло понятие пространства на второй план по отношению ко времени. Пространство и время в философии воспринимались как

соотносимые явления, которые могут быть уподоблены друг другу (время наполнено пространственными событиями; пространство наполнено временными существующими предметами), то есть они перекодируют друг друга.

Во второй половине XX века вновь актуализируются пространственные представления в философской и культурологической науках. Кроме того, усиливаются поиски более полной пространственно-временной картины мира, объединяющей физический Космос и сознание. В исследованиях данного периода важное место отводится понятию «культурное пространство», которое воспринимается непосредственно связанным с сознанием человека и его деятельностью. «Пространство и время существуют объективно, вне и независимо от сознания. Их свойства и закономерности также объективны, не являются порождением мысли»¹⁰⁰.

Основная разница между временем и пространством выражается в их отношении к человеку в качестве воспринимающего субъекта. В результате временные структуры отличаются от пространственных топологическими качествами, то есть они не обладают свойствами обратимости и способностью разворачиваться в трех измерениях.

Таким образом, в культурном пространстве возможно сосуществование различных пластов культуры – прошедших и современных, и оно воспринимается как система регулятивных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в разнообразных продуктах социально-культурной деятельности. Каждое культурное пространство предстает как органическое целое, объединяющее собственные составные части общими ценностями.

В структурализме человек был исключен из культурного ландшафта. С точки зрения данного направления, человек живет и развивается по собственным законам. Окружающий человека культурный ландшафт описывался Ж. Дерридой как «...нечто вроде архитектуры покинутого (или

---

¹⁰⁰ Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики, 2006. С. 254.

незаселенного) города, который... был оставлен людьми. В этом городе, низведенном до состояния скелета, еще живут некоторые призраки культуры, фантомы значения, которые только и удерживают его от перехода в природное состояние»¹⁰¹.

Отказ от признания доминирующей в философии роли структурализма позволил пересмотреть представления о культурном ландшафте и культурном пространстве¹⁰², которое стало соотноситься с неким идеальным телом, формирующим мировоззрение людей. Культурное пространство стало восприниматься синонимом понятия «Другой». Сравниваясь с Другим, человек познает себя.

Культурное пространство формирует многообразие культурных текстов, каждый из которых играет специфическую роль в деятельности человека. Тексты культурного пространства дают возможность познавать обратную сторону мира. Такое познание происходит в качестве того, что М. Мерло-Понти, Ж. Делез вслед за М. Хайдеггером называют складкой.

Культурное пространство, созданное человеком, получает самостоятельное существование, имеющее собственные функции, структуру, динамику; а также воплощает модель окружающей действительности. Культурное пространство выступает в качестве среды повседневного обитания человека и приобретает значение Вторичного мира – иллюзорного, с одной стороны, но этот иллюзорный мир играет большую значимость для субъекта, чем реальный природный. С другой стороны, культурное пространство воплощается в реальных действиях человека, его творчестве.

Именно человек наполняет духовным содержанием культурное пространство. Оно превращается в абстрактный язык, способный выразить различные содержательные понятия. «Пространство дано ему (человеку) как распределительная структура, и через контроль над пространством он держит в своих руках все варианты взаимоотношений...»¹⁰³.

¹⁰¹ Гурко Е. Тексты de-конструкции. Томск, 1999. С. 36.

¹⁰² Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. С. 195.

¹⁰³ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 31

Формируя культурное пространство, человек определяет свой способ видения мира. В свою очередь, культурное пространство воздействует на человека не только через создание внешних знаковых форм (архитектура, интерьер, одежда и т. д.), но и через изменение образа жизни, конструирование его нового облика. «Будучи живым существом, человек растет, функционирует, видит, как перед ним раскрывается пространство, неподвижные координаты которого пересекаются в нем самом»¹⁰⁴.

В отечественной научной мысли существенный интерес представляет аксиологическая концепция культурного пространства, представленная в публикациях В.П. Большакова¹⁰⁵. Исследователь рассматривает культурное пространство не только как «вместилище» культурных ценностей, артефактов культуры, культурных процессов. Культурное пространство это то, «что культура, возникая и развиваясь, порождает и изменяет», то, что, «возникнув, активно воздействует на культуру, его породившую»¹⁰⁶. Исследователь также замечает, что политические, территориальные пространства далеко не всегда совпадают с пространствами культурными, что подтверждает характер подвижности и прозрачности границ культурных пространств и существования пограничных пространств, которые характеризуются формированием и развитием пограничных культур.

Интересны исследования С.Н. Иконниковой, которая рассматривает пространство как культурно-интегрирующее начало существования и развития народов и как ценность, а, по сути, также формулирует аксиологическую теорию культурного пространства. На основе ретроспективного анализа различных трактовок культурного пространства С.Н. Иконниковой выявлены его важнейшие свойства – динамизм и многомерность¹⁰⁷.

---

¹⁰⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1980. С. 370.

¹⁰⁵ Большаков В.П. Провинциальность культурных пространств нынешней России // Культура российской провинции: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола. СПб., 2005. С. 6–8.

¹⁰⁶ Там же. С. 7.

¹⁰⁷ Иконникова С.Н. История культурологических теорий. 2-е изд. СПб., 2005. С. 35–55.

Как справедливо отмечает А.Я. Флиер, в настоящее время в российском культурном пространстве можно выделить несколько основных субкультурных подсистем:

«а) «высокая» интеллигентская культура, развивающая историческую традицию национальной элитарной культуры, тяжело адаптирующаяся к современным рыночным отношениям и меркантильным ценностным приоритетам населения, проявляющая тенденцию к самозамыканию в своей элитарности;

б) «советская» культура, продолжающая традицию минувших десятилетий, основанная на привычке населения, творцов и менеджеров культуры к государственному патернализму в отношении любых социально-культурных запросов населения, приоритету коллективного над личным, эйфории великодержавности; носителями этой системы «совковых» ценностей в основном остаются люди старшего поколения, испытывающие вполне понятную ностальгию по годам своей молодости и всей совокупности ценностей, образов и символов, ассоциируемых с той эпохой;

в) западная (по преимуществу – американская) культура либеральных ценностей, социокультурного индивидуализма и экономической независимости, охватывающая значительную часть молодежи, предпринимателей и интеллигенции, отличающихся, с одной стороны, сравнительной индифферентностью к духовным и интеллектуальным ценностям, установками на получение удовольствия от жизни, на немедленное удовлетворение любых социальных запросов, на особую престижность материального достатка, с другой – значительной социальной активностью, высокой степенью идейного плюрализма, интернационализма, толерантностью, уважением права каждой личности на свободное социальное и культурное самоопределение;

г) комплекс маргинальных субкультур социальных «низов», существующий в широком спектре проявлений, от «блатного» стиля и непосредственно криминального образа жизни до национал-

шовинистических и мистико-окультурных движений; весь этот набор паракультурных явлений объединяют происхождение от первобытно-мифологического сознания и родогенетической (кровно-племенной) системы ценностных ориентаций, преимущественно тоталитарный (обобществляющий) подход к личности, а также «окопная» психология непрерывной борьбы «наших» с «не нашими»¹⁰⁸.

Наличие в современном культурном пространстве Российской Федерации ряда существенных противоречий, мешающих формированию его однородности, обуславливает необходимость осознания произошедших изменений и разработки новых моделей взаимодействия между всеми субъектами культурной политики. Это связано с тем, что за последние годы под влиянием кардинальных перемен в социально-экономической сфере, мотивов, ценностных ориентиров и культурных запросов населения в целом значительно изменилось и само поле культурной деятельности.

Широкое распространение получила «массовая культура»; усилилось влияние субкультур; средства массовой информации превратились в мощное орудие трансляции, сохранения и распространения культурной продукции; на рынке культурных услуг появились новые субъекты, речь о которых подробнее пойдет в п. 2.2 диссертационного исследования. Практически во всех более или менее крупных населенных пунктах, не говоря уже о городах, действует большое количество организаций, предоставляющих населению культурно-досуговые услуги, например, торгово-развлекательные комплексы, бары, кафе, для которых просветительская составляющая деятельности не имеет никакого значения.

Особое место среди новых субъектов на поле культурной деятельности принадлежит современным кинотеатрам, которые используют один из наиболее востребованных жанров современного искусства – кино. Данные учреждения предлагают посетителю комфорт и зрелищность, мало обращая

---

¹⁰⁸ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

внимание на качество репертуара и не задумываясь о последствиях воздействия кассовых кинолент на личность.

Необходимость сохранения и развития единого культурного пространства России обусловлена неоднородностью обеспечения населения услугами организаций культуры в силу географических особенностей страны и ряда факторов экономического характера. Такая ситуация порождает социальное неравенство в творческом развитии детей и молодежи, социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями и в целом оказывает негативное влияние на социальное самочувствие населения.

Анализ происходящих процессов может иметь практическое значение в разработке механизмов преодоления существующих противоречий современной социально-культурной практики и, как следствие, создать предпосылки для формирования единого культурного пространства на территории Российской Федерации.

В то же время, с учетом возникновения вероятности окончательного разрыва культурного пространства России в результате углубления разночтений федерального и национально-регионального компонентов, в отечественной культурологической мысли актуализируется проблематика реализации культурной политики на региональном и, особенно, муниципальном уровнях. Данная ситуация связана с тем, что в результате проведенных административно-территориальных преобразований именно на региональный и муниципальный уровни перенесен центр тяжести практического решения задач реформирования социально-культурной сферы, в первую очередь, культуры в отраслевом понимании.

В русле проводимого диссертационного исследования понятие «регион» выступает в качестве синонима понятия «субъект Российской Федерации» и представляет собой политико-административное образование, в котором между производственной, непроизводственной и социально-культурной сферами, между структурами региональной и местной власти устанавливаются определенная взаимозависимость и согласованность,

которые должны способствовать наиболее полному использованию имеющихся ресурсов, научного и культурного потенциала, удовлетворению потребностей населения.

В связи с этим справедливо утверждение, что «регион – это духовный потенциал страны, источник ценностного разнообразия культуры, поддерживающий ее целостность, сохраняющий и обогащающий культуру»¹⁰⁹. В то же время реализация потенциала региона становится возможной лишь при условии равноправного диалога с другими пространственными частями российской и мировой культуры.

Понятие «региональная культура», с одной стороны, характеризуется замкнутостью, уединенностью, заикленностью на повседневности, стремлением сохранить определенный иммунитет к нововведениям и зачастую плохой восприимчивостью к инновациям, чужим ценностям, тяготеет к своеобразному преломлению ценностных систем, что подтверждает наличие постоянных конфликтов между местными сообществами и учреждениями культуры, пытающимися внедрить в свою деятельность нетрадиционные формы и услуги. С другой стороны, это открытая культура, стремящаяся вовне, к диалогу с другими культурами, к постоянному приращению ценностного багажа.

Как отмечает Г.М. Казакова, «региональная культура вбирает в себя как этнический, так и национальный аспект. Но по сравнению с «этнической» региональная культура представляет собой, во-первых, более высокую степень абстракции, поскольку региональное сообщество порой представляет совокупность этносов. В рамках региона, как уже отмечалось, этногруппы живут в непосредственном контакте друг с другом, приобретая в процессе совместной социокультурной адаптации и общего хозяйствования общие черты и признаки, нередко существенно отличающиеся от традиционно приписываемых им. Культура этногрупп всегда «дополнена»

---

¹⁰⁹ Inquisitiones et meditationes. Опыты философии и социальной (культурной) антропологии России: монография / Овчаров А.А. [и др.]. Кемерово: КузГТУ, 2005. 198 с.

такими признаками, которые обусловлены конкретными обстоятельствами их существования. Региональная культура становится индикатором этнически разнородных элементов, обеспечивая в рамках локальной территории возможность межкультурного и межэтнического взаимодействия и реализуя на практике модель поликультурного единства. Во-вторых, региональная культура отличается от этнической более подвижной конфигурацией культурных свойств и признаков конкретного региона, меняющейся при каждом изменении условий ее существования»¹¹⁰.

В этой связи необходимо отметить факт, что в современных культурологических исследованиях зачастую понятия «региональная культура» и «культура региона» употребляются в качестве синонимов, что является определенным противоречием. Как отмечает И.Я. Мурзина, «культура региона – это суммарная совокупность всех культурных проявлений в границах определенной однородной территории. Региональная культура – это общая сквозная специфика разнородных культурных проявлений. В отличие от культуры региона, которая отличается только особенностями бытового уклада и характером повседневности, региональная культура продуцирует собственный тип социокультурных и хозяйственно-экономических связей, отличается по характеру функционирования, продуцирует свой тип личности и оказывает влияние на общенациональную культуру в целом»¹¹¹. В контексте данного диссертационного исследования применяется понятие «региональная культура», так как культура региона может трансформироваться в региональную только при условии поднятия собственного уровня до регионального самосознания.

В структурном отношении региональная культура является многоосновной. По мнению Г.М. Казаковой, в качестве фундаментальных оснований региональной культуры следует выделить следующие:

---

¹¹⁰ Казакова Г.М. Региональная культура: родовидовые признаки и структурно-функциональные характеристики // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 12.

¹¹¹ Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания: монография. Екатеринбург, 2003. С. 29.

«– уровни родовой структуры (материальная, духовная, художественная, народная, профессиональная, традиционная, инновационная культура и т. д.);

– субкультуры по различным критериям (сословным, профессиональным, этническим, национальным, религиозным и др.);

– сферы утилитарно-практической деятельности;

– совокупность институциональных и неинституциональных форм создания, хранения и распространения культурных ценностей (к первым относятся институты, предназначенные для осуществления духовного производства, духовного потребления, а также осуществляющие управление культурным процессом; ко вторым – бытовая поведенческая культура жителей региона);

– уровни потребления культурного сервиса и восприятия искусства»¹¹².

В функциональном отношении региональная культура призвана кодировать, хранить и транслировать локальный человеческий опыт во всех сферах деятельности населения, обеспечивать воспроизводство культурной жизни региона, непрерывность регионального культурного процесса, а также полноту индивидуального опыта, что полностью соответствует пониманию культуры антропологами Л. Уайтом и К. Гирцем, подробно раскрытом в главе 1 диссертационного исследования.

В то же время еще одним базовым культурным процессом, оказывающим существенное влияние на формирование и сохранение единого культурного пространства не только Российской Федерации, но и выходом его за ее пределы, является реанимирование в последнее время идеи «русского мира» как культурно-цивилизационного феномена. Объясним, что в научно-исследовательской литературе исследования по данной тематике достаточно активно вновь стали появляться лишь за последние двадцать лет. Данная ситуация обусловлена тем, что в условиях

---

¹¹² Казакова Г.М. Региональная культура: родовидовые признаки и структурно-функциональные характеристики. С. 12–15.

глобализационных процессов Россия пошла по собственному пути развития, превратившись из мировой империи в молодое государство, которое только еще начинает искать свое собственное место на геополитической карте мира, продолжая, однако, имперские традиции.

Отдельные аспекты обозначенной темы достаточно широко и всесторонне проанализированы в различных гуманитарных и социальных науках (культурологии, антропологии, философии, искусствознании, политологии, социологии, теории и истории культурно-просветительной и социально-культурной деятельности и т. п.) и особенно в публицистической литературе. При этом стоит отметить, что раскрытие обозначенной тематики требует анализа сразу нескольких самостоятельных аспектов, совокупность которых позволяет исследовать обозначенную тему как целостность. Однако, несмотря на то, что теория «русского мира» существует достаточно давно, до сих пор не разработан ее понятийный аппарат. В результате на сегодняшний день существует множество точек зрения относительно того, что такое «русский мир» и каковы его масштабы.

Как справедливо отмечает доктор политических наук И.С. Семененко в статье «Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы», «появление в российском публичном дискурсе понятия «русский мир» свидетельствует о необходимости определения круга тех, кто находится или может находиться в российском культурном поле. Это понятие существует сегодня в разных измерениях – от безгранично широкого, тождественного российскому социокультурному пространству или общей исторической судьбе россиян до сугубо технологического, проектного (как поля коммуникации между страной и российской диаспорой). «Русский мир» как сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке, является и способом адаптации России к глобализации. Поиски возможностей укрепления и развития русского мира требуют четкой концептуализации его характеристик. Бесспорно, что состояние русского мира – неотъемлемая

составляющая современного образа России, и притом одна из наиболее динамичных. Разработка механизмов взаимодействия с ним становится вопросом текущей политической повестки дня, одним из перспективных направлений реализации национальных интересов России»¹¹³.

Существенный интерес для изучения специфики понятийного аппарата по указанной теме представляет диссертационное исследование О.Н. Батановой «Русский мир и проблемы его формирования», где автором предпринята попытка систематизации определений данного понятия. В частности, даются следующие дефиниции:

«1) «Русский мир» представляет собой глобальную сетевую структуру, состоящую из организаций зарубежных соотечественников, центров по изучению русского языка, деловых и общественных объединений и имеющую точку опоры, центр притяжения в России;

2) «Русский мир» – совокупность культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, имеющих выражение в использовании русского языка при коммуникативном общении и мышлении»¹¹⁴.

Кроме того, О. Батанова выделяет в качестве одного из важнейших факторов образования и дальнейшего развития Русского мира русский язык, который находится на четвертой-пятой позиции по обширности употребления в мире. Больше количество людей разговаривает только на китайском, хинди, английском и испанском. Значимость русского языка на постсоветском пространстве также весьма высока – элита данных государств говорит по-русски, их население также владеет русским на достаточно хорошем уровне. Русский остается языком науки, культуры и межнационального общения практически во всех странах СНГ и даже Прибалтики. Если принимать во внимание популярность русского языка, становится вполне очевидным тот факт, что он является базой для

---

¹¹³ Семененко И.С. Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 1. С. 78–88.

¹¹⁴ Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2009. 163 с.

налаживания и укрепления межнациональных и человеческих отношений, а также связующим началом для взаимодействия между участниками русского мира.

Не менее значимым для понимания базовых процессов, определяющих реализацию государственной культурной политики России, представляется мнение Ю.С. Пивоварова (член-корреспондент РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН) об исследовании сущностных характеристик Русского мира, выраженное в статье «Русская система как попытка понимания русской истории», в соавторстве с А.И. Фурсовым. В данной статье авторы утверждают, что новый «русский мир» властентричен. Власть становится условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, названный исследователями «русской системой», основными элементами которой выступают:

«1) власть;

2) популяция, т.е. население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению;

3) лишний человек, который может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX вв.), так и коллективным (казачество в XVII в.). Речь идет о тех индивидах и группах, которые не «перемолоты» властью и потому не стали ни ее органом, ни частью Популяции, или же о людях, «выломившихся» из Популяции и Власти, нередко в результате ее же, Власти, деятельности, целенаправленной или побочной»¹¹⁵.

В целом тематике формирования «русского мира» и российской цивилизации исследователи начали уделять внимание еще в XIX веке. В частности, существенный вклад в развитие концептуальных представлений о «русском мире» внесли такие известнейшие деятели, как Г.В. Вернадский,

---

¹¹⁵ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории. Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 37–48.

Л.Н. Гумилев, Н.Я. Данилевский, П.Н. Савицкий и др. Однако тематика «русского мира» представляла интерес не только для отечественных исследователей – большое значение имеют труды зарубежных исследователей, в частности, З. Бжезинского, М. Кастельса, Дж. Стиглица, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, которые в своих работах существенное внимание уделяли России, ее роли в современном миропорядке.

Рефлексия на тему специфики русской истории, русского пути, русской идеи наблюдается у представителей разных направлений общественно-политической мысли Российской империи. В частности, представители славянофильского направления И.В. Киреевский, Н.С. Хомяков, Н.С. Аксаков, Ю.Ф. Еморин придерживались традиционалистских взглядов, основанных на идее самобытности России.

Так, В.С. Соловьев развивал идею «богочеловеческого союза» и «свободной теократии», создания всемирной монархии на основе российского самодержавия. Идеи приоритета духовно-нравственных идеалов в русском пути высказывали ведущие отечественные мыслители того времени: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ф.М. Достоевский, В.О. Ключевский, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Л.Н. Толстой, П.А. Флоренский.

При изучении феномена Русского мира особое место отводится исследованиям в области российской эмиграции. В период существования Союза Советских Социалистических Республик проблема эмиграции являлась закрытой темой. В связи с этим первые исследования по данной тематике появились лишь в середине 1950-х годов в трудах Л.Г. Дейча, Л.П. Карсавина, П.Е. Ковалевского.

Существенный вклад в изучение основ Русского мира, самосознания граждан России внесли Н.А. Нарочницкая, В.А. Никонов, В.А. Тишков. Например, Н.А. Нарочницкая в монографии «Россия и русские в мировой истории»¹¹⁶ рассматривает историю международных отношений Российского государства в контексте изменений религиозно-философской картины мира,

---

¹¹⁶ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. 536 с.

анализирует полемику западников и славянофилов, изучает истоки внешнеполитических идеологий, а также стремится определить место России и русских в мировой цивилизации.

Русскому миру как перспективной модели консолидации граждан Российской Федерации, проживающих за пределами страны, посвящены труды одного из основных исследователей данной тематики П.Г. Щедровицкого. Кроме того, существенный интерес представляет исследование Т.В. Полосковой и В.М. Скринника «Русский мир: мифы и реалии»¹¹⁷, в котором рассматриваются различные аспекты структурирования Русского мира как цивилизационного феномена. Авторы вводят в научный оборот новое понятие «логистика Русского мира» и видят в российской диаспоре важный инструмент реализации внешней политики Российской Федерации. У данных исследователей Русский мир рассматривается как глобальный проект России, который имеет возможность влиять на расстановку сил в мировом пространстве, а русский язык представляется основным инструментом в решении политических, экономических, социальных и иных проблем.

Социологическая традиция исследования Русского мира определена научными разработками современных российских исследователей: С.А. Арутюнова, Е.М. Арутюновой, Ю.В. Арутюняна, М.К. Горшкова, А.Б. Гофмана, Л.М. Дробижевой, В.И. Жукова, Т.И. Заславской, В.В. Локосова, И.Б. Орловой, Г.И. Осадчей, Г.В. Осипова, З.В. Сикевича, С.В. Чешко, Т.Н. Юдиной, В.А. Ядова и др. Данные авторы в своих работах уделяют существенное внимание проблеме несоответствия государственно-правового статуса русского народа, его исторически обусловленной государствообразующей роли, рассматривают особенности самоидентификации в современной России, ее этносоциальной структуры, межэтнических отношений, анализируют проблему социально-культурной консолидации современного российского общества.

---

¹¹⁷ Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: мифы и реалии. М.: 2003. 128 с.

Среди этнологов, уделяющих особое внимание проблематике Русского мира, необходимо выделить труды В.А. Тишкова, который исследует исторические истоки русского мира, роль русскоязычных диаспор в формировании и функционировании Русского мира, значение русского языка и русской культуры, включение Русского мира в систему идентификации современного гражданина Российской Федерации.

Особенности формирования социальной идентификации в современном российском обществе в условиях глобальных трансформаций представлены в трудах ведущих российских исследователей – Л.Г. Ионина, Н.К. Иконниковой, И.В. Лесковой, Ю.В. Шарова. Исследования, выявляющие изменения ценностных ориентации личности в современной России, проводились Г.В. Осиповым, Н.И. Лапиным и др.

Значительное влияние на развитие исследуемой тематики оказывает появление мировых сетевых проектов, объединивших ученых, политиков, общественных деятелей. К их числу относятся фонд «Русский мир», сетевой проект «Русский архипелаг», сетевой журнал «Русский журнал», телевизионная сеть RT и др. Эти проекты существуют при государственной поддержке, объединяют правительственные, научно-исследовательские и образовательные учреждения, библиотеки и другие учреждения культуры и обладают широкими ресурсами для исследовательской деятельности.

Кроме того, можно выделить ряд универсальных исследовательских организаций, занимающихся в том числе всесторонним изучением Русского мира: Институт Брукинга (США), Фонд Карнеги (США), Гуверовский Институт исследований войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США), Французский Институт международных отношений (Франция), Международный институт стратегических исследований (Великобритания), Центр стратегических и международных исследований (США) и многие другие.

В то же время на разрыв единого культурно пространства существенное влияние оказал переход Российской Федерации к рыночной

экономике в 90-е годы XX столетия, так как он потребовал кардинального изменения управленческих подходов в области культурной политики. Кроме того, на процесс децентрализации также существенное влияние оказали следующие социально-культурные тенденции:

1) определенный рост благосостояния жителей городских поселений и одновременное ухудшение благосостояния жителей сельских территорий;

2) сосредоточение интеллектуальной и творческой среды в городских пространствах;

3) дифференциация молодежи, представленная образованием формальных и неформальных объединений молодежи и молодежных субкультур;

4) формирование многонациональной культурной среды, возникновение национальных диспропорций;

5) усложнение религиозной среды, увеличение конфессионального многообразия и возможности попадания населения в секты, носящие деструктивный и асоциальный характер;

6) появление отдельных фрагментов разножанровой и разностилевой городской культурной среды посредством строительства арт-объектов и креативного благоустройства, но в то же время практически полное отсутствие таковых в сельской местности;

7) интенсивное расширение сети негосударственных услуг и различных кафе, торгово-развлекательных комплексов, становящихся не только местом развлечения, но и местом для проведения досуга и общения;

8) ускорение ритма жизни, информационных потоков, усиление транспортных проблем, что в итоге привело к существенному дефициту свободного времени у жителей крупных городов, составляющих большую часть населения России – порядка 50 %¹¹⁸.

---

¹¹⁸ Представленные материалы опубликованы в статье: Лузан В.С. К вопросу о влиянии культурной политики на современные локальные идентичности // Социодинамика. 2016. № 2. С. 47–66.

Таким образом, в современных условиях становится очевидным, что ключевую роль в развитии национальных государств и межгосударственных объединений в настоящем и ближайшем будущем будут играть города, а, следовательно, процесс децентрализации в области культурной политики будет только усиливаться, конечно, если государство не решит очередной раз коренным образом реформировать существующую систему собственного устройства.

Сложившаяся ситуация связана с тем, что процесс глобализации не только делает проницаемыми границы между странами и культурами, но и усиливает потребность в фиксации локальной идентичности, связывающей людей с местом их жизни. И роль городов в этих условиях становится определяющей, так как по данным ООН «в современных условиях не прекращается процесс существенного увеличения городского народонаселения: сегодня более половины населения мира проживает в городах, а к 2050 году число горожан увеличится на 2,5 млрд человек. При этом около половины из 3,9 млрд городских жителей планеты проживают в сравнительно небольших поселениях с количеством жителей до 500 тысяч. Лишь каждый восьмой горожанин живет в одном из 28 мировых мегаполисов с населением более 10 млн человек. Многие из наиболее быстрорастущих городов мира являются сравнительно небольшими городскими поселениями»¹¹⁹. В результате совершенно обоснованным является стремление муниципальных властей и городских сообществ в формировании привлекательной, безопасной и нестандартной городской среды, в первую очередь, средствами и механизмами культурной политики.

Данные процессы характерны и для Российской Федерации: по состоянию на 1 января 2014 года, доля городского населения в России составляет 74,2 %, при этом количество городов с населением более

---

¹¹⁹ Официальный сайт информационного центра ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unic.ru/press/po-dannym-oon-uvelichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-bolee-poloviny-naseleniya-mir> (дата обращения: 15.08.2016).

миллиона человек составляет всего 15 единиц¹²⁰. Во многом это связано с тем, что город в большей степени чем сельский населенный пункт, позволяет жителям реализовывать себя и свои возможности, а также является образовательным, культурно-политическим и информационным центром, сосредотачивающим в себе основной производственный и интеллектуальный потенциал того или иного государства.

В условиях, когда города стремительно превращаются в агломерации, трансформируется и их пространственная структура, которая влечет за собой изменение образа жизни проживающих в них людей. В связи с этим в современной ситуации следует уделять особое внимание планированию и развитию городской среды, так как образ городской среды, складывающийся в сознании жителей, оказывает на них существенное воздействие. Интенсивное развитие городов влечет за собой новые формы поведения человека, его личностных особенностей, ставит проблему взаимодействия человека и окружающей его среды.

Только в том случае, если есть разнообразие социально-культурных практик, услуг, процессов на одной территории, формируется внутреннее городское своеобразие. Город должен не только понимать свои современные реалии, но и делать все возможное, чтобы не потерять собственную историческую память. В этом заключается одна из задач культурной политики: строить будущее, сохраняя историческую память. Помимо этого, именно культура способна доступно выражать ценности и формировать культурную идентичность. Современный город – это город, где творчество и самореализация человека становятся основой всего. Человеческий ум, желания, мотивы, воображение и творческие способности – стратегический резерв развития городов. На первом уровне создаются условия для самовыражения людей, на втором – появляются возможности на основе этого создавать реальные производства и услуги. Создание привлекательной

---

¹²⁰ Интернет-портал «Города России» [Электронный ресурс]. URL: города-россия.рф (дата обращения: 15.08.2016).

инновационной городской среды, формирование рынка услуг, влияющих на качество жизни – важнейшие элементы современности, воплощать которые возможно только посредством культурной политики.

Как уже отмечалось ранее, именно культура в знаково-символических формах сохраняет, приумножает и транслирует весь совокупный человеческий опыт, созданный в различных сферах деятельности. Культура отражает специфику различных социальных групп и, объединяя, позволяет создать привлекательную инновационную городскую среду, воспитать любовь и уважение к городу, стране, формировать спектр социально-культурных услуг, что, несомненно, позволяет городу развиваться более успешно во всех аспектах.

Правильно организованная городская среда, в свою очередь, способствует развитию интереса у горожан, тем самым вызывая чувство комфорта, безопасности, желание жить и развиваться. Однако, беспорядочная, хаотичная городская среда, не имеющая за собой определенной, четко выстроенной структуры, напротив, утомляет жителей своим однообразием и информационной перегруженностью, вызывая тем самым психологическое напряжение и дискомфорт. В связи с этим правильная организация городской среды является необходимым условием для комфортного существования жителей в локальном плане и развитию государства в глобальном.

Таким образом, становится совершенно логичным, что в качестве одной из приоритетных задач Основ культурной политики выступает создание условий для формирования эстетически ценной архитектурной и иной предметной среды. Государство констатирует, что «архитектурная и предметная среда, в которой формируется и живет человек, оказывает влияние не только на его психологическое состояние или работоспособность, о чем большинство граждан знают или слышали, но и на сам характер мировосприятия. Это свойство архитектуры и монументального искусства с античных времен использовалось для того, чтобы выразить отношение к

богам, обозначить мощь и силу государства, отделить сакральные, общественные и частные зоны города друг от друга. До последней четверти XX века понимание важности архитектуры и градостроительства для формирования личности человека присутствовало и в России, где развитие архитектуры как вида искусства было, пусть и не главной, заботой государства. Российская архитектурная школа уже в XIX веке занимала свое место в числе ведущих в Европе, а шедевры советской архитектуры 1920-х годов навсегда вошли в золотой фонд мирового искусства. С переходом на рыночную экономику государственно значимый статус архитектуры в нашей стране был признан фактором избыточного государственного регулирования строительного рынка, и сегодня российская архитектурная школа близка к исчезновению.

Государственная культурная политика призвана вернуть понимание того, что формирование эстетически развитой, творческой личности в антиэстетической архитектурной среде, в окружении агрессивной и лишенной даже минимальной эстетической ценности рекламы, в безликих или безвкусных интерьерах общественных пространств невозможно.

Необходимо вернуться к государственной поддержке архитектурного творчества, восстановить статус архитектуры как социально значимого вида искусства, сделать государство главным заказчиком современной российской архитектуры»¹²¹.

Каждый город имеет свой уникальный «язык», представленный не только архитектурным обликом, но и самим способом организации пространства, посредством которого может быть реконструирована определенная символично-знаковая система, а также культурный текст, считываемый жителями данного города.

---

¹²¹ Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Отсюда следует, что городская среда, для которой характерно наличие множества разнообразных источников информации, несет в себе скорее символический характер, нежели его материальное наполнение.

Таким образом, под городской средой следует понимать место, где происходит коммуникация или взаимодействие между различными субъектами по правилам, имеющим свою индивидуальную сущность только для конкретного города. В целом исследователи выделяют следующие основные характеристики городской среды, наиболее актуальные для российских городов:

- 1) культурно-историческая значимость;
- 2) безопасность проживания;
- 3) разнообразие досуга и возможность получения максимального спектра услуг;
- 4) разнообразие ландшафта;
- 5) экологическая безопасность;
- 6) комфортность инфраструктуры;
- 7) качество действующей системы управления.

Кроме того, помимо физического пространства, формирующего городскую среду, следует выделить и такие его виды, как:

- 1) социальное пространство;
- 2) культурное пространство;
- 3) информационное пространство;
- 4) коммуникационное пространство;
- 5) медиапространство.

На сегодняшний день во многих гуманитарных исследованиях на основе культурного и социального пространства выделяется единое социально-культурное пространство города, которое отражает изменения человеческой мысли, происходившие под влиянием политических, социально-экономических и культурных процессов. Согласно мнению А.Н. Быстровой, «это есть пространство реализации человеческой

«виртуальности» (под реализацией человеческой виртуальности в данном случае следует понимать людские задатки, возможности, способности, желания и т.д.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм»¹²².

Влияние этих процессов на изменение городской среды современного города выражается, прежде всего, в разрушении стандартов и эталонов городского образа жизни, которые успели сложиться в течение предыдущих десятилетий, а также в изменении установок в системе ценностных ориентаций жителей городов и способах реализации повседневных практик, что возможно реализовать только средствами культурной политики.

В современной российской действительности существуют примеры удачной трансформации городской среды, а следовательно, и образа самих городов посредством реализации продуманной культурной политики в не отраслевом понимании данного термина, а понимании как социального процесса. Например, город Мышкин в Ярославской области стал популярен благодаря своему названию и грамотной политике в продвижении собственного бренда – мышки и всего, что с ней связано, что позволило активно включиться в действующие туристические маршруты.

Определяющее влияние на культурную политику городских пространств повлекло за собой структурные изменения, в контексте которых культура становится ресурсом новой экономики и действующим агентом развития, источником нового мышления.

Востребованность инновационных моделей мышления – важнейший постулат современной цивилизации. Креативная составляющая становится влиятельным фактором социально-культурной действительности и глобальной конкуренции не только городов, но и государств. Все очевиднее становление постиндустриального уклада жизни в развитых обществах, при котором определяющими являются уже не только потоки информации и

---

¹²² Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 39.

знаний, а способности нации как сообщества индивидуальностей к пониманию, созданию и эффективному использованию образов и смыслов.

Одним из необходимых условий модернизации и развития государственной культурной политики и всех ее субъектов становится концептуально-проектный способ преобразования культурной среды. В этом случае роль институтов культуры может стать весьма ощутимой, если они осознают и сформируют креативное ядро своей деятельности и соотнесут его с современными процессами и технологиями в области интегрированных коммуникаций, включающих в себя маркетинг, рекламу, связи с общественностью, стимулирование сбыта, фирменный стиль, социальные инвестиции и, конечно, Интернет со всеми его ресурсами и возможностями.

Таким образом, одним из важнейших базовых культурных процессов является реализация в сфере культуры механизмов, направленных на развитие и поддержку творческих индустрий в качестве самостоятельного сектора экономики, а именно формирование креативных институтов; развитие внутреннего туризма; организация и продвижение творческих продуктов; развитие механизмов партнерства государства, бизнеса и традиционных институтов культуры; содействие развитию предпринимательства в сфере культуры.

В заключение следует отметить, что рассмотренные базовые культурные процессы в Российской Федерации на современном этапе не приобрели еще осознанного системного направления, что связано как с мировоззренческими, так и с административно-управленческими причинами. Кроме того, во многом это объясняется тем, что государство только сейчас начинает делать осознанные шаги по разработке концептуального видения собственных действий в столь важной сфере, каковой является культура, причем не в узкоотраслевом понимании, а как деятельности, включающей в себя ясно сформулированные цели и реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов и их воплощения в российской социально-культурной действительности.

2.2. Основные субъекты культурной политики

Как уже было отмечено ранее, в результате распада Союза Советских Социалистических Республик возникло большое количество новых субъектов культурной политики, которые ранее не существовали как самостоятельные институции. В отечественной и зарубежной научно-исследовательской практике существует множество подходов к определению институций, которые являются субъектами культурной политики, но следует выделить два основных: первый заключается в том, что в качестве основного субъекта культурной политики выделяется государство и учрежденные им государственные институты, второй – индивид и различные социальные группы. Однако в условиях глобализации и формирования мирового рынка новых культурных товаров и услуг можно выделить третий подход, в рамках которого все большее значение в качестве субъекта культурной политики приобретают негосударственные частные и транснациональные структуры.

В целом понятие «субъект культурной политики» применяется для характеристики тех индивидов, социальных групп, партий, институтов различных форм собственности, которые принимают активное, осознанное участие в культурной деятельности.

Как справедливо отмечает П.Л. Волк в диссертационном исследовании «Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза», «субъект культурной политики – это любое лицо (разного ранга и статуса – лидеры государства, члены правящей элиты, партийные активисты, наблюдатели, выдающиеся художники и т. д.), социальная общность (класс, группа, этнос) и объединение граждан (партия, творческий союз, движение, группа давления, и т. д.), институт, учреждение либо организация (органы власти и государственного управления, аналитические центры разного профиля, СМИ, учреждения и организации культуры и т. п.), в той или иной степени участвующие в формировании, распределении и

осуществлении культурной политики и подчиненные определенным правилам политического поведения.

Субъекта культурной политики характеризует, прежде всего, наличие некоего интереса в этой области (или в определенном ее секторе), связанного с ним представления о должном состоянии системы культуры (может быть, в виде более или менее разработанной концепции), о стратегических и приоритетных полях и задачах, а также об адекватных методах осуществления соответствующих задач культурной политики»¹²³.

Стоит отметить, что обозначенное выше исследование П.Л. Волка наиболее полно, на наш взгляд, раскрывает сущность второго подхода к определению наиболее значимых субъектов культурной политики, в качестве которых выступают индивид и различные социальные группы, хотя автор не меньшее внимание уделяет и государству.

В рамках данного подхода П.Л. Волк утверждает, что главным и изначальным субъектом культурной политики является отдельный индивид. Побудительными мотивами к проявлению политической активности в данном контексте служат следующие факторы: желание реализовать свои интересы либо повысить социальный статус, осознание угрозы своему личному положению, понимание общественного долга и стремление реализовать свои гражданские права, государственное принуждение (в массовых формах при тоталитарных режимах).

Угроза своему личному положению, возникающая в ходе активного реформирования отрасли «культура» в Российской Федерации, побуждает к политической активности, направленной на консервацию устаревших организационно-правовых форм деятельности, такую традиционно политически пассивную категорию работников культуры, как возрастные сотрудники, как правило, получившие образование еще в советский период и

---

¹²³ Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза: дис. ... д-ра культурологии. Кемерово, 2005. С. 252–253.

выполнявшие в прошлом конкретный партийно-государственный идеологический заказ.

Данной категории работников противостоит новое поколение, стремящееся продвинуть рыночные организационно-экономические принципы осуществления культурного процесса и занять за счет этого свое место в социально-культурной иерархии. Стремление к реализации собственных взглядов является одним из основных мотивов политической активности наиболее видных представителей творческой интеллигенции. Данное стремление нередко толкает их на занятие должностей в структуре государственных и муниципальных органов управления культурой.

Следует отметить, что возможны прямые и опосредованные формы политической активности индивидов в культурном строительстве. Под опосредованной формой понимается участие индивида, например, в голосовании на тех или иных выборах, в то время как включение в культурные процессы на уровне местного самоуправления или учреждения культуры превращает его в непосредственного субъекта культурной политики, принимающего прямое участие в формировании и реализации того или иного управленческого решения.

Следующий уровень в структуре интегрированного субъекта культурной политики образуют социальные группы. Субъектность социальных групп относительно культурной политики определяется наличием групповых интересов по тем или иным культурным идеалам и ценностям. В этом смысле группы как субъекты культурной политики в целом совпадают с общепринятой классификацией социальных групп.

Как отмечает П.Л. Волк, в современной России социологи условно выделяют пять основных социальных групп:

- 1) административная элита;
- 2) рабочие, разделяющиеся на категории по отраслевой принадлежности и квалификации;

3) интеллигенция, подразделяющаяся на группы по различным критериям;

4) бизнес-сообщество;

5) крестьянство¹²⁴.

В то же время к числу наиболее влиятельных субъектов культурной политики в качестве социальных групп необходимо отнести «средний класс» и маргиналов.

В русле данного диссертационного исследования к среднему классу следует отнести тех граждан, которые владеют определенными видами собственности либо обладают конкурентоспособностью на рынке труда и услуг благодаря профессии, полученному образованию и уровню креативного мышления, собственным навыкам и компетенциям, в первую очередь, коммуникативным.

В отличие от стран Западной Европы и Северной Америки, где формирование среднего класса стало результатом развития сферы услуг и перехода к постиндустриальному обществу, в России средний класс как многочисленная группа до последнего времени так и не сложился. Это связано с длительным закрепощением государством активных и самостоятельных слоев населения (высокий размер податей и чиновничий произвол в отношении купцов и ремесленников, существовавшее несколько веков крепостное право у крестьян), с неэволюционным развитием России, периодически сопровождавшимся социально-экономическими кризисами и потрясениями и рядом иных причин.

В данном контексте П.Л. Волк справедливо отмечает, что «роль среднего класса в культурной политике заключается в том, что он традиционно выступает опорой социально-культурной стабильности и демократии, в то время как преобладание в экономической и политической жизни небольшой группы крупных собственников ведет к формированию

---

¹²⁴ Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза. С. 254.

олигархии и сопровождающего её социально-культурного раскола общества, а преобладание люмпенов (людей, лишенных собственности, постоянного источника дохода и устойчивого социального статуса) – к установлению диктаторского режима и маргинализации культуры. Экономическая и политическая стабильность, наличие демократических свобод и правовых гарантий, определенный культурный консерватизм необходимы среднему классу, поскольку именно при этих условиях его представители могут добиться успеха и процветания. По этой же самой причине представители среднего класса – приверженцы эволюционного, реформистского, а не революционного типа развития общества. В то же время некоторые критически настроенные исследователи (Э. Фромм, Т. Адорно и др.) отмечают наличие у представителей среднего класса мощных авторитарных и консервативных комплексов, которые в условиях масштабного общественного кризиса могут превратить их в приверженцев диктатуры и национализма»¹²⁵.

Другой важнейшей социальной группой (субъектом культурной политики) являются маргиналы – отдельные индивиды и общности людей, находящиеся за границами той или иной социальной группы либо в процессе перехода из одной социальной группы в другую.

В общественных науках понятие «маргинал», как правило, используется в трех основных интерпретациях:

1) люди и общности, утратившие признаки той социальной группы, из которой они «выбыли», и не приобретшие статуса и признаков свойственных какой-либо другой группе;

2) люди и общности, стиль поведения и система ценностей которых резко отличаются от господствующих в обществе;

---

¹²⁵ Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза. С. 256.

3) люди и общности, находящиеся внизу социальной лестницы и не обладающие определенной профессией, источником постоянного дохода и социальным престижем.

Таким образом, все разновидности маргиналов можно классифицировать по двум основным признакам: в зависимости от типа мышления и поведения людей и общностей и с точки зрения их социального положения.

В научно-исследовательской практике также существует более подробная типологизация маргиналов:

1) этномаргиналы – люди и общности, проживающие в чужой им национально-культурной среде и являющиеся национальным меньшинством;

2) биомаргиналы – тяжелобольные, люди с ограниченными физическими возможностями и преклонного возраста;

3) социомаргиналы – люди и общности, находящиеся в состоянии неоконченного социального перемещения из одной социальной группы в другую, либо на границах социальных групп;

4) политические маргиналы – люди и общности, которых не устраивают законные (легитимные) способы ведения политической борьбы – политические радикалы, экстремисты и террористы;

5) экономические маргиналы – люди и общности, имеющие уровень доходов ниже определенного социального минимума или проживающие за чертой бедности;

6) религиозные маргиналы – люди и общности, не принадлежащие к официально признанным конфессиям, а также разного рода сектанты, еретики в рамках какого-либо вероисповедания;

7) криминальные элементы – люди и общности, являющиеся представителями неорганизованной и организованной преступности.

При этом маргинальность сама по себе является естественным и нейтральным по своему смыслу явлением, а маргинализация – естественным процессом. Меняется структура экономики, отмирают старые и возникают

новые отрасли производства и виды услуг, появляются связанные с ними новые социально-профессиональные группы. Поэтому достаточно большое количество людей постоянно перемещается из одной социальной страты в другую, и определенная их часть на какое-то время «застревает» в этом переходном состоянии.

Маргинальность становится отрицательным явлением тогда, когда численность маргиналов превышает определенный допустимый максимум и появляются «наследственные маргиналы» – люди и общности, находящиеся внизу социальной лестницы без перспективы повышения своего социального статуса. Угроза со стороны подобных маргинальных групп заключается в том, что они не принимают существующий социально-экономический порядок и ценности выталкивающего их «на дно» общества и мстят ему.

В данном контексте П.Л. Волк справедливо отмечает, что «как субъект культурной политики маргинальные слои имеют двойкий характер. Этномаргиналы, привнося в доминирующую культуру черты собственной этнокультурной непохожести, служат источником культурного многообразия. Биомаргиналы на определенной стадии социально-культурного развития превращаются в своеобразный «укор социальной совести», способствуя развитию в обществе гуманизма и толерантности. Религиозные маргиналы способствуют активизации духовной жизни общества.

В то же время основная масса маргинальных слоев является носителями антикультуры в культурном континууме общества. Их влияние проявляется в снижении общего уровня культуры, нередко принимающем форму прямого уничтожения образцов высокого искусства (как в нацистской Германии или в России на заре Советской власти), во внедрении в национальную культуру антигуманных черт»¹²⁶.

---

¹²⁶ Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза: дис.... доктора культурологии. – Кемерово, 2005. – С. 258.

С учетом действующей модели культурной политики Российской Федерации наиболее мощным влиянием на культурные процессы среди субъектов культурной политики по ряду причин обладает государство. Во-первых, государство, будучи основным властным институтом, располагает несоизмеримыми с другими субъектами возможностями воздействия на культурную жизнь. Во-вторых, в то время как другие субъекты культурной жизни используют для проведения своей культурной политики собственные ресурсы, государство управляет культурной жизнью не только за счет средств государственного бюджета, созданного усилиями всех работоспособных членов общества, но, самое главное, за счет нормативного правового регулирования культурных процессов и практик. При этом на последнее у государства имеется монопольное право.

Таким образом, государство обязано проводить культурную политику, ориентируясь на общественные интересы и согласовывая интересы всех других субъектов культурной жизни. В идеале имеющиеся ресурсы должны распределяться таким образом, чтобы учитывать интересы всех значимых культурных меньшинств и стратегические культурные интересы, направленные на последующие поколения. Следовательно, от того, насколько государству удастся реально согласовывать несовпадающие интересы различных субъектов культурной жизни, а также учесть стратегические национальные культурные интересы, – зависит эффективность его культурной политики.

В то же время история Российской Федерации на многих этапах характеризуется не столько поисками органами законодательной и исполнительной власти в области культуры общественного согласия по поводу ее развития и функционирования, сколько навязыванием всем субъектам культурного строительства собственных представлений о необходимых приоритетах и требованиях к художественным продуктам. Данная ситуация является абсолютно обоснованной с позиции действующей модели культурной политики, так как государство является тем основным

внешним органом, который регулирует культурную деятельность в современном российском обществе.

Еще один отечественный исследователь, И.Г. Хангельдиева, также в качестве основного субъекта культурной политики выделяет государство и, соответственно, определяет «культурную политику как деятельность государства, направленную на культуру и искусство». Другие субъекты культурной политики, полагает Хангельдиева, – это многочисленные посредники между государством и его гражданами, выступающими в качестве «потребителей культурных ценностей». В результате к субъектам культурной политики, помимо государства, исследователь относит учреждения и организации культуры, экспертное сообщество, средства массовой информации, бизнес-структуры, общественные организации, граждан как основных потребителей культурных ценностей¹²⁷.

Другим важным субъектом государственной культурной политики является собственно гражданское общество. Следует заметить, что государство и гражданское общество как политические субъекты формируются в Европе и США начиная с Нового времени под влиянием происходящих модернизационных изменений. Именно с этого времени следует говорить о том, что складывается основной институт власти в обществе, обладающий монополией на принуждающее насилие на определенной территории, – государство. В то же время под влиянием этого процесса параллельно происходит формирование гражданского общества.

Гражданское общество представлено разнообразными структурами. В Российской Федерации традиционно высокую степень активности и большое влияние на формирование культурной политики оказывают различные творческие союзы. Они выступают в качестве регуляторов, референтных групп, «подсказывающих», задающих эталонные образцы, направляющих и

---

¹²⁷ Хангельдиева И.Г. Культурная политика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01302:article> (дата обращения: 12.07.15).

стимулирующих процессы социально-культурной самоорганизации, саморазвития и особенно самовыражения общества в тех или иных формах.

В развитых странах важнейшим институтом гражданского общества, оказывающим существенное воздействие на культуру, является бизнес, о чем подробно было рассказано в главе 1 диссертационного исследования. Иное положение складывается в развивающихся странах, где государство – основной институт, способный компенсировать недостатки инфраструктуры, которая сама по себе не в состоянии обеспечить развитие культуры в соответствии с требованиями населения.

В то же время государство как системообразующий элемент, в зависимости от характера социального устройства и доминирующих социально-политических принципов, определяет формы и границы реализации субъектности субъектами культурной политики.

Государство тоталитарного типа стремится к максимальному сужению этих форм, к ограничению активности субъектов культурной политики. Преимущественно разрешенные формы проявления субъектности индивидов сводятся к пассивным проявлениям: потреблению той части культурного продукта, который разрешен доминирующим субъектом в соответствии с государственной идеологией. Активная субъектность – монополия элиты. Элита определяет культурно-политические тренды, решает, какая социальная группа и в каких формах может быть допущена к формированию культурного пространства.

В государствах демократической ориентации, напротив, регламентирование форм проявления субъектности в культурной политике сведено к минимуму и ограничено, как правило, запретом на антиобщественную деятельность. Активная субъектность находит свое выражение в нерегулируемой разнообразии творчества художников во всех видах и жанрах искусства, в возможности участия граждан в формировании направлений культурной политики.

Пассивная субъектность также ничем не ограничивается. Свободная бесцензурная печать, телевидение, радио предоставляют каждому члену общества право выбора потребляемого культурного продукта в зависимости от собственных пристрастий.

Подводя итог изучения государства в качестве одного из основных субъектов культурной политики, нельзя не заметить, что большинство исследователей под государством подразумевают в том числе и муниципальную власть, которая, на наш взгляд, является самостоятельным субъектом культурной политики. Следовательно, с учетом действующего на сегодняшний день законодательства, отождествлять государство и муниципалитеты (местное самоуправление) представляется некорректным по ряду причин:

1) в соответствии со ст. 130 Конституции Российской Федерации местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью¹²⁸, то есть без вмешательства государства. Следовательно, муниципальная власть является независимой. Собственно административная реформа была направлена на уточнение функций и разграничение доходных источников и расходных обязательств органов власти всех уровней;

2) в результате проведенной административной реформы абсолютное большинство традиционных институтов культуры (клубы, музеи, библиотеки, образовательные учреждения в сфере культурной политики и искусства и т. д.) перешли из государственной формы собственности в муниципальную (более 90 % всех учреждений);

3) прямое финансирование выполнения функций муниципальных учреждений культуры из средств вышестоящих бюджетов является незаконным и признается нецелевым использованием бюджетных средств.

---

¹²⁸ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Расходные обязательства органов местного самоуправления должны увязываться с соответствующими доходными источниками, что призвано обеспечить их самостоятельность в пределах установленной ответственности. В свою очередь, размер доходов местных бюджетов определяется видами и ставками закрепленных за ними налогов. Проблема заключается в том, что расходные обязательства подавляющего большинства муниципальных образований не обеспечены полностью доходными источниками, так как за муниципалитетами закреплены самые незначительные налоги. Соответственно, средств на реализацию полномочий органов местного самоуправления в сфере культурной политики не хватает. Это привело к тому, что большинство учреждений культуры находятся в плачевном состоянии по многим параметрам, особенно в сельской местности;

4) реформа местного самоуправления до конца не понята многими органами местного самоуправления, которые воспринимают свои полномочия исключительно как расходные обязательства, в отрыве от полученных ими прав. Особенно наглядно это проявляется в недооценке роли муниципальных правовых актов, принимаемых по вопросам местного значения, и постоянном ожидании указаний сверху, как было принято в реалиях советской системы управления.

Еще одним процессом, оказавшим существенное влияние на становление новых субъектов культурной политики, является глобальная интеграция всех сторон социального бытия, получившая широкое распространение во второй половине XX века. Глобализация информационных потоков приводит к тому, что межкультурные обмены происходят, минуя все существующие границы, межкультурные границы между странами исчезают. В результате глобализации можно констатировать формирование единого глобального культурного пространства и, следовательно, единого субъекта культурной политики – всемирного человеческого сообщества. Возникают межнациональные и

транснациональные организации, целью которых является формирование единой глобальной культурной политики.

Собственную культурную политику могут формировать и осуществлять любые субъекты культурной жизни, располагающие для этого необходимыми ресурсами: отдельные люди, любые субкультурные группы, производственные и иные коллективы, общественные организации и т. д. При этом их воздействие на культурогенные процессы не всегда принимает форму деятельности.

Влиять на культурную жизнь в соответствии со своими интересами и ресурсными возможностями могут создатели культурных ценностей, их пропагандисты и пользователи в своих политических, национальных, конфессиональных или иных интересах, вплоть до отдельных физических лиц, имеющих в этой сфере свои интересы и располагающих соответствующими ресурсами – материальными, финансовыми, кадровыми или информационными.

Таким образом, культурная политика вводится в рамки вполне определенной теории: культурная жизнь предстает как пространство социального поведения, как поле борьбы различных субъектов – групп населения (носителей различных субкультур), создателей культурных ценностей, различных общественных институтов, занятых их сохранением и распространением, государства. Например, П.Л. Волк делает вывод, что «культурная политика – это конкурентная борьба интересов различных субъектов культурной жизни, столкновение конкурирующих эстетических и этических комплексов, систем ценностей, телеологических представлений и духовных основ. Существенную роль играет конкуренция за распределение различных ресурсов – финансовых, материальных, кадровых и информационных.

Культурная политика относится к социальным явлениям и подчиняется объективным законам. Однако нередко субъекты политики, движимые собственными личными или групповыми интересами, не учитывают наличие

объективных закономерностей, присущих тем или иным явлениям политической жизни. Отсутствие в деятельности субъекта учета объективных закономерностей социального бытия вследствие разнообразных, чаще всего личных причин, получило название политического субъективизма»¹²⁹.

Сложный диалектический процесс выявления субъектов культурной политики подчеркивает и В.В. Наточий, определяя культурную политику как «сферу пересечения культуры и политики, при этом политика сама выступает продуктом определенной культуры», так как дальше исследователем главное качество субъекта культурной политики определяется как способность к творческой деятельности. В связи с этим и культурная политика определяется как комплекс мер, предпринимаемых различными социальными институтами, и направленных на формирование субъекта творческой деятельности, определение условий, границ и приоритетов в сфере творчества, организацию процессов отбора и трансляции создаваемых культурных ценностей и благ и их освоение обществом¹³⁰.

Еще один исследователь Л.Е. Востряков в качестве базовых субъектов культурной политики также выделяет государство и различные общественные институты, так как именно данные субъекты полностью определяют форму и содержание культурной политики. Автор подчеркивает, что «конструирование государственной культурной политики не столько зависит от утвердившейся в обществе политической системы, сколько от типа культурных ценностей, обусловленных представлениями о природе культурных процессов, об их влиянии на развитие общества, о роли субъектов, создающих и сохраняющих культурные ценности, о взаимодействии данных субъектов с их государствами, отдельными государственными институтами и с обществом в целом»¹³¹.

---

¹²⁹ Волк П.Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза. С. 264.

¹³⁰ Наточий В.В. Культурная политика в России: проблемы и перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2001. 18 с.

¹³¹ Востряков Л.Е. Государственная культура политики современной России: региональное измерение: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. 365 с.

В качестве новых субъектов культурной политики современной России Л.Е. Востряков определяет «администраторов и менеджеров культуры», называя их «профессиональными акторами государственной культурной политики»¹³². При этом автором предлагается выделять полисубъектность культурной политики и избегать унифицирования ее за счет введения регионального многообразия культурных процессов, рыночных условий их протекания и содержательного разброса профессиональных качеств, политического самосознания, моделей поведения и т. д.

Если рассматривать культурную политику как целенаправленный процесс идеалообразования, о чем подробно говорилось в главе 1 диссертационного исследования, тогда субъекты культурной политики – это авторы, творцы общепризнанных идеалов культуры. В соответствии с этим Д.В. Пивоваров выделяет три вида авторов идеалов – «пророки и герои», «соборный субъект», «человек, изменяющий сам себя»¹³³ – и показывает, что это не различные виды субъектов, а определенные исторические этапы идеалообразования: идеалы творятся отдельными героями или пророками, принимаются соборно, а затем усваиваются каждым человеком отдельно в процессе самосовершенствования, самопреобразования. Данный подход имеет диалектическую базу и стремление к синтетичности существующих и разработанных моделей субъектов культурной политики.

Понимание культурной политики напрямую связано с тем, какие именно цели и задачи за ней закрепляются. Так, сербская исследовательница М. Драгичевич-Шешич в основу культурной политики ставит целеполагание и определяет ее как «систему мер, механизмов и действий для реализации поставленных целей и задач по направленному развитию культуры». Этот же исследователь развивает диалектическую мысль о том, что общество не может существовать без культуры, поэтому культурную политику следует рассматривать в более широком контексте реализации объективной

---

¹³² Востряков Л.Е. Государственная культура политики современной России: региональное измерение: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. 365 с.

¹³³ Пивоваров Д.В. Философия религии.

потребности общества в культуре и реализации этой объективной потребности посредством системы механизмов и действий¹³⁴.

Ясно сформулированные цели и задачи культурной политики сами по себе являются инструментом ее стратегического развития, позволяют преодолеть обывательское отношение к культуре как сугубо саморазвивающемуся организму, не нуждающемуся в деятельном социальном преобразовании.

Так, один из современных идеологов «новой культурной политики» Олег Генисаретский формулирует стратегические ценностные ориентиры культурной политики, которые, по сути, отождествляются со стратегией развития современной российской культуры.

Первая задача современной российской культурной политики – это концентрация субъектов культуры, создателей культурных идеалов, создание множественных гражданских институтов, концентрирующих деятельность творцов культурных эталонов. В терминологии О. Генисаретского речь должна идти об объединении «жизненно заинтересованных в духовном возрождении сил: специалистов-гуманитариев и историков культуры, любителей-энтузиастов и знатоков, «гениев места», воплощающих преемственности традиций; отдельных лиц, групп и сообществ, собирающихся по местному принципу или по приверженности к каким-то ценностям культуры; политиков, признающих значение культурных инноваций для осуществления предлагаемых реформ»¹³⁵.

Вторая задача связана с децентрализацией, демистификацией права государства на определение векторов культурного бытия. Исследователь называет эту задачу «ведомственной неприуроченностью культурных программ и инициатив»¹³⁶. В силу этого можно рассчитывать на изменение обыденного представления о культуре как об отрасли и рассчитывать на

---

¹³⁴ Драгичевич-Шешич М. Культурная политика: новая роль администратора и менеджера культуры – роль посредника // Материальная база сферы культуры. Вып. 2. М., 1999. С. 53–68.

¹³⁵ Генисаретский О. Культурная ситуация и цели культурной политики [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/cultural_policy/cultural_policy/situation/ (дата обращения: 25.08.2015).

¹³⁶ Там же.

более свободное отношение к культуре как «среде духовной жизни, средоточию духовных ценностей, как исторически конкретному целому, выражающему дух времени, своеобразии образа жизни, переплетение в нем различных культурно-исторических традиций»¹³⁷.

Третья задача связана с рационализацией культурной политики, с преобразованием современных научных теорий и концепций в область социальной практики. Исследователь определяет это как «потребность в более органическом сочетании художественно-творческого, научно-академического и повседневно-народного взглядов на культуру; сочетания, для которого практически нет места сегодня в принятой номенклатуре изданий, каналов информации и учреждений культуры»¹³⁸.

Соответствующие задачи стоят и перед научным осмыслением культурной политики, в котором необходимо подчеркивать переживание культуры как переживание собственных смыслов, как опору для внутренних преобразований, как доказательство осмысленности своего собственного существования и понимание, что эта осмысленность достигается путем глубокой внутренней духовной работой, а не дана как нечто само собой разумеющееся индивиду при его рождении.

Вывод, который делает О.И. Генисаретский, опять-таки связан со стратегической целью современной российской культуры: «в современной России под культурной политикой понимают разработку и реализацию культурных проектов и программ, в то время как насущно необходима проработка «политических предпосылок институционализации культурно-политической активности»¹³⁹.

В статье «Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра» О.И. Генисаретский вскрывает источники современного осуществления культурной политики, видя их в политических решениях 30-х гг. XX в. «Завтра» же культурной политики определяется как выход России на арену

---

¹³⁷ Генисаретский О.И. Культурная ситуация и цели культурной политики.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Генисаретский О.И. Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=157&ida=2103&idv=2104>

диалога с цивилизационными мегапроектами, вступление с ними в полемику или солидаризация (с помощью предложения своих собственных мегапроектов), предварительно осуществив серьезную проверку своих собственных культурно-экологических мегапроектов, концентрирующих российский историко-культурный опыт и вводящих его в виде концепций и реальных проектов в глобальное цивилизационное мегапроектное пространство. Ключевые слова в этом процессе, полагает О.И. Генисаретский, – «это культурное наследие, жизнеспособность и развитие»¹⁴⁰.

Прямая связь понимания культурной политики с ее целями исследуется О.Н. Афанасьевой, которая справедливо полагает, что стратегические цели культурной политики могут быть сугубо экономическими либо собственно культурными. Однако исследователь рассматривает некий компромиссный вариант, поскольку экономические ресурсы всегда необходимы для осуществления любых культурных целей. В связи с этим определенные механизмы финансирования культуры сами по себе могли бы способствовать реализации собственно культурных целей – это многоканальное и инвариантное финансирование, иерархическая инверсия, создание благоприятных условий для различного рода социальных объединений, поступательное формирование «человека культуры» посредством культивирования определенных идеалов¹⁴¹.

В данном контексте исследователь также выделяет два основных субъекта культурной политики: государство и общество. С одной стороны, государство как репрезентант социума и культуры задает, исходя из государственных интересов (которые не всегда соответствуют интересам общества и объективным тенденциям культурогенеза), идеалы, нормы, ценности культурной жизнедеятельности. Данная форма государственной активности институциализируется в системе государственной культурной

¹⁴⁰ Генисаретский О.И. Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра.

¹⁴¹ Афанасьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность. М., 2010. 70 с.

политики. С другой стороны, продукты процесса культурогенеза объективно утверждаются в обществе (но не обязательно в государстве) как следствие объективных тенденций самого культурного процесса через исторически сложившиеся идеалы, нормы, традиции и т. д. Данные взаимоотношения культурной политики и культурной реальности конкретно-исторически всегда противоречивы.

Многие исследователи отмечают, что в связи с активным становлением гражданского общества в Российской Федерации все большую роль в качестве одного из основных субъектов культурной политики приобретают профильные социально ориентированные некоммерческие организации. Ведь многие из них все чаще выбирают в качестве одной из основных целей собственной деятельности не только удовлетворение образовательных, профессиональных, познавательных и других интеллектуальных потребностей населения путем осуществления образовательной и информационной, разъяснительной деятельности, но и повышение средствами просветительской работы уровня гуманитарной и духовно-нравственной культуры российских граждан.

Кроме того, в связи с началом активной работы по передаче части государственных и муниципальных услуг на исполнение некоммерческим организациям, безусловно, следует ожидать, что данный процесс затронет и сферу культурной политики. Например, в части проведения некоммерческими организациями независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры.

Следовательно, можно обозначить следующие основные цели и задачи, которые решают социально ориентированные некоммерческие организации в реализации культурной политики в новейшей истории Российской Федерации:

- организация конкурсов для поддержки творческих проектов общенационального, регионального и местного значения в сфере культуры и искусства;

- расширение грантовых программ для молодых деятелей культуры и искусства с целью обеспечения возможности работы и обмена опытом в различных регионах;
- продвижение создающихся в нестоличных городах инновационных культурных центров;
- организация масштабных культурно-просветительских мероприятий, направленных на сохранение и развитие традиций отечественной культуры, укрепление межнациональных и региональных культурных связей;
- реализация инновационных проектов в области классического и современного искусства;
- внедрение мультимедийных технологий в творческий процесс;
- содействие социальной и культурной адаптации мигрантов;
- содействие развитию межнационального сотрудничества, сохранению и защите самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации;
- содействие реализации программ, проектов, общественных и иных инициатив в области культуры;
- оказание финансовой и иной помощи общественным объединениям и гражданам, участвующим в реализации проектов в области культуры;
- реализация социально значимых проектов и участие в развитии институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Кроме того, в контексте разговора о субъектах культурной политики нельзя не отметить тот факт, что в соответствии с реформой органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также геополитическими факторами – периодические запреты на посещение российскими гражданами курортов тех или иных иностранных государств, и как следствие, наличие предпосылок для развития внутреннего туризма, в социально-культурной сфере Российской Федерации постепенно зарождается целый спектр новых субъектов культурной политики, осуществляющих свою деятельность в сфере туризма: туристические агентства, организации

общественного питания и размещения граждан, частные лица, государственные учреждения и т. д. Подчеркнем, под «зарождением» понимается вхождение данных организаций в процесс культурного строительства, а не их физическое создание. Так как многие обозначенные типы организаций в сфере туризма уже давно функционируют в качестве самостоятельных юридических лиц. Однако теперь изменяется содержательное наполнение их деятельности.

Рассмотренное в подразделе разнообразие субъектов культурной политики подчеркивает понимание государством необходимости совершенствования процесса их взаимодействия друг с другом. Неслучайно в качестве одной из приоритетных задач Основ культурной политики выступает поддержка существующих и вновь создаваемых институтов и общественных инициатив в качестве субъектов культурной политики.

В то же время традиционные институты культуры составляют основу организационной структуры культурного строительства в России, именно они являются фундаментом и обязательным условием соединения культурных ценностей с обществом. Их поддержка, обеспечение деятельности, развитие относится к числу важных задач государственной культурной политики»¹⁴².

Наряду с традиционными субъектами культурной политики сегодня постоянно возникают совершенно новые формы как самой культурной деятельности, так и ее организации. Культура по своей природе развивается путем создания новых художественных форм, нового содержания. В момент создания их общественная оценка, как правило, противоречива, но сам факт художественного новаторства должен быть доступен вниманию общества. Таким образом, одной из важнейших задач государственной культурной политики является поддержка новых культурных общественных инициатив и типов культурных институтов.

---

¹⁴² Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

2.3. Специфика правового подхода к реализации культурной политики в условиях федеративного государства

Анализ мирового опыта и российской практики демонстрирует, что нормативное правовое регулирование культурной политики приобретает исключительное значение в переходные периоды. Следует зафиксировать нахождение Российской Федерации в очередном переходном периоде начиная с 1990-х годов. Данная ситуация во многом обусловлена тем, что в условиях построения в России федеративного государства и гражданского общества действующие и принимаемые нормативные правовые акты определяют все аспекты функционирования не только собственно государства, но и всех иных сфер общественной и даже частной жизни. В связи с этим изучение специфики правового подхода к осуществлению культурной политики является неотъемлемым элементом выявления ее динамики на современном этапе, тем более с учетом того, что Российская Федерация как самостоятельное государство с действующей нормативной правовой базой, является достаточно «молодым» в историческом ракурсе.

В целом действующую законодательную базу в сфере культурной политики следует разделить на два основных блока: национальное и международное законодательство. Причем в соответствии с общепризнанными нормами и правилами формально международное законодательство имеет приоритет над национальным, что не всегда соответствует практике принимаемых решений.

К основным международным нормативным правовым актам в сфере культурной политики следует отнести документы следующих организаций:

- 1) Организация Объединённых Наций в целом и Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры в частности;
- 2) Всемирная туристская организация;
- 3) Совет Европы;

- 4) Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе;
- 5) Шанхайская организация сотрудничества.

Обобщая международное законодательство, Пронин А.А. в статье «Российское законодательство в сфере культуры: общая характеристика» справедливо отмечает, что международные правовые акты исходят из того, что «права человека в сфере культуры вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, а также право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных и художественных трудов, автором которых он является. Указанные документы признают право лиц с ограниченными физическими возможностями на безбарьерный доступ к культурной инфраструктуре; декларируют необходимость сохранения всемирного культурного наследия; говорят о поощрении терпимости и культурного многообразия, необходимости изучать языки, историю и культуру других стран, искоренять предрассудки; называют туризм мощным фактором обеспечения мира и укрепления дружбы и взаимопонимания между народами планеты; призывают государства к тесному сотрудничеству в сохранении культурных ценностей и культурном обмене, поощрении культуры мира и диалога между всеми цивилизациями»¹⁴³.

Основой правового регулирования реализации культурной политики на национальном уровне выступает основной закон – Конституция Российской Федерации (далее – Конституция). Например, ст. 44 Конституции гарантирует гражданину свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Каждый имеет право на участие в

---

¹⁴³ Пронин А.А. Российское законодательство в сфере культуры: общая характеристика // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 3. С. 75–84.

культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям¹⁴⁴.

Кроме того, в Конституции закреплены положения, в соответствии с которыми в Российской Федерации культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств. Воплощение в жизнь обозначенных положений требует наличия в государстве развитой нормативной правовой базы в сфере культуры и авторских прав, которая по большей части уже сформирована.

Таким образом, Конституция устанавливает не только основные права граждан в сфере культурной политики, но и закрепляет за государством обязанности по обеспечению соответствующих прав. В связи с этим современное нормативное правовое регулирование в сфере культурной политики Российской Федерации представлено достаточно большим количеством соответствующих законодательных актов на федеральном уровне. В качестве основных законов, регулирующих сферу культурной политики, следует выделить следующие:

- 1) Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»;
- 2) Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле»;
- 3) Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»;
- 4) Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»;

---

¹⁴⁴ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

5) Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

6) Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»;

7) Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;

8) Федеральный закон от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»;

9) Федеральный закон от 04.11.2014 № 327-ФЗ «О меценатской деятельности»;

10) Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»;

11) Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах»;

12) Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»;

13) Федеральный закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»;

14) Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»;

15) Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»;

16) Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»;

17) Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

18) Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующая вопросы в области авторского права и смежных правах.

Приведенный выше перечень законодательных актов, регулирующих правоотношения заинтересованных субъектов в сфере культурной политики, не является исчерпывающим, так как в него не входят различные подзаконные акты, а также неотраслевое законодательство и региональное законодательство субъектов Российской Федерации в сфере культурной политики. Кроме того, как уже было отмечено в п. 2.2, в результате проведенной административной реформы в Российской Федерации органы местного самоуправления также получили право принимать на локальном уровне соответствующие нормативные правовые акты по вопросам местного значения в области культуры, обозначенным в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В то же время на основе действующих федеральных законов Правительством Российской Федерации утверждены федеральные целевые программы развития как по отдельным видам искусства, так и по отрасли в целом, а также определены направления поддержки различных творческих инициатив. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и на уровне субъектов Российской Федерации.

В целом нормативное правовое регулирование в сфере культурной политики реализуется в деятельности различных государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной властей. В разделе VII Основ законодательства Российской Федерации о культуре компетенция в сфере культурной политики разделена между федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации, в первую очередь, Министерством культуры Российской Федерации и соответствующими органами субъектов Федерации и органами местного самоуправления в области культуры.

Таким образом, в ведении профильных федеральных органов исполнительной власти находятся: обеспечение прав и свобод человека в области культуры; принятие федерального законодательства в области

культуры; правовое регулирование отношений собственности, основ хозяйственной деятельности и порядка распоряжения национальным культурным достоянием; формирование федерального бюджета в части расходов на культуру; прямое финансирование организаций культуры, находящихся в федеральном ведении; регулирование вывоза и ввоза культурных ценностей; создание и ведение Свода памятников истории и культуры Российской Федерации; контроль за выполнением законодательства Российской Федерации и другие.¹⁴⁵

Данный принцип разграничения предметов ведения и полномочий является одной из основных характеристик федеративного устройства и отражен в ч. 3 ст. 5 Конституции. Конституционная модель разграничения компетенции включает сферу ведения Федерации (ст. 71) и сферу совместного ведения (ст. 72). Вне пределов ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения субъекты Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73).

Как справедливо отмечает Г.П. Ивлиев, «принципиально новые условия экономического и политического развития страны настойчиво продиктовали необходимость разработки концепции реформирования системы федеративных отношений и ее законодательного обеспечения. Разграничение предметов ведения между Федерацией и ее субъектами является одним из основных принципов разделения государственной власти между центром и составными частями федеративного государства.

С конституционными правами граждан Российской Федерации должны корреспондироваться законодательно закрепленные обязанности конкретных органов публичной власти, подкрепленные реально действующими механизмами их реализации.

От рационального решения именно этой проблемы зависит ответ на многие вопросы, актуальные для российского федерализма, в первую очередь

---

¹⁴⁵ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

о путях преодоления неравенства в экономическом развитии субъектов Федерации»¹⁴⁶.

Предметы ведения – это области жизнедеятельности, в которых органы исполнительной власти вправе принимать управленческие решения. Полномочия – это совокупность прав государственных органов по принятию правовых актов и осуществлению иных властных мер, направленных на реализацию функций данных органов в рамках установленных предметов ведения. Объем компетенции субъектов Федерации свидетельствует о степени централизации федеративного государства.

Базовым для всей федеративной реформы стал Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁴⁷, который претерпел значительные изменения за прошедшие годы в связи с расширением проводимых в стране реформ. С момента принятия в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» было закреплено новое разграничение полномочий между субъектами Российской Федерации и уровнями местного самоуправления. В 2004 г. Федеральным законом № 122-ФЗ введены значительные изменения в отраслевые федеральные законы, отражающие новое распределение полномочий, введено понятие расходных обязательств Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований. Практика передачи полномочий федерального центра субъектам Федерации, расширения собственных полномочий органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления, а также введения совместных полномочий различных уровней публичной власти получила свое развитие в последующие годы в Федеральных законах № 199-ФЗ и № 258-ФЗ.

---

¹⁴⁶ Ивлиев Г.П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: статьи и выступления. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 48.

¹⁴⁷ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти ...: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Положениями данных федеральных законов, по существу, было закреплено соисполнение полномочий в социально-культурной сфере различными уровнями власти (федеральная, региональная, муниципальная).

В сфере культурной политики к совместному ведению Российской Федерацией и субъектов Федерации (ст. 72 Конституции) относятся общие вопросы культуры и охрана памятников истории и культуры. Из этого следует, что иные вопросы, не относящиеся к общим и не связанные с установлением основ федеральной политики и федеральных программ в области культурного развития (последнее представляет прерогативу федерального центра, ст. 71 Конституции), могут быть отнесены к ведению субъектов Федерации.

Если вернуться к рассмотрению Основ законодательства Российской Федерации о культуре, то особую значимость для изучения специфики правового подхода к осуществлению государственной культурной политики в условиях федеративного государства представляют ст. 37, 39 и 40, раскрывающие полномочия Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления в области культуры. В то же время Основы законодательства РФ о культуре, по мнению как действующих специалистов в социально-культурной сфере, так и исследователей, требует существенной доработки. В связи с этим за последние десять лет на федеральном уровне неоднократно предпринимались попытки разработки новых редакций основного федерального закона в области культурной политики, которые по сей день не увенчались успехом.

Тем не менее можно обозначить основные предложения, которые должны войти в новую редакцию закона о культуре, систематизированные Г.П. Ивлиевым:

- отразить права и свободы человека и гражданина в области культуры, механизм реализации этих прав;
- отразить нормы, обеспечивающие культурное многообразие,

равенство культур народов Российской Федерации и иных этнических общностей;

- отразить приоритеты культурной политики;

- установить единую систему мер государственной поддержки культуры, в том числе мер государственной поддержки народного творчества, которое является источником формирования национального самосознания и средством сохранения национально-культурной самобытности и языка;

- уточнить и расширить полномочия федеральных органов государственной власти в области культуры;

- определить статус творческого работника, специфику творческой деятельности, систему социального обеспечения творческих работников, гарантии невмешательства государства в творческую деятельность.

Закрепления в отраслевом законодательном акте требуют также особенности экономического регулирования (экономических отношений) в области культуры, в том числе:

- сохранение бюджетного финансирования в качестве основы государственных гарантий развития и сохранения культуры;

- механизм многоканального финансирования отрасли (источники бюджетного и внебюджетного финансирования, возможность привлечения дополнительных средств – спонсорские и благотворительные взносы и т. д.);

- определение финансовых ресурсов учреждений культуры, обеспечивающих их многоканальное финансирование;

- особенности приватизации в сфере культуры;

- социальная защита работников культуры;

- особенности трудовых отношений в сфере культурной политики (в соответствии со ст. 359 Трудового кодекса РФ)¹⁴⁸.

---

¹⁴⁸ Ивлиев Г.П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: статьи и выступления. С. 53.

На сегодняшний день конкретные полномочия в сфере культурной политики у каждого уровня власти определены следующим образом:

1. Полномочия Российской Федерации определены в ст. 37 Основ законодательства РФ о культуре:

- обеспечение прав и свобод человека в области культуры;
- установление основ федеральной культурной политики, принятие федерального законодательства в сфере культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры;
- правовое регулирование отношений собственности, основ хозяйственной деятельности и порядка распоряжения национальным культурным достоянием;
- формирование федерального бюджета в части расходов на культуру;
- координация внешней политики в области культурного сотрудничества;
- регулирование вывоза и ввоза культурных ценностей;
- определение принципов государственной политики в области подготовки кадров, занятости, оплаты труда, установление минимального размера ставок авторского вознаграждения по федеральным учреждениям культуры;
- использование, сохранение, популяризация объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности;
- сохранение особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации¹⁴⁹.

2. К полномочиям органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и

---

¹⁴⁹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» относится решение следующих вопросов:

- формирование и содержание архивных фондов субъектов Федерации;
- сохранение объектов культурного наследия, находящихся в собственности субъекта Федерации;
- организация библиотечного обслуживания населения библиотеками субъекта Федерации, комплектования и обеспечения сохранности их библиотечных фондов;
- создание и поддержка государственных региональных музеев;
- организация и поддержка учреждений культуры и искусства;
- поддержка народных художественных промыслов;
- поддержка региональных и местных национально-культурных автономий, поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности¹⁵⁰.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопросов местного значения, обозначенных в Федеральном законе № 131-ФЗ. Еще раз подчеркнем, что в результате проведенной административной реформы, абсолютное большинство учреждений культуры всех видов и типов оказались в ведении органов местного самоуправления. Следовательно, нормы указанного закона определяют деятельность самого массового сектора субъектов культурной политики – муниципальных учреждений культуры.

В ст. 14 раскрываются вопросы местного значения поселения:

- организация библиотечного обслуживания населения, комплектование библиотечных фондов библиотек поселения;
- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры;
- сохранение и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в собственности поселения;

---

¹⁵⁰ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

– создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в поселении;

– создание условий для массового отдыха жителей поселения и обустройство мест массового отдыха;

– формирование архивных фондов поселения;

– органы местного самоуправления имеют право на создание музеев поселения¹⁵¹.

В ст. 15 раскрываются вопросы местного значения муниципального района:

– организация библиотечного обслуживания населения межпоселенческими библиотеками, комплектование их библиотечных фондов;

– создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами по организации досуга и услугами организаций культуры;

– создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества в поселениях, входящих в состав муниципального района;

– формирование и содержание муниципального архива, включая хранение архивных фондов поселений;

– организация предоставления дополнительного образования на территории муниципального района;

– органы местного самоуправления муниципального района имеют право на создание музеев муниципального района¹⁵².

В ст. 16 раскрываются вопросы местного значения городского округа:

– организация предоставления дополнительного образования;

---

¹⁵¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁵² Там же.

- организация библиотечного обслуживания населения, комплектование библиотечных фондов библиотек городского округа;
- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в городском округе;
- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей городского округа услугами организаций культуры;
- сохранение и популяризация объектов культурного наследия местного значения, расположенных на территории городского округа;
- создание условий для массового отдыха жителей городского округа и организация обустройства мест массового отдыха населения;
- формирование и содержание муниципального архива;
- органы местного самоуправления городского округа имеют право на создание музеев¹⁵³.

Таким образом, объем полномочий органов местного самоуправления в сфере культурной политики можно условно разделить на девять самостоятельных групп:

- 1) организация библиотечного обслуживания населения поселенческими, межпоселенческими, городскими библиотеками и комплектование их библиотечных фондов;
- 2) создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры;
- 3) создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества;
- 4) участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов;
- 5) охрана и сохранение объектов культурного наследия местного значения;

---

¹⁵³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

б) создание условий для массового отдыха жителей и организация обустройства мест массового отдыха;

7) организация предоставления дополнительного образования;

8) формирование и содержание муниципальных архивов;

9) право на создание муниципальных музеев.

Особо стоит отметить, что в 2009 году закончился переходный период реализации Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в результате чего все его положения вступили в действие.

При разработке, принятии и введении в действие данного Федерального закона в качестве основных целей административной реформы обозначались следующие приоритеты, значимые в том числе для культурной политики:

– приближение власти к населению за счет повсеместного создания на территории Российской Федерации (если не считать городские округа) муниципальных образований низового уровня – сельских и городских поселений;

– четкое разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти (органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления муниципальных образований различных видов – муниципальных районов, сельских и городских поселений);

– разграничение расходных обязательств между уровнями публичной власти, закрепление доходных источников в соответствии с объемом полномочий.

Реализация данного закона предполагала отход от традиционной для России моноцентрической модели организации власти, характеризовавшейся организационным единством, вертикально интегрированными структурами, приоритетом государственных функций над началами самоуправления.

В результате в России сформировалась двухуровневая система местного самоуправления (муниципальные районы и поселения), причем каждый уровень рассматривается как функционирующий автономно от других и от государственной власти с четким разграничением предметов ведения и полномочий.

В то же время на реальном воплощении реформы в жизнь и становлении новой системы местного самоуправления, вводимой Федеральным законом № 131-ФЗ, сказался целый набор факторов и противоречий. В результате структура муниципальных органов управления в сфере культурной политики Российской Федерации стала крайне разнообразной.

С теоретической точки зрения, передача на уровень поселений полномочий руководства поселенческими учреждениями культуры – осмысленный процесс, который посредством этого предполагает повысить роль субъектов социально-культурной деятельности в жизни сельского социума. В действительности же, в условиях инфраструктурных и кадровых ограничений, недостатка финансовых средств у муниципальных органов местного самоуправления, некоторым муниципалитетам оказалось проблематичным не только решить поставленные задачи, но элементарно сохранить переданные на уровень поселений учреждения культуры, обеспечить их нормальное функционирование.

Таким образом, следует выделить целый комплекс проблем, которыми осложнен процесс формирования эффективной системы управления отраслью «культура», направленный на обеспечение социально-культурной регуляции жизнедеятельности общества.

1. Разрушение вертикали управления стало серьезным препятствием на пути формирования единого культурного пространства, обеспечения мер по реализации государственной культурной политики. Появление интегрированных межотраслевых органов управления привело к ослаблению управленческого потенциала отрасли, невыполнению показателей

деятельности муниципальными учреждениями культуры; сокращение сети учреждений культуры, численности работников отрасли; невыполнение финансовых обязательств (неосвоение средств субсидий из федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации); отсутствие стратегических перспектив развития отрасли на локальном уровне.

2. В большинстве случаев деятельность муниципальных учреждений культуры целиком определяется уровнем управленческой квалификации глав муниципальных образований, многие из которых недооценивают роль учреждений культуры в развитии человеческого капитала и обеспечении социальной стабильности. Это иногда приводит к решениям, идущим вразрез с государственной культурной политикой (сокращение численности работников и сети учреждений культуры, переподчинение образовательных учреждений в сфере культуры и искусства органам управления образования, так как по-разному можно трактовать их принадлежность: либо как учреждения дополнительного образования, либо как учреждения культуры, физкультуры и спорта).

3. Осуществление информационно-методической деятельности в сфере культурной политики на уровне муниципальных образований зачастую в значительной степени осложнено исчезновением межпоселенческих учреждений культуры, способных осуществлять методическое руководство деятельностью учреждений культуры, входящих в состав муниципального района.

4. Несоответствие ресурсной базы муниципальных учреждений культуры стоящим перед отраслью задачам и современным потребностям общества.

Одним из основных условий проводимых преобразований является наделение муниципальных учреждений культуры правами юридического лица. Результаты мониторинга свидетельствуют о незавершенности этого процесса. Многие муниципальные учреждения культуры в нарушение пункта 12 части 1 статьи 14 Федерального закона № 131-ФЗ не имеют статуса

юридического лица. Закон относит к вопросам местного значения создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры. Организациями культуры в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (статьи 48, 55, 120) могут являться учреждения со статусом юридического лица либо филиала юридического лица. Соответственно, они не обладают правом получения бюджетных средств, закрепления используемого имущества и занимаемых земельных участков, а их работники не могут претендовать на социальные льготы.

В последние годы наметилась тенденция наделения статусом юридического лица культурных центров, которые образуются путем объединения различных видов муниципальных учреждений культуры – клубов, библиотек, музеев и т. п., что влечет за собой ряд негативных последствий:

- сокращение сетевой единицы и, как результат, сокращение финансирования библиотеки, поскольку она является подразделением учреждения клубного типа;

- ухудшение формирования, сохранности библиотечных фондов и автоматизации библиотек, входящих в клубы;

- переориентация библиотеки с ее основной – информационно-просветительской функции – на функцию досугового учреждения, в состав которого она входит;

- вероятность ухудшения материального положения работников библиотек, работающих в культурном комплексе.

Например, библиотека может входить в состав культурно-досугового комплекса при обязательном условии сохранения статуса юридического лица и специфики библиотечной работы, а также необходимого ресурсного обеспечения библиотечных процессов и услуг в соответствии с базовыми нормами для библиотек сельских поселений.

Другая проблема, затрагивающая не только муниципальные районы, но и городские округа, заключается в расплывчатости формулировок полномочий органов местного самоуправления в области культуры. Нельзя не отметить, что положительным моментом следует считать, например, уточнение формулировки полномочия, связанного с сохранением, использованием и популяризацией памятников истории и культуры.

Однако даже уточненные формулировки полномочий органов местного самоуправления в сфере культурной политики не полностью отвечают интересам отрасли. Так, право на создание муниципального музея относится к дополнительным полномочиям органов местного самоуправления. Его реализация возможна не только при соответствующих возможностях местного бюджета, но и при наличии сущностного понимания роли музейных учреждений в развитии местного сообщества.

Особые нареканий вызывает формулировка полномочия, направленного на «создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры». В ней растворена деятельность культурно-досуговых учреждений – преобладающего вида муниципальных учреждений культуры, а также организаций исполнительских искусств. Если на региональном уровне употребляется понятие «поддержка», то в Законе № 131-ФЗ используется гораздо менее обязывающий термин – «создание условий». Из этой формулировки не вытекают напрямую обязательства муниципальных образований по регулярному гарантированному финансированию муниципальных учреждений культуры. Условия для организации досуга жителей могут создаваться путем предоставления муниципального заказа, причем не только муниципальным, но и государственным учреждениям.

Представляется необходимым провести дальнейшее уточнение формулировок вопросов местного значения в сфере культурной политики в законодательстве о местном самоуправлении. Также в Основах законодательства Российской Федерации о культуре следует максимально

полно раскрыть содержание соответствующих расходных обязательств органов местного самоуправления. До внесения изменений и дополнений в федеральные законы содержание расходных обязательств в сфере культурной политики нужно раскрывать в муниципальных правовых актах.

В связи со сложностью толкования многих норм Федерального закона № 131-ФЗ, профильным органом федеральной исполнительной власти были разработаны Методические указания по реализации вопросов местного самоуправления в сфере культуры городских и сельских поселений, муниципальных районов¹⁵⁴. В данных указаниях разъясняются некоторые понятия, вызывающие наибольшую сложность при толковании, а именно «создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры» и «создание условий для массового отдыха жителей поселений и организация обустройства мест массового отдыха».

При толковании понятия «условия для организации досуга», необходимо исходить из определения самого термина «досуг», который означает время, незанятое работой или другим делом, или отдельные моменты свободного времени, промежутки между работой. Не вдаваясь в полемику по этому вопросу, отметим, что, по мнению большинства исследователей, досуг подразделяется на познавательный, творческий и рекреационный.

Если в Федеральном законе № 131-ФЗ союзом «и» объединены «создание условий для организации досуга» с «обеспечением жителей услугами организаций культуры», то, вероятно, подразумевается возможность: содержать соответствующие организации культуры, в которых население может проводить свой досуг, занимаясь в творческих коллективах, посещая выставки, концерты, другие мероприятия культурно-познавательного и развлекательного характера, или закупать услуги организаций культуры, например, организовывать гастрели театров,

---

¹⁵⁴ Методические указания по реализации вопросов местного самоуправления в сфере культуры городских и сельских поселений, муниципальных районов: утв. приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25.05.2006 № 229 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

приглашать отдельных артистов, организовывать зрелищные мероприятия и выставки, обеспечивать услугами передвижных учреждений культуры.

Таким образом, руководствуясь п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 131-ФЗ, определяющим полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, понятие «условия для организации досуга и обеспечение жителей услугами организаций культуры» подразумевает право муниципального образования создавать и финансировать соответствующие учреждения культуры и досуга.

Федеральным законом № 131-ФЗ в качестве вопроса местного значения предусматривается создание условий для массового отдыха. Поскольку действующее законодательство не дает толкование понятия «массовый отдых», то финансирование учреждений культуры, обеспечивающих различные формы массового отдыха, должно быть реализовано посредством данного полномочия.

Следовательно, постановление главы местной администрации о создании организации культуры или о реализации любого проекта в сфере культуры и досуга является основанием для возникновения расходного обязательства. Вследствие этого муниципальное образование обязано предоставлять средства бюджета для муниципальных организаций культуры либо для реализации муниципального заказа на услуги культуры.

Таким образом, завершившаяся административная реформа привела к разобщенности субъектов культурного процесса, дифференциации материально-технического оснащения и объемов финансирования учреждений культуры различных форм собственности; ограничила возможности эффективной реализации единой культурной политики.

Помимо Федерального закона № 131-ФЗ для реализации культурной политики особую значимость имеет регулирование охраны авторского и смежных прав, права интеллектуальной собственности. Радикальное значение для данных прав имело вступление в силу в 2008 году части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Систематизация законодательства об авторском праве и смежных правах и об интеллектуальной собственности в целом, в том числе норм об обязательствах, позволила исключить многочисленные противоречия, расширить спектр договорных отношений и внедоговорных способов распоряжения исключительными правами, а также унифицировать другие нормы гражданского законодательства о материальных объектах, работах, услугах и привести их в соответствие с другими отраслями права, регулируемыми отношениями в сфере интеллектуальной собственности.

Необходимо отметить, что основными новеллами для субъектов культурной политики явилось то, что:

– ужесточилась ответственность за нарушение исключительных прав, в частности, произошло закрепление возможности ликвидации юридического лица по требованию прокурора в случае неоднократного или грубого нарушения исключительных прав;

– закреплены виды объектов авторских и смежных прав, а именно персонажи как объекты авторского права, смежных прав публикаторов, обнародовавших произведения, ставшие общественным достоянием;

– произошла унификация норм о коллективном управлении авторскими и смежными правами, в том числе введена государственная аккредитация и наделение аккредитованных организаций дополнительными правами;

– определен правовой режим отдельных видов объектов, в частности, проектов официальных документов, символов и знаков;

– введены дополнительные меры защиты прав авторов служебных произведений, издательских и иных договоров¹⁵⁵.

Значимым моментом для многих субъектов культурной политики явилось создание Общероссийской общественной организации «Российское Авторское Общество» (РАО)¹⁵⁶ – негосударственной некоммерческой

---

¹⁵⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации: Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / ред. П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2014. 512 с.

¹⁵⁶ Официальный сайт Российского Авторского Общества [Электронный ресурс]. URL: <http://rao.ru> (дата обращения: 20.08.2015).

организации, созданной авторами и иными правообладателями для осуществления управления авторскими правами на коллективной основе.

Пятнадцатого августа 2008 года Российское Авторское Общество получило государственную аккредитацию на осуществление деятельности по управлению авторскими правами на коллективной основе в сферах, предусмотренных пп. 1 и 2 п. 1 ст. 1244 Гражданского кодекса Российской Федерации, что, по сути, сделало его монополистом в данной области. Однако практика деятельности данной организации показала необходимость дальнейшего совершенствования действующего законодательства по управлению авторскими правами, что подтверждено многочисленными претензиями к РАО как со стороны авторского сообщества, так и со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, рассмотренная выше специфика правового подхода к реализации культурной политики в условиях федеративного государства свидетельствует о нахождении Российской Федерации в переходном периоде, когда имеющаяся нормативная правовая база требует корректировки, в первую очередь, в части конкретизации норм и положений, закрепляемых за всеми уровнями власти: федеральной, региональной и муниципальной. В то же время достигнуть данной конкретизации возможно только в случае принятия новой редакции Федерального закона о культуре с учетом целей и задач, обозначенных в Основах государственной культурной политики Российской Федерации.

В качестве подтверждения рассогласованности между различными уровнями власти в реализации культурной политики и несовершенства действующего законодательства, представляются показательными результаты экспертно-аналитического мероприятия Счетной палаты РФ «Анализ результатов расходования средств федерального бюджета,

направленных на реализацию Плана основных мероприятий по проведению в 2014 году в Российской Федерации Года культуры»¹⁵⁷.

Согласно представленной информации в План проведения Года культуры в Российской Федерации (далее – План проведения Года культуры) было включено 125 основных мероприятий, из которых 58 проводились и ранее, так как являются ежегодными. Реализацию мероприятий Плана проведения Года культуры осуществлял ряд исполнителей федерального уровня, подтверждающих межотраслевую природу культурной политики:

- 1) Министерство культуры;
- 2) Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям;
- 3) Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству;
- 4) Министерство образования и науки;
- 5) Министерство связи и массовых коммуникаций;
- 6) Министерство иностранных дел.

Общий объем ресурсного обеспечения мероприятий Плана проведения Года культуры за счет всех источников финансирования составил около 15 млрд рублей, в том числе 11,3 млрд – за счет средств федерального бюджета, 2 млрд рублей – за счет средств консолидированных бюджетов регионов, 1,7 млрд рублей – за счет средств внебюджетных источников. При этом в докладе не отмечается вклад муниципальных образований – одного из основных субъектов культурной политики. Скорее всего, данная ситуация вызвана тем, что в бюджетах муниципальных образований данная строка расходов не была предусмотрена в принципе.

В то же время рассогласованность действий исполнителей и несовершенство действующего законодательства подтверждает тот факт, что «несмотря на то, что регионам было рекомендовано принять участие в

---

¹⁵⁷ Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2016).

проведении Года культуры, на 93 мероприятия средства регионами не выделялись. Из общего количества мероприятий, предусмотренных Планом проведения года культуры, 12 не проводилось.

Наибольшее количество мероприятий в рамках Года культуры было проведено в городах федерального значения – Москве (50 мероприятий) и Санкт-Петербурге (35 мероприятий). В 27 мероприятиях участие приняли все субъекты Российской Федерации, в 44 мероприятиях – от 1 до 10 субъектов»¹⁵⁸.

Согласно сведениям Министерства культуры Российской Федерации общее количество посетителей мероприятий Года культуры составило более 15 млн человек, при этом 59,3 % этого количества – это посетители культурных мероприятий, которые проводятся ежегодно вне зависимости от внешних факторов и общероссийских акций.

В рамках проведения Года культуры на модернизацию материально-технической базы учреждений культуры малых городов и сельских поселений и обеспечение сельских поселений специализированным автотранспортом было выделено 57 млн рублей. На проведение аналогичных мероприятий в крупных городах и региональных центрах – 1,4 млрд рублей.

Таким образом, финансирование мероприятий по модернизации учреждений сельских поселений и обеспечению их спецтранспортом составило всего 4 % к уровню финансирования аналогичных мероприятий учреждений крупных городов и региональных центров. Данная ситуация представляется достаточно странной в силу того, что сельская местность наиболее нуждается в специализированном автотранспорте из-за удаленности территорий и отсутствия учреждений культуры в принципе.

Несмотря на то, что в рамках указанного направления значительный объем средств федерального бюджета в сумме 129 млн рублей направлен на развитие библиотечного дела и создание Национальной электронной

---

¹⁵⁸ Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2016).

библиотеки, число библиотек в Год культуры сократилось более чем на 340 единиц, а число читателей – на 524,4 тысяч человек. Пополнение книжных фондов уменьшилось почти на 4 %. Проведенный анализ также показал, что доступ к сети Интернет для пользователей в целом по стране имели только 51,4 % библиотек, при этом доступ к полнотекстовым электронным ресурсам – только 6 %.

В рамках Года культуры из 14 запланированных мероприятий было реализовано 12 – проведены всероссийские и межрегиональные фестивали, направленные на популяризацию этнической и национальной культуры России, с общим объемом финансирования 157,7 млн рублей, из них средства федерального бюджета – 22,6 млн рублей

Однако в докладе справедливо отмечено, что «сохранение и развитие народного творчества зависит не только от проведения мероприятий и фестивалей, направленных на популяризацию этнической и национальной культуры России, но и от возможности людей заниматься этим творчеством. При этом статистика показывает, что как раз такой возможности, особенно у жителей сельской местности, зачастую нет»¹⁵⁹.

Так, по данным федерального статистического наблюдения, в 2014 году число клубов и домов культуры в целом уменьшилось более чем на 1000 единиц. Особенно эта тенденция характерна для сельских поселений. В ряде субъектов при снижении числа культурно-досуговых учреждений одновременно снизилось число клубных формирований и уменьшилось число их участников. Количество клубных формирований в сельской местности сократилось в 42 регионах, число их участников – в 33 регионах.

В рамках реализации международных и всероссийских проектов в области театрального, музыкального и современного изобразительного искусства предусмотрены мероприятия по проведению в субъектах Российской Федерации гастролей ведущих российских театров и

---

¹⁵⁹ Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2016).

музыкальных коллективов. Планом проведения года культуры в качестве исполнителей мероприятий по проведению гастролей ведущих российских театров определены 11 подведомственных Министерству культуры Российской Федерации театров, финансируемых в пределах государственного задания. При этом 2 из 11 театров государственное задание на оказание услуги по показу спектаклей на гастролях на 2014 год не устанавливалось, а 5 театрам – было установлено меньше уровня 2013 года.

Перечень ведущих музыкальных коллективов Планом проведения Года культуры не установлен. Из 20 концертных организаций, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации, государственное задание на проведение гастролей установлено только одной организации. Кроме того, идеология проведения гастролей не была выстроена, регионы, в которых театры должны были гастролировать, учредителем не определялись.

Тем не менее всего гастролями было охвачено около 40 регионов, наибольшее количество мероприятий проведено в Южном и Уральском федеральных округах. В ряде регионов установлено сокращение гастрольной деятельности региональных театров и концертных организаций на территории своего субъекта Российской Федерации.

Общий объем финансирования мероприятий, направленных на расширение выставочной деятельности и поддержку творческих проектов в регионах Российской Федерации, составил 125,4 млн рублей. Проведены все запланированные мероприятия. Общее количество посетителей – 362,7 тыс. человек. В проведении передвижных выставок музеев России в малых и средних городах приняли участие музеи 20 регионов России с общим числом посетителей 273,4 тыс. человек. Вместе с тем, несмотря на то, что в 2014 году общее число музеев сократилось, а в сельской местности даже несколько увеличилось, одновременно с этим увеличилась доля музеев в сельской местности, находящихся в аварийном состоянии, – с 21,9 % до 35,5 %.

Общий объем средств, выделенных на проведение мероприятий, направленных на выявление талантливых детей и поддержку детского

творчества, составил 273,9 млн рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета – 273,7 млн рублей, за счет средств, привлеченных из внебюджетных источников, – 0,22 млн рублей. Всего в данных мероприятиях принимали участие от 5 до 85 регионов с количеством посетителей 59,1 тыс. человек и участников – 49,4 тыс. человек.

Следует отметить, что выявление талантливых детей и поддержка детского творчества во многом зависят от наличия возможности заниматься творчеством. Однако, по данным федерального статистического наблюдения, в 2014 году отмечается сокращение числа клубных формирований для детей до 14 лет по сравнению с 2013 годом на 1 219 единиц (0,6 %), как в целом по Российской Федерации (без учета Крымского федерального округа), так и в сельских населенных пунктах – на 1 899 единиц (1,3 %). Число культурно-массовых мероприятий для детей сократилось в 2014 году по сравнению с уровнем 2013 годом в 21 регионе.

По данным федерального статистического наблюдения в 2014 году доступность услуг кинопроката для населения в Российской Федерации снизилась. Так, в 39 регионах уменьшилось число киноустановок (в сумме почти на 650 единиц), в 41 регионе – число кинозалов (в сумме на 402 единицы). Особенно эта тенденция характерна для сельских поселений. Несмотря на увеличение в 2014 году сеансов российских фильмов более чем на 40 тысяч, их посмотрело на 5,4 % меньше зрителей, чем в 2013 году, в то время как посещения зарубежных фильмов увеличились почти на 4 %.

Таким образом, приведенный анализ результатов расходования средств, направленных на реализацию Плана основных мероприятий по проведению в 2014 году в Российской Федерации Года культуры, свидетельствует, что государство в существующих условиях не может достаточно эффективно реализовывать поставленные задачи в силу несовершенства нормативной правовой базы и произошедшей децентрализации системы управления в сфере культурной политики.

Основные выводы главы 2:

1. Основным результатом реализации культурной политики является выработка и внедрение в сознание человека норм социально-культурной адекватности жизни в той или иной социально-культурной группе и допустимых способов осуществления тех или иных практических или символических действий, отражающих социально-культурный опыт данного общества, его исторически сложившиеся организационно-регулятивные формы, межпоколенческое наследование традиционных культурных норм, а также их постепенную изменчивость и обновление. Еще одним результатом реализации культурной политики является закрепление и выражение жизненно важных, наиболее сущностных аспектов конкретной социально-культурной реальности, без которых современное российское общество не может полноценно функционировать.

2. Основным базовым культурным процессом является формирование единого культурного пространства Российской Федерации, разрушенного в результате развала СССР и образования нового независимого государства. В то же время для современного культурного пространства России характерен ряд существенных проблем, мешающих формированию его однородности, в частности:

- неспособность сложившейся системы культуры к удовлетворению актуальных культурных потребностей общества;
- нивелирование традиционных ценностей и норм в связи с наличием разнообразных локальных культур и глобализационными процессами;
- низкий социальный статус традиционных институтов культуры, существенно затрудняющий поиск новых профессиональных кадров;
- неготовность отрасли культуры к функционированию в рыночных условиях;
- отсутствие возможности использования инновационных технологий в традиционных институтах культуры.

3. В качестве базовых субъектов культурной политики в Российской Федерации выделяются государство на федеральном и региональном уровнях, органы местного самоуправления и различные общественные институты, так как именно данные субъекты полностью определяют форму и содержание культурной политики. В то же время, наряду с государством, собственную культурную политику могут формировать и осуществлять любые субъекты культурной жизни, располагающие для этого необходимыми ресурсами.

В связи с активным становлением гражданского общества в Российской Федерации, все большую роль приобретают профильные социально ориентированные некоммерческие организации. Ведь многие из них все чаще выбирают в качестве одной из основных целей собственной деятельности не только удовлетворение образовательных, профессиональных, познавательных и других интеллектуальных потребностей населения, но и повышение средствами просветительской работы уровня духовно-нравственной культуры российских граждан.

В связи с произошедшей административной реформой в Российской Федерации возник новый, самый массовый субъект культурной политики – муниципалитеты (местное самоуправление), которые в силу переходного периода только пытаются занять свое место в культурном пространстве.

4. Изучение специфики правового подхода к осуществлению культурной политики в условиях федеративного государства показывает, что парадигма современной российской культуры включает федеративную культурную политику, имеющую федеральный, региональный и муниципальный уровни. Взаимосвязанные между собой, они имеют существенные особенности. В то же время сегодня наиболее разработанным является федеральный уровень культурной политики, однако государство в существующих условиях не может эффективно реализовывать поставленные задачи в силу несовершенства нормативной правовой базы и произошедшей децентрализации системы управления.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Рассмотрение динамики культурной политики Российской Федерации требует четкого определения подходов к применяемым методологическим стратегиям ее исследования. Необходимо отметить, что, как показали результаты анализа понятия «культурная политика» и действующих моделей культурной политики, приведенного в главе 1 диссертационного исследования, основные проблемы возникают именно в методологическом пространстве. Это связано с тем, что культурная политика как органическая часть социального управления и неотъемлемый элемент государственного строительства – многомерное, универсальное явление, поэтому необходимы самые различные подходы к ее исследованию, содержащие в себе эффективный синтез теоретических и эмпирических методов.

Для решения поставленных задач в п. 3.1 представлено описание общей специфики имеющихся в отечественной и зарубежной практике методологических подходов к исследованию культурной политики. Также обоснована правомерность использования в культурологическом исследовании качественно-количественного метода «контент-анализ» как одного из наиболее эффективных при анализе большого массива релевантных текстов. Для этого разобраны понятие «контент-анализ», методология и формы его проведения.

В п. 3.2 осуществлено научное моделирование трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в различных тематических материалах посредством применения метода «контент-анализ», а также представлен обзор документов, определяющих реализацию государственной культурной политики в Российской Федерации.

Такова логика исследования главы 3 диссертационной работы.

3.1. Методологическая стратегия исследования культурной политики

Исходным пунктом для начала любого исследования является проблемная ситуация, складывающаяся в той или иной сфере реальной жизни. В русле проводимого диссертационного исследования данной сферой выступает культурная политика. В этом случае проблема становится носителем наиболее острого противоречия между какими-либо элементами социально-культурного процесса.

Как уже было отмечено в главе 1 диссертационного исследования, одной из основных проблем по становлению культуры в качестве одного из основных приоритетов развития Российской Федерации является узкое понимание культуры современными политиками, управленцами и значительной частью населения как сферы досуга и развлечений, а не как исторически сложившейся, подчиняющейся объективным закономерностям, саморазвивающейся и саморегулирующейся системы, вырабатывающей нормы, ценности и традиции, являющейся хранителем духовного опыта нации, способом формирования национального самосознания.

Анализ показывает, что основной методологической особенностью исследования культурной политики является то, что на сегодняшний день существует большое количество интерпретаций понятия «культура», а также его производного – «культурная политика». Подробно трактовки данных понятий были рассмотрены в главе 1 диссертационного исследования. Несмотря на эту методологическую особенность, в современной культурологии выделяют следующий спектр исследовательских подходов к изучению культуры:

- «1) функциональный подход – понимание сути культурных явлений исходя из их функционального значения в организации человеческой жизни;
- 2) метод структурного анализа, направленный на выявление архетипичных структур, лежащих в основе социального существования человека;

3) аксиологический подход, ориентированный на выявление идеалов и ценностей, актуальных для определенных культурных сообществ;

4) генетический подход к пониманию культурных явлений, согласно которому культура определяется как внегенетическое наследование человека и изучается с точки зрения влияния культурного наследия, культурной памяти человека на современную деятельность;

5) кросс-культурный метод исследования, предполагающий проведение сравнительного анализа понимания культурных явлений представителями культур разных типов – прежде всего, представителями различных национальных культур;

6) герменевтический методологический подход, ориентированный на понимание культурных явлений посредством интерпретации существующих в культуре текстов; подход, согласно которому в существующих философских, литературных и научных текстах уже содержится полноценное знание о культуре и культурных явлениях, а задачей исследователя является понимание смыслов данных текстов и актуализация этих смыслов для современной культуры, для современного человека;

7) лингвокультурный подход основывается на концептуальных представлениях о том, что в человеческом языке отражается специфика мироотношения человека. В национальном языке воплощается национальный менталитет. Лингвокультурный подход предполагает исследование специфики грамматических структур, синтаксиса и лексики национального языка с целью выявления посредством данного анализа национальной картины мира и мировоззренческих позиций человека, «предопределенных спецификой национального мышления»¹⁶⁰.

Стоит отметить, что функциональный подход к изучению культуры является, на наш взгляд, одним из наиболее значимых. Данная позиция связана, в первую очередь, с тем, что для представителей функционалистской

---

¹⁶⁰ Семенова А.А. Методологические возможности теории культуры для анализа модификаций древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2009. 26 с.

школы каждая отдельно взятая культура выступала в качестве системы институтов, которые наделены соответствующими функциями, и именно на процессах функционирования был сосредоточен их основной исследовательский интерес. Безусловно, если говорить о функциональном подходе, то в качестве основных его представителей следует выделить Бронислава Каспара Малиновского (1884–1942) и Альфреда Реджинальда Рэдклифф-Брауна (1881–1955).

Для Б. Малиновского культура выступает в качестве целостной, согласованной системы, части которой тесно взаимосвязаны друг с другом, а какой-либо отдельный феномен или аспект культуры должен рассматриваться не иначе как с позиции целого, как неотъемлемый компонент системы, в которой свойства каждого отдельного элемента предопределяются целым. В связи с этим Б. Малиновский настаивал на том, что каждый отдельный аспект культуры необходимо рассматривать не просто как составляющую часть единой системы, а как функционирующую часть внутри культурного контекста. Таким образом, главной целью исследований, проводимых Б. Малиновским и его последователями, являлось понимание механизмов культуры и ее функционирования посредством анализа каждой отдельной взятой ее институции.

Так, Б. Малиновский определял институции как «чувственно-явленные формы механизмов культуры, более того, кроме как через институции, эти механизмы и не могут быть явлены, следовательно, ученые, занимающиеся исследованиями в области культуры, должны опорой своей сделать полевые исследования»¹⁶¹. Причем ученый настаивал на том, что научные гипотезы о данных механизмах, которые требуют практической верификации, должно выдвигать само пространство полевого исследования.

Проведя множество полевых исследований, Б. Малиновский регулярно обращался к полученному материалу с целью подтверждения гипотез, которые возникали в процессе обнаружения максимально всеохватного

---

¹⁶¹ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 290 с.

принципа культуры. В результате в качестве предельно общего принципа культуры выступило утверждение, что культура является аппаратом для удовлетворения человеческих потребностей. «Культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей»¹⁶². Следовательно, правомерно утверждать, что концепция культуры Б. Малиновского является концепцией культурного детерминизма.

На основе полученных выводов, исследователь выделил три основных вида человеческих потребностей:

1) основные, то есть биологические потребности, предопределенные метаболизмом, воспроизводством, физиологией, необходимостью защиты от неблагоприятных погодных условий, а также от различных опасностей в виде животных или других людей;

2) производные, то есть потребности в организации, порядке и общественном согласии;

3) интегративные – потребности в духовной деятельности в виде, например, научной деятельности, религии, этики, искусства¹⁶³.

Представленные типы потребностей являются иерархизированными, то есть, прежде всего, человеческая деятельность направлена на удовлетворение основных, или биологических, потребностей, только после этого внимание может быть уделено потребностям производным и, как следствие, интегративным потребностям. Следовательно, если потребности нижестоящего уровня не удовлетворены, то переход на вышестоящий уровень не представляется возможным. Данный вывод Б. Малиновского является крайне важным для понимания динамики культурной политики Российской Федерации в период ее новейшей истории: за 26 лет своего

---

¹⁶² Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2000. С. 142.

¹⁶³ Там же. С. 158.

существования Россия прошла путь от полной деморализации общества и государственной системы управления в силу распада СССР и перехода на рыночные отношения до начала нового этапа роста во всех сферах жизнедеятельности – экономической, политической, социально-культурной и т. д. Следовательно, является абсолютно логичным возникновение новой стадии – обращения государства и общества к вопросам реализации собственной культурной политики именно с 2010-х годов, поскольку можно зафиксировать нахождение российского общества в переходном периоде от удовлетворения производных потребностей к интегративным. В качестве одного из доказательств возникновения данного процесса может выступать активно возобновившаяся дискуссия о роли и месте государства в реализации культурной политики, свободе творцов, наличии цензуры и т. д.

Таким образом, от того, насколько государство и общество сможет четко и адекватно сформулировать на данном этапе цели, задачи и требования к реализуемой культурной политике, будет зависеть дальнейшая судьба Российской Федерации как независимого государства. Иначе говоря, если Российская Федерация не возьмет в ближайшее время ответственность за формирование культурной самоидентификации населения средствами культурной политики и на основе отечественной культуры, то интегративные потребности населения будут окончательно удовлетворены посредством иных культурных систем в результате глобализационных процессов, что, например, приведет еще к большему оттоку человеческого капитала за границу.

Еще одним важным выводом Б. Малиновского является то, что принципу культурного детерминизма подвержен не только человек как единица, но и как общность: «виды деятельности, установки и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало

организованным группам, объединенным экономической кооперацией, политической, правовой и образовательной деятельностью»¹⁶⁴.

Обобщая результаты различных полевых исследований, Б. Малиновский заключает, что способы удовлетворения потребностей могут быть разными, во-первых, в разных культурах и, во-вторых, на разных стадиях их развития, что необходимо учитывать при контактировании различных культур друг с другом. Конкретизируя данное положение, Б. Малиновский заявляет: «Утверждение, что племенные африканцы подчинены своему собственному, особому культурному детерминизму, означает, что, когда мы собираемся внедрять новые гастрономические привычки, новые методы земледелия или же новые статусы и законы, мы неизбежно пытаемся заменить ими те или иные культурные реалии, и если данный процесс протекает вне учета существующих сил, то это может просто-напросто привести к конфликту и дезорганизации»¹⁶⁵.

Культура в процессе удовлетворения человеческих потребностей вырабатывает самостоятельную систему, в которой каждой части предопределено свое место. Причем данная система настолько иерархизирована и гармонична, что стоит удалить один из ее элементов, связь которого с целым не представляется имеющей какое-либо важное значение, как общее функциональное равновесие может быть нарушено и вся система разрушена. Данный принцип получил название универсального функционализма и заключается в том, что любой объект или идея выполняет жизненно важную функцию внутри целого.

Важным для дальнейшего развития функционального подхода к исследованию культуры явилась разработка структурно-функционалистского подхода в антропологии, автором которого явился А.Р. Рэдклифф-Браун. В своих основных работах («Сравнительный метод в социальной антропологии», «Методы этнологии и социальной антропологии»,

---

¹⁶⁴ Малиновский Б. Научная теория культуры. С. 142.

¹⁶⁵ Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 376.

«Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами») ученый разграничивает этнологию и социальную антропологию в качестве самостоятельных наук. При этом в качестве основного параметра для их разделения выступает применяемый этнологами и социальными антропологами метод исследования.

Так, в качестве основного метода для этнологов А.Р. Рэдклифф-Браун выделяет исторический метод, использование которого позволяет исследователю интерпретировать конкретно взятый институт отдельного общества, проследить его становление, установить факторы, повлиявшие на изменения, претерпеваемые рассматриваемым институтом. Иными словами, А.Р. Рэдклифф-Браун говорит о том, что этнологи, используя исторический метод, прослеживают во времени причинную обусловленность отдельно взятого института. «Отдельный элемент или состояние культуры объясняются их происхождением от какого-то другого элемента, который прослеживается до третьего элемента, и так далее до тех пор, пока мы еще что-то можем проследить. Этот метод показывает действительные временные связи между конкретными институтами, событиями или состояниями цивилизации»¹⁶⁶.

В то же время А.Р. Рэдклифф-Браун, обнаружив субъективность исторического метода, обращается к социальной антропологии и ее функциональному методу, в основе которого лежит индукция, и применение данного метода позволяет обнаружить общий закон, частным случаем которого будет отдельно рассматриваемый институт. Для выведения универсальных для общества законов, А.Р. Рэдклифф-Браун предлагает сначала выявить типичные черты культуры некоторого подразделения изучаемой этнической группы, затем – всей группы, после этого осуществить сравнение обобщенного типа культуры изучаемой этнической группы с

---

¹⁶⁶ Рэдклифф-Браун А. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 605.

подобным же образом обобщенными типами культур других этнических групп. В результате сравнения различных типов культур возможно выявить универсальные для человеческого общества в целом принципы и законы.

Необходимо констатировать, что бессмысленность применения в чистом виде исторического метода заключается в отсутствии возможности проследить цепочку детерминант каждого отдельно взятого культурного феномена в силу бесконечного множества этих феноменов, а также бесполезности установленных стадий развития отдельных институтов без связи со стадиями развития иных институтов. Следовательно, именно функциональный метод, позволяющий вывести законы функционирования культуры и общества в целом, призван выполнить целеполагающую функцию в исследованиях, «по-настоящему понять эти последовательные стадии развития можно будет лишь тогда, когда мы определим законы, их породившие»¹⁶⁷.

Для А.Р. Рэдклифф-Брауна большую ценность представляет возможность практического применения результатов научного исследования, в частности, актуальной областью использования социально-антропологических знаний ученый считает научно обоснованное управление группой тех или иных явлений в неевропейских обществах, поскольку «только поняв культуру как функционирующую систему, мы сможем предвидеть результаты любого оказываемого на нее преднамеренного или непреднамеренного влияния. Поэтому, если антропология хочет оказать помощь в решении практических проблем управления и образования, ей необходимо отказаться от попыток угадать историческое прошлое и посвятить себя функциональному исследованию культуры»¹⁶⁸.

Если обратиться к современной научно-публицистической литературе, то в ней культура зачастую рассматривается в этнонациональном аспекте. Следовательно, можно зафиксировать наличие этнологического метода

---

¹⁶⁷ Рэдклифф-Браун А. Методы этнологии и социальной антропологии. С. 608.

¹⁶⁸ Рэдклифф-Браун А. Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 635.

трактовки культуры, в рамках которого в качестве субстрата культуры избирается этнос или этническая общность. В связи с этим становится понятным введение образа этнической культуры как культуры, вбирающей в свое содержание весь исторический опыт определенного этноса: русская, немецкая, американская, китайская, японская культура и другие. При этом основное внимание исследователи обращают на исторически сложившиеся константные признаки культуры того или иного этноса: традиции, обычаи, обряды, ритуалы, архетипы и т. п., что и определяет существование соответствующего этнического менталитета.

Данный подход представляется актуальным как с точки зрения своих объективных оснований (каждый этнос имеет специфическую культуру), так и с точки зрения глобализационных процессов, которые приводят к нивелированию и даже уничтожению национально-этнических культур. Если диалектический принцип единства в многообразии ориентирует на органическое соединение процессов интернационализации и патриотизма, то глобализация направлена на механическое объединение государств и народов и игнорирование их национального своеобразия.

Таким образом, необходимость решения проблемы в целостном описании культуры как единства части и целого, элементов и структуры привела к новому синергетическому методу понимания культуры, который стал активно применяться в трактовке различных природных и социально-культурных объектов начиная с 80-х годов XX века.

Именно культура представляет собой субъективный, личностный аспект исторического развития – сферу творческой самореализации индивида, который своей предметной деятельностью выступает в качестве субъекта культурно-исторического процесса, причем даже тогда, когда данный процесс протекает стихийно. Это значит, что самоорганизация аппарата культурологии является принципом, который определяет направленность творческой деятельности в любой сфере. Так, отказ от линейной трактовки культурно-исторического развития способствовал

обращению к новым методологическим подходам, в рамках которых представляется возможным передать сложность социально-культурных процессов. Следовательно, теория самоорганизации заявила себя в качестве одного из эффективных инструментов анализа культуры как сложной нелинейно развивающейся системы, пребывающей в состоянии неравновесности.

В данном контексте одним из важнейших методологических принципов синергетики, позволяющим исследовать эффективный комплекс методов, способствующих решению задач, связанных с появлением новых свойств из-за внутреннего взаимодействия в системе, является междисциплинарность. Таким образом, синергетика увеличивает спектр возможностей, необходимых для описания вероятностного поведения самых сложных многоуровневых систем, но со строго ограниченным количеством параметров.

Синергетическая картина мира представляет собой совокупность чередований и взаимопереходов хаоса и порядка, организации и дезорганизации, равновесия и неравновесности, необходимости и случайности, динамизма и гомеостаза. Новый взгляд на мир от традиционных на него воззрений отличает включение случайности как важнейшего элемента эволюции систем, одного из фундаментальных начал, то есть включение случайности в структуру эволюции приводит к более глубокому ее пониманию как фактора, придающего черты неповторимости эволюционным процессам.

Наряду с системным подходом синергетический подход к исследованию социально-культурных процессов не воспринимается сегодня как некое чужеродное явление, перенесенное из других областей знаний. «Нельзя не отметить, что поверхностное увлечение терминами и механическое оперирование категориями синергетики приводит к ослаблению и ограничению ее возможностей. Более удачными представляются идеи о возможности применения целой гаммы подходов –

системно-динамического, синергетического, информационного, иерархического подхода»¹⁶⁹.

В то же время возможности применения по отдельности каждого из обозначенных исследовательских подходов имеют существенные ограничения при изучении сложных феноменов, к каковым относится культура. Только синтез их исследовательских потенциалов позволяет получить эффективный комплекс методов, способствующих решению задач, связанных с появлением новых свойств, обусловленных внутренним взаимодействием в системе. Таким образом, синергетика увеличивает спектр возможностей, необходимых для описания вероятностного поведения самых сложных многоуровневых систем, но со строго ограниченным количеством параметров.

Важной стороной методологии, в соответствии с которой должна изучаться динамика государственной культурной политики, является подход, который должен учитывать нелинейность развития культуры. Каждая из подсистем культуры может развиваться по собственному пути, с разной силой оказывая воздействие на состояние системы культуры и метасистемы социального бытия российского общества в целом. Поэтому принципиальное значение для культурной политики имеет понимание разнонаправленности и темповых различий динамических изменений в сфере культуры, выявление механизмов и факторов, влияющих на разные уровни культуры.

Благодаря междисциплинарным возможностям синергетики культура может быть понята в своей противоречивой целостности. Синергетика позволяет не сбрасывать со счетов различные концепции и подходы, примиряет философское осмысление и социально-культурологическое объяснение культуры как феномена в рамках одного исследования, выполняя роль интегративного начала и осуществляя духовную связь между различными гуманитарными науками. Синергетический подход к

---

¹⁶⁹ Рэдклифф-Браун А. Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами. С. 154.

исследованию культуры выступает теоретико-методологическим инструментом преодоления ограничений и противоречивости различных путей ее анализа, без которого не может состояться познание сложных феноменов естественного и искусственного миров.

Таким образом, в современных условиях возможны различные методологические принципы исследования культуры и культурной политики: синергетический, онтологический, цивилизационный, социологический, этнологический, деятельностный, системный, аксиологический и др. Во всех этих случаях множественность подходов определяется реальными объективными качествами культуры. Не субъективный произвол исследователя определяет метод анализа, а объективная многомерность объекта исследования. Возможны и герменевтические, семиотические, социально-психологические и другие подходы к изучению многомерного феномена культуры. В частности, этим обусловлено поливариантное определение самой культуры, которое подробно было рассмотрено в главе 1 диссертационного исследования.

На основании перечисленных выше методов исследования культуры в современной российской культурологии можно выделить два основных подхода к решению научно-исследовательских проблем в области культурной политики, которые, как правило, применяются исследователями по отдельности. Первый заключается в теоретическом осмыслении культуры в качестве специфического феномена бытия человека, а второй – в проведении практических исследований с целью осмысления полученных результатов в контексте их значения для выстраивания логики реализации государством собственной культурной политики. В проводимом диссертационном исследовании предпринята попытка соединить обозначенные подходы с целью наиболее объективного выявления динамики государственной культурной политики Российской Федерации в новейшей истории. Это становится возможным благодаря применению индуктивного

метода: от прикладных культурных исследований к формулировке теоретических обобщений.

Плюрализм методологических подходов к изучению культуры и культурной политики предопределен многозначностью данных объектов исследований и их междисциплинарностью. На основании этого следует выделить следующие типы методов культурных исследований:

1) теоретические, которые ориентированы преимущественно на систематизацию культурных процессов прошлого, то есть на культурное прошлое;

2) прикладные, которые ориентированы, с одной стороны, на систематизацию конкретной информации, с другой – на моделирование конкретных действий по реализации культурной политики. Следовательно, данные методы направлены на изучение культурного наследия (культурного прошлого) и моделирование культурного будущего;

3) синтетические, которые ориентированы на синтез практических и теоретических методов. В данной системе практическая часть исследования посвящена анализу существующей информации, а теоретическая – осмыслению данной информации в контексте современной культурной ситуации. Следовательно, эти методы представляют собой не только синтез теории и практики, но и синтетическое понимание культурных процессов прошлого как культурного настоящего.

В рамках проводимого диссертационного исследования предпринята попытка синтетического анализа культурной политики посредством применения метода контент-анализа. Применение контент-анализа в качестве одного из основных методов исследований в культурологии становится возможным в связи с появлением новой эпистемологии, где процесс познания и результат познания полагаются социально и культурно определенными. Поэтому материалом для контент-анализа выступают не любые тексты, а те, исследование которых позволяет выявить определенные социально-культурные ситуации, процессы, тенденции, сделать их явными,

дает возможность снять «маскировку» и выявить реальное послание, которое содержится в сообщении.

В отечественной и мировой практике проведения гуманитарных исследований применение контент-анализа является одной из наиболее распространенных методик, направленных на понимание смысловых концептов в различных текстах – официальных, философских, художественных, религиозных, публицистических и т. д. Как отмечает И. Дмитриев, контент-анализ начал применяться с 30-х гг. XX в. в США, впервые – в журналистике и литературоведении. Основные процедуры контент-анализа были разработаны американскими социологами Х. Лассуэллом и Б. Берелсоном. Х. Лассуэлл успешно использовал данный метод в конце 1930-х годов для исследований в сфере политики и пропаганды. Кроме того, он модернизировал контент-анализ, ввел новые категории и процедуры¹⁷⁰.

Накопленный опыт контент-аналитических исследований был подытожен в книге Б. Берелсона «Контент-анализ в коммуникационных исследованиях» (начало 50-х гг.). Автором был определен сам метод контент-анализа, а также различные его виды, критерии и единицы для количественного исследования. В целом западноевропейские исследователи в использовании метода контент-анализа опирались в основном на американский опыт. В то же время здесь также появилось несколько оригинальных методик качественно-количественного анализа содержания (Ж. Клейзер, А. Моль).

Необходимо отметить вклад в развитие методики контент-анализа, который внесли отечественные ученые, занимающиеся данной проблематикой: Л.Я. Аверьянов, А.Н. Алексеев, Б.А. Грушин, Т.М. Дридзе, Е.Я. Таршис, Л.Н. Федотова, В.И. Шалак и другие¹⁷¹.

---

¹⁷⁰ Дмитриев И. Контент-анализ: суть, задачи, процедуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyfactor.org/lib/k-a.htm> (дата обращения: 01.04.2009).

¹⁷¹ Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. М.: КНОРУС, 2009. 456 с.; Алексеев А.Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства / Социология культуры. М., 1974. Вып.1. С.131–162.; Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 367 с.; Дридзе Т.М. Текстовая

Развитие метода контент-анализа шло преимущественно в рамках социологических исследований, однако сферы применения контент-анализа многочисленны: политология, культурология, литературоведение, лингвистика, журналистика, психология, история, криминология, маркетинг. Данный факт, безусловно, свидетельствует об эффективности рассматриваемого метода и его универсальности, что является одной из причин применения контент-анализа в проводимом диссертационном исследовании.

Многие исследователи считают, что контент-анализ может эффективно применяться для изучения широкого круга проблем, к которым следует отнести индивидуальное сознание, культурные различия, специфику психического склада тех или иных социальных групп; своеобразие способов мышления определенных социальных слоев и групп населения; особенности научно-прогностического мышления в области социальных отношений; социальные типы личности, характерное и общее в биографиях представителей разных социальных общностей в различные эпохи и периоды, что особенно актуально и для культурной политики.

Популярность контент-анализа подтверждается его систематическим применением в отечественной и зарубежной практике специалистами гуманитарного профиля. Более того, можно констатировать увеличение интереса исследователей к применению данного метода в своих научных изысканиях. Например, в статье Ю.В. Ставропольского «Качественный контент-анализ публикаций об идентичности в российской прессе»¹⁷² представлен результат проведения контент-анализа публикаций об идентичности в ведущих отечественных изданиях, таких как «Известия»,

---

деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 267 с.; Таршис Е.Я. Исторические корни контент-анализа: два базовых текста по методологии контент-анализа. М.: Либроком, 2012. 155 с.; Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М., Институт социологии РАН, 2001. 202 с.; Шалак В.И. Современный контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М.: Омега-Л, 2004. 270 с.

¹⁷² Ставропольский Ю.В. Качественный контент-анализ публикаций об идентичности в российской прессе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7794> (дата обращения: 01.03.2016).

«Независимая газета», «Комсомольская правда». В итоге автор делает вывод, что на проблемном уровне внутри темы «этнокультурная идентичность» можно выявить следующий ряд проблем: наличие у российских граждан различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и не взаимоисключающий характер, а также поразительная способность России к историческому выживанию, включая сохранение своей этнокультурной, этноконфессиональной идентичности.

Еще одним примером применения контент-анализа, представляющим интерес в русле данного диссертационного исследования, является статья С.Р. Фахразеевой «Культурные проекты и символическая политика малых городов Пермского края»¹⁷³, где автор анализирует символическую политику городов Пермского края – победителей программы «Пермский край – территория культуры» посредством контент-анализа концепций культурной политики данных населенных пунктов. Помимо указанных исследований, также следует отметить работы А.Н. Олейника, А.А. Семеновой, Н.А. Трегубова и других¹⁷⁴.

Таким образом, в русле отечественной исследовательской традиции контент-анализ можно определить как количественный анализ массивов информации на различных носителях (текстовые, видео, аудио и другие) с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

Кроме того, особую значимость для выявления специфики применения контент-анализа в гуманитарных исследованиях представляют работы современных зарубежных авторов, как американских, так и европейских, посвященные широкому спектру научных проблем: влияние социальных сетей на современное общество, развитие досуга и туризма, влияние

---

¹⁷³ Фахразеева С.Р. Культурные проекты и символическая политика малых городов Пермского края // Вестник Пермского государственного университета. № 1 (13), 2011. С. 48–54.

¹⁷⁴ Олейник А.Н. Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // Социс. 2009. № 2.; Семенова А.А. Методологические возможности теории культуры для анализа модификаций древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2009. 26 с.; Трегубов Н.А. Артикуляция представлений о политической модернизации в риторике В.В. Путина и Д.А. Медведева: попытка сравнительного контент-анализа // Вестник Пермского государственного университета. № 3 (11), 2010. С. 69–81.

культурных практик на развитие городских пространств, гендерные различия и, конечно же, исследование имеющихся социально-культурных проблем в обществе¹⁷⁵.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что применение метода контент-анализа в современных гуманитарных исследованиях имеет серьезную проработанность, что подтверждает его систематическое применение при анализе самого широкого спектра политических и социально-культурных процессов и явлений.

Если обратиться непосредственно к понятию «контент-анализ», то наиболее общее определение можно обнаружить в «Социологическом энциклопедическом словаре»: «Контент-анализ (от англ. *contents* – содержание, содержимое):

- 1) метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления имеющихся тенденций развития социальных факторов;
- 2) формализованный метод исследования содержания социальной информации посредством выявления устойчиво повторяющихся смысловых единиц текста (названий, понятий, имен, суждений и т. д.)»¹⁷⁶.

При применении контент-анализа используется ряд ключевых понятий, а предмет исследования задается выбором категорий, которые представляют собой наиболее общие понятия и подкатегории, для которых исследователем задаются определенные классификационные признаки.

Категории находят адекватное выражение в языке исследуемых документов – единицах анализа («единицах наблюдения»), которые

---

¹⁷⁵ Akintayo T., Hämmäläinen J., Rissanen, S. Multiculturalism in social agencies for the aged // SpringerPlus. V. 3, Issue 1, 2014. p. 1–9; Das M., Chatterjee B. Ecotourism: A panacea or a predicament? // Tourism Management Perspectives. V. 14, April, 2015. p. 3–16; Elrick J., Farah Schwartzman L. From statistical category to social category: organized politics and official categorizations of ‘persons with a migration background’ in Germany // Ethnic and Racial Studies. V. 38, Issue 9, 15 July 2015. p. 1539–1556; Cavazos-Rehg P.A., Krauss M.J., Sowles S., Connolly S., Rosas C., Bharadwaj M., Bierut L.J. A content analysis of depression-related tweets // Computers in Human Behavior. V. 54, 1 November 2016. p. 351–357; Myrick J.G., Holton A.E., Himelboim I., Love B. Stupidcancer: Exploring a Typology of Social Support and the Role of Emotional Expression in a Social Media Community // Health Communication. V. 31, Issue 5, 3 May 2016. p. 596–605; Savelsberg J.J., Brehm H.N. Representing human rights violations in darfur: Global justice, national distinctions // American Journal of Sociology. V. 121, Issue 2, September 2015. p. 564–603; Tartaglia S., Rollero C. Gender Stereotyping in Newspaper Advertisements: A Cross-Cultural Study // Journal of Cross-Cultural Psychology. V. 46, Issue 8, 12 September 2015. p. 1103–1109.

¹⁷⁶ Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 139.

соответственно делению категорий делятся на классификационные единицы разного уровня.

По мнению Л.Я. Аверьянова, «контент-анализ не занимается собственно смыслом, а исключительно частотным распределением смысловых единиц в тексте, или по-другому – анализом статических закономерностей частотного распределения смысловых единиц в тексте. И не более того. В свою очередь, закономерности частотного распределения смысловых единиц в тексте нередко позволяют понять закономерности именно смыслового определения объекта»¹⁷⁷.

В целом в современной гуманитарной науке контент-анализ понимается как наиболее строгий научный метод работы с информацией. В то же время необходимым условием применения данной методики анализа содержания информации является наличие материального носителя информации. Следовательно, с целью применения контент-анализа в контексте концептуального исследования динамики государственной культурной политики необходимо обнаружить такой текст или совокупность текстов, для которых слово – имя концепта – является ключевым (анализ количества), и проанализировать специфику понимания концепта в выбранном для анализа тексте (анализ качества).

Аверьянов Л.Я. определяют несколько фундаментальных принципов, без учета которых проведение контент-анализа становится невозможным:

- анализировать можно только то, что зафиксировано. То, что не зафиксировано, не существует;
- имеются только два способа фиксации информации: сознание человека, точнее его память, и любые материальные физические носители;
- анализировать массивы информации можно только двумя способами: аналитическим и статистическим;
- статистический метод исследования имеет два варианта: интуитивный и формализованный;

---

¹⁷⁷ Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. М.: КНОРУС, 2009. С. 26.

– формализованный метод имеет две формы: линейное и двумерное частотное распределение¹⁷⁸.

По мнению еще одного исследователя методологии проведения контент-анализа Л.Н. Федотовой, существуют следующие основные условия, которые необходимы при применении данного метода:

«1) при интересе исследователя к тем или иным характеристикам текстов эти характеристики должны фиксироваться во всех избранных для исследования материалах, чем достигается объективность анализа. Объективность же дополняется тем, что эти характеристики определяются программой столь ясно и однозначно, что к одинаковому результату приходят два исследователя, работающие по одной методике с одним и тем же массивом текстов;

2) как и при получении любого научного знания, нужна систематичность анализа объекта исследования; выбор сообщений для анализа должен основываться на формальных, обусловленных, беспристрастных признаках, другими словами, исследователь не может выбрать для анализа только те части текста, которые подтверждают его гипотезу и отвергают другие;

3) для распространения выводов, полученных на основании анализа ряда материалов, на всю реальную деятельность источника этих материалов, этот ряд должен отвечать требованиям репрезентативности – он должен быть характерен для всей реальной деятельности источника;

4) в этот ряд характеристик входит и само понятие количественного анализа: подсчету в тексте поддается частотность употребления тех или иных элементов этого текста, случайность этих употреблений, могут быть выведены корреляционные коэффициенты, а также процентные и удельные соотношения весов различных характеристик текста»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁸ Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. С. 6.

¹⁷⁹ Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М., Институт социологии РАН, 2001. С. 16–17.

Таким образом, контент-анализ представляется подходящим именно для концептуальных исследований, так как позволяет получить информацию о конкретной единице текста, в частности, о конкретном слове, которое чаще всего выступает как имя концепта в том или ином национальном языке.

В связи с этим применение контент-анализа позволяет решить следующие основные задачи:

- выявить и оценить характеристики текста в качестве признаков отдельных сторон исследуемого объекта;
- выяснить причины или условия, повлиявшие на соответствующие особенности текстового сообщения;
- оценить эффект воздействия сообщения на аудиторию, установить адресные точки такого воздействия;
- понять суть концепта, овеществленную не только в имени концепта, но и в типичных ситуациях употребления этого имени.

Результатом контент-анализа является моделирование целостного представления о концепте, полученного в результате анализа частоты, ситуаций употребления и интерпретации данных о концепте в принятом для исследования тексте.

В то же время, несмотря на строгость самого метода анализа информационных массивов, существуют различные методологические подходы проведения контент-анализа, что связано с непрерывным совершенствованием данного метода и внедрением специализированного программного обеспечения.

Например, в статье «Traditional, Interpretive, and Reception Based Content Analyses: Improving the Ability of Content Analyses to Address Issues of Pragmatic and Theoretical Concern» А. Ахувий предлагает изменить классический взгляд на контент-анализ и приводит два варианта модернизации данной методологии¹⁸⁰. Он предлагает рассматривать термин

---

¹⁸⁰ Цит. по: Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 19–20.

контент-анализ не в традиционном смысле, как объективный, систематичный и количественный метод изучения содержания текстов, а как более широкое понятие, как методологию, с помощью которой текст кодируется по категориям, а затем подсчитывается частота появления каждой категории.

Это определение позволяет предположить, что контент-анализ хотя и имеет количественный характер, но оставляет поле для дискуссии в отношении «объективности» и систематизации. Автор указанной выше статьи считает, что если раньше этот метод использовался как метод количественного определения содержания текста, то теперь можно пойти дальше и использовать его как метод подсчёта интерпретаций. На этой основе предлагаются две новых разновидности контент-анализа:

1) *reception based content analyses* (контент-анализ, основанный на ментальном восприятии, или рецептивный), позволяющая исследователю просчитать то, как разная аудитория поймёт текст;

2) *interpretive content analyses* (интерпретативный контент-анализ), созданный для скрытого анализа содержания, в котором исследователь идет дальше определения количества прямых значащих элементов текста.

Исходя из вышесказанного, можно обозначить следующие этапы контент-анализа, которые подробно раскрывает И. Дмитриев в статье «Контент-анализ: суть, задачи, процедуры»:

«1. Выявление смысловых единиц контент-анализа:

- а) понятия, выраженные в отдельных терминах;
- б) темы, выраженные в целых смысловых абзацах, частях текстов, статьях, радиопередачах и т. п.;
- в) имена, фамилии людей;
- г) события, факты и т. п.;
- д) смысл апелляций к потенциальному адресату.

Единицы контент-анализа выделяются в зависимости от содержания, целей, задач и гипотез конкретного исследования. В их качестве могут выступить слова или темы. Единицы контент-анализа должны быть

исчерпывающими (охватывать все части содержания, определяемые задачами данного исследования), взаимоисключающими (одни и те же части не должны принадлежать различным категориям) и уместными (соответствовать поставленной задаче и исследуемому содержанию). При выборе единиц для контент-анализа следует избегать крайностей: выбора слишком многочисленных и дробных категорий, почти повторяющих текст, и выбора слишком крупных категорий, так как это может привести к упрощенному и поверхностному анализу.

2. Выделение единиц счета, которые могут совпадать либо не совпадать с единицами анализа.

3. Процедура подсчета в общем виде сходна со стандартными приемами классификации по выделенным группировкам. Составляются специальные таблицы, используются компьютерные программы, специальные формулы, статистические расчеты понятности и аттрактивности текста»¹⁸¹.

Харченко К.В. в статье «Материальная сторона жизни в зеркале субъективных смыслов: опыт контент-анализа» выделяет еще один крайне важный этап – «интерпретация полученных результатов в соответствии с целями и задачами конкретного исследования. Обычно на этом этапе выявляются и оцениваются такие характеристики текстового материала, которые позволяют делать заключения о том, что хотел подчеркнуть или скрыть его автор. Возможно выявление процента распространенности в обществе субъективных смыслов объекта или явления»¹⁸².

Существуют и другие подходы к определению этапов проведения контент-анализа. Так, в труде «Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения» исследователи Семёнова А.В. и Корсунская М.В. выделяют следующие основные этапы:

---

¹⁸¹ Дмитриев И. Контент-анализ: суть, задачи, процедуры [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/k-a.htm> (дата обращения: 01.03.2016).

¹⁸² Харченко К.В. Материальная сторона жизни в зеркале субъективных смыслов: опыт контент-анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 1 (28). С. 129–148.

1) открытое кодирование, в рамках которого исследователь как бы маркирует все темы, имеющиеся в тексте, как категории, находящиеся на очень низком уровне абстракции. Они вытекают из общих исследовательских вопросов и первого погружения в текст. После первичного кодирования исследователь составляет общий список выявленных тем, что служит ориентацией и стимулом к дальнейшей конкретизации;

2) осевое кодирование, где исследователь начинает с организации набора первичных кодов, или предварительных концепций, концентрируясь на самих кодах и их возможном уточнении применительно к определенному контексту. Основная задача состоит в обзоре и проверке первичных кодов, организации идей, для определения оси ключевых концепций в анализе. Устанавливается логическое отношение между центральной темой исследования и ее подтверждениями, разбросанными по разным отрывкам первичного текста. Исследователь проясняет причины и последствия событий, условия и виды взаимодействия, стратегии и процессы;

3) выборочное кодирование, когда отыскиваются подтемы или эпизоды, которые наиболее ярко иллюстрируют основную тему, одновременно осуществляется сравнение или противопоставление разных отрывков текста. Выделяется основное направление и отдельные подтемы будущего анализа¹⁸³.

Разработчики системы «ВААЛ», позволяющей осуществлять контент-анализ информационных источников с помощью специализированного программного продукта, выделяют следующие его основные этапы:

«1) выделение действующих лиц и оценка их деятельности в рамках темы. Возможны следующие варианты определения действующих лиц: по критерию «Центр внимания» с категориями «Я»-«Ты-Вы»-«Он-Она-Оно» и оценочная категория «Свой-Чужой». Т. е. действующим лицом текста может являться «Я» (автора или того, от лица которого ведется текст), «Ты-Вы» (чаще тексты, имеющие целью мотивировать адресата сообщения на какие-

---

¹⁸³ Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. С. 11–12.

либо действия или дающие оценку таким действия) и «Он-Она-Оно» (чаще описательные тексты о деятельности третьих лиц по отношению к автору и адресату);

2) определение выраженности «потребности» в тексте и связи категории с темой текста и действующими лицами. При этом следует различать «внутреннюю» и «внешнюю» потребность, то есть формулирование побуждений как принадлежность непосредственно действующим лицам (собственно «хотеть») или побуждения как результат чужих желаний или обязательств перед другими лицами («долг»);

3) определение структуры «валентности» и её связи с темой исследования. При выраженной связи с «положительной» валентностью тема текста считается реализуемой (достижимой), при выраженной «отрицательной» валентности можно говорить о фрустрирующем значении темы для действующих лиц;

4) определение структуры мотивов и инструментальной деятельности, связанной с темой. В структуре мотивов выделяются физиологические мотивы, мотивы достижения, власти и аффиляции, а инструментальная деятельность подразделяется на группу «физических действий», включающая «манипуляцию», «движение» и «перемещение»¹⁸⁴.

В то же время подавляющее большинство контент-аналитических исследований осуществляются в рамках модели: от следствия (текста сообщения) к причине (коммуникатору). В результате подобных исследований может быть получено определенное знание о коммуникаторе (его ценностях, мотивах, о социальных отношениях, которые он отражает, и т. д.). Однако при анализе текста сообщения можно ставить и другую задачу – выявление характеристик реципиента (либо прогнозирование реакций аудитории на определенное сообщение).

---

¹⁸⁴ Официальный сайт проекта «Vaal» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vaal.ru> (дата обращения: 01.01.2016).

Текст в контент-анализе рассматривается как текстовый аналог действительности. Содержание текста определяется как совокупность имеющихся в нем сведений, оценок и идей, сформулированных согласно законам отражения действительности. Кроме того, текст в ходе анализа воспринимается в качестве объективированного отражения намерений субъектов, взаимодействующих друг с другом. Квантификация и последующий количественный анализ позволяют исследователю с той или иной долей уверенности судить о поведении, политике, намерениях участников коммуникации.

Таким образом, если систематизировать все существующие методики оперирования с текстом, то их можно разделить на две основные группы, обозначенные в работе Л.Н. Федотовой:

«1) группа, в которой единицей анализа является признак материала, характеризующий его в целом: это может быть оперативность – фиксация (или нефиксация) временной вехи события, которое выступает событийным поводом появления материала в потоке информации.

В таких случаях признак должен описываться конечным числом случаев или, иначе говоря, исследователь должен предусмотреть все возможные модификации признака, чтобы каждый материал был зачислен к той или иной модификации.

В совокупности все анализируемые материалы распадаются на столько групп, сколько модификаций признака предусмотрел исследователь. Подсчет количества материалов в каждой группе, принадлежащей одной модификации, происходит двумя способами:

– подсчитывается само количество данных материалов, выражаемое натуральным рядом чисел (от одного до №...);

– подсчитывается сумма площадей (в СМИ) или эфирного времени (на радио и телевидении) материалов, приходящихся на каждую группу.

2) группа, где единицей анализа выступает отдельный фрагмент текста: слово, персонаж, суждение, абзац или не твердо фиксируемый отрезок

текста, совпадающий с определенной темой. Во всех случаях речь идет о достаточно ограниченном наборе слов, персонажей, суждений, который интересует исследователя. Их появление в тексте фиксируется уже значительно большим числом способов:

– возможность подсчета количества упоминаемых в тексте слов, персонажей, суждений, тем и т.п. сводится к таким вариантам:

– подсчитывается сумма площадей (в СМИ) или эфирного времени (на радио и телевидении) отрезков текста, содержащих нужное слово»¹⁸⁵.

Контент-анализ применяется по отношению к документам, содержащим в себе достаточное количество материала для анализа (множество однородных документов или один документ значительного объема) и дающим возможность формализации их содержания. Документ как объект контент-аналитического исследования понимается достаточно широко: это может быть официальная и личная документация, в том числе письма, автобиографии, дневники, воспоминания; радио и телеэфиры; материалы групповой и массовой коммуникации (записи разговоров, дискуссий, совещаний, различные объявления) и другие.

Таким образом, применение метода «контент-анализ» с целью изучения трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в тематических материалах представляется обоснованным и целесообразным и отвечает цели и задачам диссертационного исследования.

---

¹⁸⁵ Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М., Институт социологии РАН, 2001. С. 93–94.

3.2. Трансформация представлений о роли культурной политики в общественном развитии в тематических материалах: сравнительный контент-анализ

Согласно гипотезе исследования начиная с 2010-х годов можно зафиксировать начало этапа становления культурной политики в качестве самостоятельного межотраслевого вида государственной политики, реализация которой позволит в краткосрочной перспективе сохранить российский социум и, как следствие, государство в целом, а в долгосрочной перспективе обеспечить положение Российской Федерации на мировой геополитической арене в качестве самостоятельной евразийской цивилизации, занимающей пограничное положение между культурами Запада и Востока. Осознание данного факта повлечет за собой увеличение влияния государства на проходящие культурные процессы в краткосрочной и долгосрочной перспективах и, возможно, предопределит попытки новой централизации системы управления отраслью «культура». Данные процессы, в свою очередь, окажут существенное влияние на формирование нового этапа противостояния между творцами и менеджерами культуры, заключающегося в отстаивании самостоятельности художественных процессов с позиции одних и необходимости влияния на данные процессы со стороны различных общественных групп и институтов с позиции других.

С целью научного обоснования данной гипотезы представляется целесообразным проведение сравнительного контент-анализа трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в тематических информационных материалах, изданных в период с 1992 по 2017 годы включительно.

Цель сравнительного контент-анализа – изучение трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в тематических информационных источниках. Достижение данной цели позволит прогнозировать состояние российского общества и его отдельных

социально-культурных групп как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективах. Во многом это связано с тем, что стратегическое планирование будущего Российской Федерации как независимого государства связано с эволюционным путем его развития во всех сферах: культурной, политической экономической и других.

Задачи исследования:

- 1) выявить и оценить характеристики информационных источников в качестве признаков отдельных сторон культурной политики;
- 2) выяснить причины, повлиявшие на соответствующие особенности текстового сообщения;
- 3) определить суть единиц анализа (концептов), овеществленных не только в имени концептов, но и в типичных ситуациях употребления данного имени;
- 4) реконструировать на основе информационных источников картину мира авторов посредством выделения и описания тем, значимых характеристик их интерпретации.

Результатом сравнительного контент-анализа является моделирование комплексного представления о роли культурной политики в общественном развитии.

Методика исследования: сравнительный контент-анализ проводится в соответствии со второй группой методик оперирования с текстом, подробно рассмотренных в п. 3.1 диссертационного исследования. В соответствии с данной методикой единицей анализа выступает отдельный фрагмент текста – слово или сочетание слов.

Ранее уже отмечалось, что современная практика применения контент-анализа включает в себя использование специализированного программного обеспечения – в проводимом диссертационном исследовании используется психолингвистическая экспертная система «ВААЛ», которая была разработана в 1992 году и по сей день совершенствуется. Выбор данной системы обусловлен, в первую очередь, ее активным использованием в

отечественной практике при проведении контент-аналитических исследований, а также ее широкими функциональными возможностями.

Данная система позволяет «прогнозировать эффект неосознаваемого воздействия текстов на массовую аудиторию, анализировать тексты с точки зрения такого воздействия, составлять тексты с заданным вектором воздействия, выявлять личностно-психологические качества авторов текста, проводить углубленный контент-анализ текстов и осуществлять иные операции»¹⁸⁶, в частности:

- оценку неосознанного эмоционального воздействия на подсознание человека фонетической структуры текста и отдельных слов;
- генерацию слов с заданными заранее фоносемантическими характеристиками;
- оценку эмоционального воздействия фонетической структуры текста на подсознание человека;
- определение характеристик желаемого воздействия и целенаправленную корректировку текста по выбранным параметрам в целях достижения необходимого эффекта воздействия;
- оценку звуко-цветовых характеристик слов и текста;
- словарный анализ текста;
- контент-анализ текста по необходимым категориям;
- эмоциональный и лексический анализ текста;
- вторичный анализ данных путем их визуализации, факторного и корреляционного анализа.

Таким образом, использование психолингвистической экспертной системы «ВААЛ» отвечает цели и задачам диссертационного исследования и позволяет наиболее полно осуществить сравнительный контент-анализ трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в релевантных информационных источниках.

---

¹⁸⁶ Официальный сайт проекта «Vaal» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vaal.ru> (дата обращения: 01.08.2016).

Концепты (единицы анализа): концептом, на основании которого выстраивается сравнительный контент-анализ, является понятие «культура», его производные, а также все те смысловые выражения, которые их окружают.

Критерии оценки: для объективного проведения сравнительного контент-анализа исследуемые информационные источники проанализированы с помощью психолингвистической экспертной системы «ВААЛ» по следующим основным группам критериев:

1) статистический словарный анализ текста, включающий в себя информацию о количестве слов и лексем; лексическом разнообразии; грамматической сложности текста;

2) выявление наиболее распространенных вариантов использования понятия «культура» и его производных в порядке убывания;

3) эмоциональная и лексическая оценка текстов, включающая в себя выделение наиболее значимых в российской культуре категорий (доброжелательность, интеллект, экстраверсия, самоконтроль, независимость, агрессивность, практичность, правдивость, доминантность, демонстративность, деятельность, скрытность, эгоизм, утонченность, необычность – с объемом употребления более 10 пунктов), а также количество эмоционально окрашенных слов и их процент от текста;

4) выделение основных понятий (с количеством употреблений более 20 единиц) и всех доминирующих тем, определяющих концептуально-содержательную нагрузку текстов.

Эмпирический материал исследования: в качестве эмпирического материала выступают следующие типы информационных источников за период с 1991 по 2017 год включительно:

– нормативные правовые акты, регулирующие сферу государственной и муниципальной культурной политики;

– программы, концепции, стратегии, планы и иные официальные документы, направленные на развитие культурной политики, как на федеральном, так на региональном и муниципальном уровнях;

– положения о Министерстве культуры Российской Федерации и региональных органах исполнительной власти в сфере культуры.

Подробный перечень используемых материалов приведен в приложении к диссертационному исследованию.

Таким образом, выбранные типы информационных источников являются значимыми материалами, определяющими культурную политику Российской Федерации и нормы поведения социума в данной сфере социально-экономических отношений. Кроме того, данные материалы обладают рядом специальных характеристик, важных для проведения сравнительного контент-анализа:

1) анализируемые материалы выверены со всех точек зрения, над их созданием работало множество профессионалов из различных областей. Следовательно, можно предположить, что в данных материалах отсутствуют случайные спонтанные и смыслы, которые не отражают некой заранее известной ситуации или содержания;

2) анализируемые тексты, в первую очередь нормативные правовые акты, – выверенная смысловая структура, в которой каждый из элементов имеет содержательное и логическое обоснование. При этом данные тексты охватывают обширное смысловое поле, обладая при этом еще и вторым и третьим смысловыми рядами, которые можно выявить только посредством использования специальных методов исследования, в частности, с помощью сравнительного контент-анализа;

3) анализируемые тексты отражают основную идею, содержание того, что хотели донести до граждан органы государственной и муниципальной власти, ответственные за их разработку.

Понимание того, какие принципы собственного функционирования и механизмы использует государственная и муниципальная власть при

реализации культурной политики, какой смысл закладывает в публикуемые документы, в конечном итоге будет определять как содержание деятельности всего общества, так и его отдельных слоев и групп не только в ближайшем будущем, но и в долгосрочной перспективе.

Таким образом, можно предположить, что выбранные тематические информационные источники достаточно полно отражают не только современную государственную политику в сфере культуры на территории Российской Федерации, а также ее динамику, но и определенную рефлексию со стороны общества и общественных институтов над результатами ее реализации.

Ограниченность использованных тематических информационных источников временным промежутком с 1991 по 2017 год обусловлена тем, что целью диссертационного исследования в целом является изучение динамики государственной культурной политики Российской Федерации в новейшем периоде ее истории. Следовательно, отчет начала данного периода следует вести не только с момента развала СССР и преобразования РСФСР в Российскую Федерацию в 1991 году, когда Россия стала, по сути, независимым государством, но и с момента принятия высшего нормативного правового акта Российской Федерации – Конституции (12 декабря 1993 года), которая и определяет основные положения культурной политики государства начиная с 1993 года и по сегодняшний день. Данные положения, раскрывающие специфику правового подхода к осуществлению государственной культурной политики в условиях федеративного государства, были подробно рассмотрены в п. 2.3 главы 2 диссертационного исследования.

Для поиска эмпирических материалов исследования активно использовались официальные сайты федеральных и региональных органов исполнительной и законодательной власти, справочная правовая система «КонсультантПлюс», информационно-правовой портал «Гарант», справочная система «Культура» и другие источники.

Сравнительный контент-анализ трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в релевантных информационных источниках. На сегодняшний день в качестве основного нормативного правового документа, определяющего развитие государственной культурной политики на территории страны, помимо Конституции Российской Федерации, положения которой в части культуры были подробно рассмотрены в главе 2 диссертационной работы, выступает Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (далее – Закон о культуре РФ).

В связи с тем, что данный документ был принят практически четверть века назад, необходимо отметить следующее: несмотря на многочисленные редакции, последние положения которых вступили в силу в 2016 году, данный закон является морально устаревшим и требует детальной переработки, а точнее – принятия новой редакции, отвечающей цели и задачам Основ культурной политики. Во многом это связано с тем, что, учитывая исторические события, во время которых велась разработка и принятие Закона о культуре РФ, основные его концептуальные положения были направлены на сохранение и консервацию материального и нематериального культурного наследия страны, а также существующих практик социально-культурной деятельности и количественного подхода к системе оценки ее эффективности.

Таким образом, действующая редакция Закона о культуре РФ существенно затрудняет модернизацию культурных процессов в соответствии с современными требованиями, что неоднократно отмечалось многими специалистами в области государственной культурной политики. Тем не менее необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: культурные блага; культурные ценности; творческая деятельность; творческий работник; культурное наследие народов

Российской Федерации; культурная деятельность; культурное достояние народов Российской Федерации; культурные аспекты программ развития; государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития); достоинство культур народов и национальных групп. Всего 10 понятий.

Словарный анализ текста Закона о культуре РФ:

- число слов в тексте: 7009;
- число лексем в тексте: 1136;
- лексическое разнообразие: 0,16;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (220 ед.), культурный (126 ед.), культурно-национальный (19 ед.), культурная (11 ед.), культурно-исторический (2 ед.), культурное (2 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 380, то есть 5,4 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре РФ, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (37,6 пункта), самоконтроль (25,3 пункта) и независимость (16,7 пункта), что вполне соответствует назначению данного документа как нормативного правового акта. Всего число эмоционально окрашенных слов – 1009, что составляет 14,4 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре РФ, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культура (220 ед.), Российская Федерация (167 ед.), организация (146 ед.), орган (79 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: организация библиотечных фондов; государственная власть; исполнительный орган субъекта; оценка качества оказания услуг; организации и учреждения культуры; культурно-национальный центр; орган

местного самоуправления; муниципальные учреждения; независимая оценка проведения; территория субъекта; оказание организацией услуг.

Для более объективного выявления роли культурной политики в общественном развитии, помимо федерального Закона о культуре РФ, сравнительному контент-анализу подвергнут ряд отраслевых законов в сфере культуры различных типов субъектов Российской Федерации (край, область, национальная республика, город федерального значения). Всего для анализа выбрано 10 законов о культуре следующих субъектов Федерации: Кемеровская, Новосибирская, Московская, Сахалинская области; город федерального значения Санкт-Петербург; Республики Татарстан, Саха (Якутия), Тыва, Чеченская Республика; Красноярский край.

Выбор для анализа обозначенных нормативных правовых актов обусловлен не только представленностью всех типов субъектов Российской Федерации, но и географическим охватом страны (Дальний Восток, Сибирь, Центральная часть России, Северный Кавказ) и культурными особенностями (наличие коренных малочисленных народов, сеть учреждений культуры, многонациональность, культурное разнообразие и другие).

Закон Кемеровской области от 14.02.2005 № 26-ОЗ «О культуре» (далее – Закон о культуре Кемеровской области) регулирует правовые отношения, возникающие в связи с осуществлением культурной деятельности на территории Кемеровской области. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: культурная деятельность; организации культуры; художественные народные промыслы. Всего 3 понятия.

Словарный анализ текста Закона о культуре Кемеровской области:

- число слов в тексте: 1869;
- число лексем в тексте: 555;
- лексическое разнообразие: 0,3;
- грамматическая сложность текста: 0,22.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (61 ед.), культурный (32 ед.), культурная (2 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 96, то есть 5,1 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Кемеровской области, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (40,6 пункта), самоконтроль (26,7 пункта), утонченность (15 пунктов), независимость (12,7 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 243, что составляет 13 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Кемеровской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (41 ед.), сфера (14 ед.), поддержка (12 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: Кемеровская область, достояние Кемеровской области, областной бюджет.

Закон Новосибирской области от 07.07.2007 № 124-ОЗ «О культуре в Новосибирской области» (далее – Закон о культуре Новосибирской области) определяет основные принципы государственной политики Новосибирской области в сфере культуры, полномочия органов государственной власти Новосибирской области и основные направления культурной деятельности на территории Новосибирской области. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: организация культуры; государственное учреждение культуры; работник культуры. Всего 3 понятия.

Словарный анализ текста Закона о культуре Новосибирской области:

- число слов в тексте: 3119;
- число лексем в тексте: 531;
- лексическое разнообразие: 0,17;
- грамматическая сложность текста: 0,23.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (99 ед.), культурный (20 ед.), культурная (2 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 121, то есть 3,8 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Новосибирской области, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (36 пунктов), самоконтроль (29,1 пункта), независимость (18,4 пункта), утонченность (11,8 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 417, что составляет 12 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Новосибирской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (118 ед.), закон (95 ед.), поддержка (44 ед.), сфера (36 ед.), учреждение (33 ед.), народный (19 ед.), музей (15 ед.), полномочие (14 ед.), промысел (14 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: Новосибирская область; поддержка учреждений; областные полномочия; финансовая поддержка; государственная поддержка.

Закон Московской области от 22.07.2013 №81/2013-ОЗ «О государственной политике в сфере культуры в Московской области» (далее – Закон о культуре Московской области) определяет основы политики в сфере культуры в Московской области. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: политика в сфере культуры в Московской области; программы развития сферы культуры в Московской области; проект в сфере культуры, имеющий общественно значимый результат; субъекты культурной деятельности; инфраструктура сферы культуры. Всего 6 понятий.

Словарный анализ текста Закона о культуре Московской области:

– число слов в тексте: 1074;

- число лексем в тексте: 305;
- лексическое разнообразие: 0,28;
- грамматическая сложность текста: 0,21.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (66 ед.), культурный (12 ед.), культурно-исторический (2 ед.), культовый (1 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 82, то есть 7,6 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Московской области, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (48,4 пункта), самоконтроль (24,6 пункта), утонченность (17,7 пункта), независимость (13,2 пункта), необычность (10,8 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 187, что составляет 17,4 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Московской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (70 ед.), культура (66 ед.), сфера (54 ед.), развитие (25 ед.), поддержка (12 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: сфера культуры; Московская область; поддержка социального; механизм частно-государственного партнерства.

Правовое регулирование отношений в сфере культуры в Сахалинской области регламентируется Законом Сахалинской области от 16.10.2000 № 222 «О культуре» (далее – Закон о культуре Сахалинской области). Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: культурные ценности; культурное достояние Сахалинской области; культурная политика Сахалинской области. Всего 3 понятия.

- Словарный анализ текста Закона о культуре Сахалинской области:
- число слов в тексте: 3070;

- число лексем в тексте: 617;
- лексическое разнообразие: 0,20;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (114 ед.), культурный (57 ед.), культурная (7 ед.), культурно-национальный (2 ед.), культурно-досуговой (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 181, то есть 5,8 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закон о культуре Сахалинской области, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (41,1 пункта), самоконтроль (29,6 пункта), утонченность (16,5 пункта), независимость (14,9 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 413, что составляет 13,4 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Сахалинской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (150 ед.), культура (113 ед.), закон (71 ед.), сфера (47 ед.), учреждение (28 ед.), музейный (22 ед.), фонд (15 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: учреждения культуры; Сахалинская область; музейный фонд; областные средства; образовательные учреждения; областной бюджет; муниципальные учреждения.

Закон Санкт-Петербурга от 15.12.2010 № 739-2 «О политике в сфере культуры в Санкт-Петербурге» (далее – Закон о культуре Санкт-Петербурга) определяет основы политики в сфере культуры в Санкт-Петербурге, а также разграничение полномочий органов государственной власти в сфере культуры в Санкт-Петербурге. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: политика в сфере культуры в Санкт-

Петербурге; концепция развития сферы культуры в Санкт-Петербурге; программы развития сферы культуры в Санкт-Петербурге; субъекты культурной деятельности; инфраструктура сферы культуры. Всего 5 понятий.

Словарный анализ текста Закона о культуре Санкт-Петербурга:

- число слов в тексте: 1705;
- число лексем в тексте: 403;
- лексическое разнообразие: 0,24;
- грамматическая сложность текста: 0,18.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (103 ед.), культурный (13 ед.), культурно-исторический (6 ед.), культурное (1 ед.), культовый (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 124, то есть 7,2 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Санкт-Петербурга, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (47,2 пункта), самоконтроль (26,3 пункта), утонченность (16,4 пункта), независимость (14,8 пункта), деятельность (11,3 пункта), необычность (10,4 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 290, что составляет 17 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Санкт-Петербурга, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культура (103 ед.), сфера (89 ед.), развитие (32 ед.), политика (27 ед.), поддержка (14 ед.), реализация (11 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: сфера культуры; развитие социально-экономической сферы; государственная социальная поддержка; жители Санкт-Петербурга.

Закон Республики Татарстан от 03.07.1998 № 1705 «О культуре» (далее – Закон о культуре Татарстана) определяет правовые, экономические, организационные основы развития культуры на территории Республики

Татарстан и направлен на регулирование отношений в области культуры. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: культурная деятельность; культурные ценности; культурные блага; творческая деятельность; творческий работник; культурное наследие многонационального народа Республики Татарстан; республиканская государственная культурная политика (политика Республики Татарстан в области культурного развития); кинематография. Всего 8 понятий.

Словарный анализ текста Закона о культуре Татарстана:

- число слов в тексте: 3224;
- число лексем в тексте: 700;
- лексическое разнообразие: 0,22;
- грамматическая сложность текста: 0,17.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (108 ед.), культурный (66 ед.), культурная (8 ед.), культурно-исторический (2 ед.), культурно-просветительский (2 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 186, то есть 5,7 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Татарстана, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (42 пункта), самоконтроль (25,4 пункта), утонченность (17,2 пункта), независимость (14,7 пункта), необычность (10,6 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 440, что составляет 13,5 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Татарстана, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: закон (90 ед.), республика (70 ед.), искусство (18 ед.).

Особенностью рассматриваемого законодательного акта является то, что экспертно-аналитическая система «ВААЛ» выделила только одну доминирующую тему – Республика Татарстан.

Закон Республики Саха (Якутия) от 24.06.2013 № 1335-IV «О культуре» (далее – Закон о культуре Якутии) определяет правовые, экономические, организационные основы в области развития культуры в Республике Саха (Якутия) и регулирует отношения в указанной области. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: библиотека; государственная политика Республики Саха (Якутия) в области культуры; духовное развитие; кинематография; кинохранилище; концертная организация; культура; культурное разнообразие; культурное сообщество; культурная деятельность; культурно-досуговое учреждение; культурные ценности; культурное наследие многонационального народа Республики Саха (Якутия); культурные блага; музей; национальный фильм; народный художественный промысел; творческий работник; работник культуры; театр; организация культуры; творческая деятельность; творческий союз; образовательное учреждение культуры; художественное образование; художественный совет; цирк; народное творчество; нематериальное культурное наследие; многофункциональный культурный комплекс. Всего 31 понятие. Это наибольшее количество понятий, раскрываемых в анализируемых текстах, что может косвенно свидетельствовать о максимальной проработке самого текста с учетом региональной специфики культурной политики.

Словарный анализ текста Закона о культуре Якутии:

- число слов в тексте: 3693;
- число лексем в тексте: 870;
- лексическое разнообразие: 0,24;
- грамматическая сложность текста: 0,28.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (130 ед.), культурный (82 ед.), культурно-национальный (8 ед.), культурно-досуговой (7 ед.), культурная (6 ед.), культурно-исторический (3 ед.),

культурно-массовый (3 ед.), культурно-досуговый (1 ед.), культурно-духовная (1 ед.), культурно-духовный (1 ед.), культурно-просветительский (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 243, то есть 6,5 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Якутии, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (40,6 пункта), самоконтроль (22,9 пункта), утонченность (16,6 пункта), независимость (12,9 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 588, что составляет 15,9 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Якутии, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культура (130 ед.), республика (68 ед.), законодательство (49 ед.), область (43 ед.), учреждение (38 ед.), создание (36 ед.), развитие (35 ед.), объект (25 ед.), народ (21 ед.), поддержка (17 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: учреждение культуры; законодательство республики; развитие культуры; многонациональный народ республики; объект культуры; Республика Саха (Якутия).

Закон Чеченской Республики от 26.06.2006 № 8-РЗ «О культуре» (далее – Закон о культуре Чечни) определяет правовые, экономические, организационные основы развития культуры на территории Чеченской Республики и направлен на регулирование отношений в области культуры. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: культурная деятельность; культурные ценности; культурные блага; творческая деятельность; творческий работник; работник культуры; организация (учреждение) культуры; достоинство культур народов и национальных групп; культурное наследие народа Чеченской Республики; культурное достояние народа Чеченской Республики; республиканская культурная

политика (политика Чеченской Республики в области культуры); государственная политика в области культуры; культура; самобытность; за рубежом; кинематография. Всего 16 понятий.

Словарный анализ текста Закона о культуре Чечни:

- число слов в тексте: 5243;
- число лексем в тексте: 1132;
- лексическое разнообразие: 0,22;
- грамматическая сложность текста: 0,22.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (194 ед.), культурный (102 ед.), культурная (7 ед.), культурно-просветительский (5 ед.), культурно-национальный (4 ед.), культурно-исторический (2 ед.), культ (2 ед.), культурно-массовый (1 ед.), культурно-художественный (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 318, то есть 6 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Чечни, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (43,5 пункта), самоконтроль (24,1 пункта), утонченность (16,4 пункта), независимость (13,6 пункта), необычность (11,6 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 788, что составляет 15 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Чечни, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культура (220 ед.), республика (135 ед.), работник (55 ед.), развитие (54 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: традиция; работник культуры; развитие; финансирование деятельности; установка льгот; средства; республика; чеченский; республиканский бюджет; налоговые льготы.

Закон Республики Тыва от 03.04.1995 № 261 «О культуре» (далее – Закон о культуре Тывы) выступает в качестве правовой базы сохранения и

развития культуры в Республике Тыва. Необходимо отметить, что авторы данного Закона не выделяют отдельных основных понятий, но обозначают, что понятия, используемые в настоящем Законе, применяются в том же значении, в котором они используются в федеральном законодательстве, регулирующем отношения в области культуры.

Словарный анализ текста Закона о культуре Тывы:

- число слов в тексте: 4718;
- число лексем в тексте: 924;
- лексическое разнообразие: 0,2;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (125 ед.), культурный (82 ед.), культурно-национальный (14 ед.), культурная (8 ед.), культурное (2 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 231, то есть 5 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Тывы, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (41,2 пункта), самоконтроль (24,8 пункта), независимость (16,7 пункта), утонченность (14,9 пункта), необычность (11,3 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 575, что составляет 12,2 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Тывы, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: Тыва (190 ед.), закон (107 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать, что доминирующей темой, выделяемой экспертно-аналитической системой «ВААЛ», является «закон Республики».

Закон Красноярского края от 28.06.2007 № 2-190 «О культуре» (далее – Закон о культуре Красноярского края) устанавливает общие принципы правового регулирования отношений в области культуры, возникающих при реализации конституционного права на участие в культурной жизни и

пользование услугами организаций культуры, а также права на равный доступ к культурным ценностям, и направлен на сохранение и развитие культуры на территории Красноярского края. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: организации культуры; культурное достояние края; государственный реестр особо ценных объектов культурного наследия Красноярского края; творческий работник; народные художественные коллективы; фольклор коренных малочисленных народов Севера Красноярского края; носитель фольклора; социокультурный проект; творческое наследие. Всего 9 понятий.

Словарный анализ текста Закона о культуре Красноярского края:

- число слов в тексте: 4769;
- число лексем в тексте: 937;
- лексическое разнообразие: 0,2;
- грамматическая сложность текста: 0,17.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (155 ед.), культурный (54 ед.), культурная (3 ед.), культурно-просветительский (1 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 214, то есть 4,4 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Закона о культуре Красноярского края, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (39,3 пункта), самоконтроль (27,8 пункта), независимость (14,3 пункта), утонченность (13,8 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 623, что составляет 13,1 % от текста.

В качестве основных понятий Закона о культуре Красноярского края, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: закон (90 ед.), работник (65 ед.), область (51 ед.), учреждение (44 ед.),

творческий (42 ед.), народный (42 ед.), художественный (39 ед.), образовательный (25 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: творческий работник; государственные и муниципальные учреждения; народный образцовый коллектив; популяризация фольклора; образцовая самодеятельная студия; краевой бюджет; самодеятельный народный коллектив; Губернатор Красноярского края; присвоение почетного звания; Красноярский Север.

Как уже было отмечено ранее, помимо отраслевых нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, сравнительному контент-анализу подвергнуты стратегические концептуальные документы, определяющие развитие государственной культурной политики Российской Федерации. До недавнего времени Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (далее – Концепция СЭР России), являлась, по сути, единственным программным документом федерального уровня, в той или иной степени определяющим конкретные направления развития государственной культурной политики и всей социально-культурной сферы в целом.

Словарный анализ текста Концепции СЭР России:

- число слов в тексте: 42869;
- число лексем в тексте: 4058;
- лексическое разнообразие: 0,09;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (71 ед.), культурный (35 ед.), культурно-досуговой (3 ед.), культурно-исторический (2 ед.), культурная (1 ед.), культурно-образовательный (1 ед.), культурно-познавательный (1 ед.), культурно-творческий (1 ед.), культурное

(1 ед.), культурология (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 117, то есть 0,2 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции СЭР России, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (31,7 пункта), самоконтроль (24,1 пункта), независимость (16,2 пункта), практичность (13,6 пункта), экстраверсия (13,2 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 3622, что составляет 8,3 % от текста.

В качестве основных понятий Концепции СЭР России, определяющих ее концептуально-содержательную нагрузку, выступают: развитие (754 ед.), создание (282 ед.), обеспечение (262 ед.), население (197 ед.), условие (185 ед.), реализация (154 ед.), сфера (151 ед.), центр (110 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: комплексная национальная безопасность страны; введение новых налогов; совершенствование страхования; уровень воздействия транспорта; Восток страны; высокотехнологичные инновационные отрасли; современные товары; добыча газа, нефти; экспорт природных ресурсов; глобальная инновационная конкурентоспособность; государственная поддержка жилищного направления; диверсификация экономики; экспорт; доступность потребительских товаров; доступность жилья; повышение уровня жизни населения; повышение занятости населения; модернизация сферы здравоохранения; рост объема импорта; стимулирование роста объема иностранных инвестиций; развитие инновационной инфраструктуры; привлечение иностранного капитала; разработка нефтегазовых месторождений; совершенствование стимулирования; развитие образовательного, научного потенциала; повышение эффективности труда; создание конкурентного преимущества России; модернизация промышленности; развитие страны; поддержка развития регионов; укрепление рубля; поддержка семьи.

Следовательно, Концепция СЭР России, принятая в 2008 году, практически не учитывает стратегическое развитие государственной культурной политики и институтов культуры, а демонстрирует декларативно-формальный подход, где признается только сам факт важности развития культуры в обществе. В связи с этим для сравнения представляется целесообразным рассмотреть раздел 3.2 «Социальные проблемы. Повышение народного благосостояния и развитие культуры» (далее – Концепция СЭР СССР), являющегося частью проекта комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы. Подчеркнем, что в силу известных исторических событий данная программа осталась на уровне проекта и не была воплощена. Однако в русле проводимого диссертационного исследования представляет интерес анализ концептуальных подходов к осуществлению государственной культурной политики на территории СССР, так как в программе СЭР России, рассмотренной выше, аналогичный раздел «Развитие культуры и средств массовой информации» занимает около 3 страниц текста и является формальным по сути.

Словарный анализ текста Концепции СЭР СССР:

- число слов в тексте: 11691;
- число лексем в тексте: 1939;
- лексическое разнообразие: 0,17;
- грамматическая сложность текста: 0,19.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (270 ед.), культурный (119 ед.), культурная (7 ед.), культурно-просветительский (6 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 402, то есть 3,4 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции СЭР СССР, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (36 пунктов), самоконтроль (21,6 пункта), деятельность (12,9 пункта),

независимость (11,5 пункта), экстраверсия (11,2 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 1450, что составляет 11,8 % от текста.

В качестве основных понятий Концепции СЭР СССР, определяющих ее концептуально-содержательную нагрузку, выступают: население (213 ед.), развитие (117 ед.), вид (113 ед.), предложение (107 ед.), сфера (70 ед.), учреждение (66 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: развитие сферы; обслуживание групп населения; изменение формы обслуживания; любительские занятия; продукция потребления; свободное время; образ жизни; посещение учреждений; социальные связи; повышение уровня; усиление роли; процесс планирования; совершенствование системы учета; определение тенденций; чтение; динамика предложений; различные институты; снижение затрат; различные типы занятий; занятие туризмом; увеличение объема.

Как уже было неоднократно указано, в 2014 году впервые в новейшей истории Российской Федерации был разработан и принят концептуальный документ, определяющий развитие государственной культурной политики в современных геополитических реалиях, – Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 (далее – Основы культурной политики). Принятие данного документа, безусловно, позволило изменить существовавший ранее формальный подход к реализации государственной культурной политики и определить ее концептуальные направления развития, цели и задачи в условиях глобализационных процессов.

Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: культура; культурная политика; субъекты государственной культурной политики; объекты государственной культурной политики; культурная деятельность; духовная сфера; менталитет, ментальность российского

народа; культурное наследие; сохранение культурного наследия; информационная среда; информационная грамотность; творческие индустрии. Всего 12 понятий.

Словарный анализ текста Основ культурной политики:

- число слов в тексте: 3264;
- число лексем в тексте: 907;
- лексическое разнообразие: 0,28;
- грамматическая сложность текста: 0,23.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (113 ед.), культура (40 ед.), культурная (7 ед.), культурно-познавательная (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 161, то есть 4,9 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Основ культурной политики, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (42 пункта), самоконтроль (26,3 пункта), утонченность (13,9 пункта), независимость (13,5 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 575, что составляет 17,3 % от текста.

В качестве основных понятий Основ культурной политики, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культурный (109 ед.), развитие (47 ед.), политика (44 ед.), создание (30 ед.), общественный (30 ед.), поддержка (27 ед.), гражданин (22 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВИАЛ», а именно: воспитание и просвещение как отдельных граждан, так и семей; общественный институт; гуманитарная сфера; формирование информационного пространства; культурное наследие; отечественные традиции; подготовка и развитие системы; профессиональные сообщества; русский язык.

Процесс разработки стратегического документа по реализации Основ культурной политики продлился вплоть до начала 2016 года и сопровождался серьезными спорами не только внутри экспертного сообщества, но и между различными органами исполнительной власти, в первую очередь, Министерством культуры и Министерством финансов Российской Федерации. Во многом возникшая ситуация связана с тем, что Основы культурной политики разрабатывались под эгидой Администрации Президента Российской Федерации, что, в свою очередь, предполагало эффективное межведомственное взаимодействие между различными органами исполнительной власти и оперативное решение спорных моментов.

Однако разработкой стратегического документа по реализации Основ культурной политики занималось исключительно Министерство культуры Российской Федерации. В результате автоматически существенно сократились возможности реализации на практике заявленных ранее положений в силу ведомственной принадлежности и ограниченности имеющихся полномочий Министерства культуры России, а остальные заинтересованные ведомства в связи с отсутствием единого координирующего центра в виде Администрации Президента России не были заинтересованы в участии в разработке Стратегии, так как это повлекло бы за собой увеличение объема работы и расходных обязательств. Тем не менее в результате проведенной работы распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р была утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (далее – Стратегия культурной политики).

Как уже было отмечено ранее, важным моментом является то, что в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 817 «О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики»¹⁸⁷ должна быть образована Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной

---

¹⁸⁷ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

политики, которая призвана обеспечивать согласованность действий органов исполнительной власти и организаций в целях выработки предмета единой государственной культурной политики и ее реализации.

Словарный анализ текста Стратегии культурной политики:

- число слов в тексте: 10301;
- число лексем в тексте: 1765;
- лексическое разнообразие: 0,17;
- грамматическая сложность текста: 0,17.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (206 ед.), культура (199 ед.), культурная (6 ед.), культурно-досуговой (5 ед.), культурно-познавательные (3 ед.), культурно-гуманитарное (2 ед.), культурно-образовательные (1 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 423, то есть 4,1 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Стратегии культурной политики, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (42,9 пункта), самоконтроль (25,3 пункта), утонченность (14,3 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 1243, что составляет 12 % от текста.

В качестве основных понятий Стратегии культурной политики, определяющих ее концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культурный (200 ед.), год (140 ед.), развитие (107 ед.), политик (85 ед.), объект (66 ед.), наследие (66 ед.), реализация (66 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: культурная политика; объект наследия; инфраструктура; содействие развитию институтов; исторический путь; государственная сфера; обеспечение воспитания; расширение институтов; состояние объектов; сценарии реализации государственной стратегии; стратегический документ; иностранные государства; средства массовой информации; русский язык;

уровень диспропорции; общий объем; малые города; внебюджетные источники финансирования; повышение эффективности; система финансирования; формирование информационного содействия; расширение доступа; целевой капитал; направление стратегии; детское искусство; базовый сценарий; национальная безопасность; механизмы частного-государственного партнерства; гражданские институты; культурное единство; привлечение внебюджетных инвестиций; социальные нормативы; стратегическое планирование; культурный потенциал; региональные диспропорции; семейное воспитание; сокращение количества; увеличение доли внебюджетного финансирования.

В декабре 2016 года, спустя девять месяцев с момента принятия Стратегии культурной политики, распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.12.2016 № 2563-р был утвержден План мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (далее – План реализации Стратегии культурной политики). Столь долгий срок разработки документов, направленных на реализацию Основ культурной политики, может косвенно свидетельствовать не только о бюрократических издержках в соблюдении процедуры согласования, но и, вероятнее всего, противодействию со стороны заинтересованных органов исполнительной власти, отвечающих за оптимизацию бюджетных средств в условиях экономического кризиса и дефицитного бюджета.

Словарный анализ текста Плана реализации Стратегии культурной политики:

- число слов в тексте: 8095;
- число лексем в тексте: 1440;
- лексическое разнообразие: 0,18;
- грамматическая сложность текста: 0,14.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура

(87 ед.), культурный (64 ед.), культурная (2 ед.), культурно-гуманитарный (2 ед.), культурно-досуговой (2 ед.), культурно-массовый (2 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 159, то есть 1,9 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Плана реализации Стратегии культурной политики, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (26,8 пункта), самоконтроль (26,8 пункта), независимость (11,7 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 880, что составляет 9,4 % от текста.

В качестве основных понятий Плана реализации Стратегии культурной политики, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: Российская Федерация (225 ед.), субъект (88 ед.), исполнительная власть (83 ед.), правительство (78 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: поддержка проведения международных мероприятий; информационное содействие; военно-историческое общество; научно-исследовательская работа; региональные документы; разработка проектов; план реализации мероприятий; увеличение доли инвалидов и молодежи; поддержка отечественной кинематографии; учебный курс; школа искусств; государственная поддержка; исполнительная власть.

В целом необходимо отметить, что разработка и принятие Основ культурной политики, а также Стратегии и Плана по их реализации на федеральном уровне повлечет за собой разработку или корректировку аналогичных концептуальных и стратегических документов по каждому из традиционных направлений государственной культурной политики, причем как на федеральном, так и на региональном, муниципальном уровнях. На это направлен п. 2 Плана реализации Стратегии культурной политики, согласно которому до конца 2017 года следует внести изменения в региональные документы стратегического планирования с учетом социальной, культурной,

экономической специфики регионов с целью обеспечения их соответствия Основам государственной культурной политики и Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года.

К направлениям государственной культурной политики, по которым должны быть разработаны стратегические документы регионального и муниципального уровней, следует отнести библиотечную деятельность, музейную деятельность, образование в области культуры и искусства, культурно-досуговую деятельность, архивное дело, театральное-зрелищные учреждения, парки культуры и отдыха, зоопарки, цирковое искусство, туризм, концертную деятельность в области академической музыки.

В то же время по ряду обозначенных направлений на федеральном уровне уже разработаны концептуальные документы (образование в сфере культуры и искусства, концертная деятельность в области академической музыки, театральное и цирковое дело, туризм), которые также стали предметом сравнительного контент-анализа. Активно ведется разработка концепций развития культурно-досуговой, библиотечной и музейной деятельности.

Особо стоит отметить, что культурная политика и отрасль «культура» как неотъемлемые части социально-культурной сферы, включающей в себя также образование, здравоохранение, молодежную политику, физическую культуру и спорт, социальную защиту населения, подверглись наименьшим структурным реформам и изменениям. В результате сложилась ситуация, когда особо остро возникла необходимость разработки концептуального видения отдельных направлений культурной политики в силу реформирования смежных отраслей социально-культурной сферы, например, образования.

Так, в 2008 году, задолго до принятия Основ культурной политики, Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2008 № 1244-р была одобрена Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы (далее – Концепция развития образования в

сфере культуры и искусства), словарный анализ которой показывает следующее:

- число слов в тексте: 3980;
- число лексем в тексте: 885;
- лексическое разнообразие: 0,22;
- грамматическая сложность текста: 0,12.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (110 ед.), культурный (6 ед.), культурно-просветительский (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 117, то есть 2,9 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции развития образования в сфере культуры и искусства, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (38,9 пункта), самоконтроль (23,7 пункта), утонченность (13,7 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 425, что составляет 10,6 % от текста.

В качестве основных понятий Концепции развития образования в сфере культуры и искусства, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: образование (140 ед.), искусство (120 ед.), сфера (100 ед.), учреждение (54 ед.), профессиональный (33 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: развитие образования; образовательное учреждение; сфера искусства; изобразительная школа; система художественного образования; образовательная программа; реализация концепции; профессиональное образование; виды искусства; профессиональные педагогические кадры; профессиональные специальности; общее образование; отечественные традиции; преподаватель школы; образовательный комплекс.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.06.2011 № 1019-р была одобрена Концепция долгосрочного развития театрального

дела в Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Концепция развития театрального дела). Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: театральное дело; театральная деятельность; театральное искусство; виды театрального искусства; театр; труппа; спектакль; репертуар; постановка; новая постановка; репетиция; репертуарный театр; свободная площадка; гастроли; театральный фестиваль. Всего 15 понятий.

Словарный анализ текста Концепции развития театрального дела:

- число слов в тексте: 9266;
- число лексем в тексте: 1849;
- лексическое разнообразие: 0,2;
- грамматическая сложность текста: 0,15.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (24 ед.), культурный (22 ед.), культурная (2 ед.), культурно-творческий (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 49, то есть 0,5 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции развития театрального дела, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (29,2 пункта), самоконтроль (23,6 пункта), независимость (16,6 пункта), экстраверсия (14,1 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 868, что составляет 9,2 % от текста.

В качестве основных понятий Концепции развития театрального дела, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: развитие (87 ед.), искусство (81 ед.), поддержка (56 ед.), форма (35 ед.), страна (30 ед.), вид (23 ед.), произведение (21 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: долгосрочное развитие отечественного театрального дела; государственная

финансовая поддержка; различные формы; современные сценические произведения; работа артиста; реализация концепции; бюджетная система финансирования; государственное финансирование; театральный специалист; частный театр; современный автор; театральная жизнь; муниципальные задания; система повышения квалификации; учебные театральные заведения; театральный процесс; театральный фестиваль; высокий уровень; театральные деятели; современная драматургия; подростковый репертуар.

Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Концепция развития циркового дела) была одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.04.2012 № 434-р. Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: цирковое дело; цирковая деятельность; цирковое искусство; жанры циркового искусства; цирк; номер; аттракцион; представление в цирке; цирковая программа; цирковой спектакль; постановка; цирковой конвейер; репертуар; репетиционный период; цирковые фестивали (смотри, конкурсы); цирковой продюсер (импресарио и т.п.). Всего 16 понятий.

Словарный анализ текста Концепции развития циркового дела:

- число слов в тексте: 6117;
- число лексем в тексте: 1430;
- лексическое разнообразие: 0,23;
- грамматическая сложность текста: 0,15.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (10 ед.), культурный (5 ед.), культурная (1 ед.), культурно-досуговой (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 17, то есть 0,2 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции развития циркового дела, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (28,9 пункта), самоконтроль (25,4 пункта), независимость (18,1 пункта), экстраверсия (16,9 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 600, что составляет 9,7 % от текста.

В качестве основных понятий Концепции развития циркового дела, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: развитие (64 ед.), программа (53 ед.), искусство (50 ед.), число (22 ед.), поддержка (21 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: цирковое эстрадное искусство; показ и прокат цирковой образовательной программы; механизмы государственной финансовой поддержки; цирковое производство; реализация концепции; государственное училище; цирковое представление; цирковое дело; научные подразделения; повышение квалификации; артист цирка; цирковой жанр; модернизация имущественного комплекса; цирковая компания; цирковой конвейер; цирковое дело.

Еще одним документом, который был разработан и принят до Основ культурной политики, является Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.05.2014 № 941-р (далее – Стратегия развития туризма). Напомним, что начиная с 2013 года на федеральном уровне полномочия в области туристской деятельности были закреплены за уполномоченным органом исполнительной власти в области культуры – Министерством культуры Российской Федерации.

Словарный анализ текста Стратегии развития туризма:

- число слов в тексте: 16408;
- число лексем в тексте: 2898;
- лексическое разнообразие: 0,18;
- грамматическая сложность текста: 0,15.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (27 ед.), культурно-познавательный (25 ед.), культурный (23 ед.), культурно-исторический (6 ед.), культурно-выставочный (3 ед.), культурно-досуговой (2 ед.), культурно-развлекательный (2 ед.), культурно-нравственный (1 ед.), культурно-образовательный (1 ед.), культурно-туристский (1 ед.), культурно-этнографический (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 92, то есть 0,56 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Стратегии развития туризма, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (35,8 пункта), самоконтроль (23,5 пункта), независимость (16,1 пункта), экстраверсия (14,8 пункта), практичность (13,2 пункта), деятельность (12,3 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 1335, что составляет 8,1 % от текста.

В качестве основных понятий Стратегии развития туризма, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: развитие (39 ед.), программа (18 ед.), международный (15 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: место активного отдыха; повышение безопасности туристов; развитие внутреннего туризма; рост въездного туризма; природный заповедник; значительный потенциал; туристско-рекреационная зона; крупный инвестиционный проект; прибытие иностранных туристов; транспортная инфраструктура; туристский кластер; комплексный подход; круизный туризм; стандарт обслуживания; туристская отрасль; стратегическое планирование; транспортная проблема; туристский продукт; средства размещения; высокие темпы роста сектора; крупный туроператор; экологический туризм; развитие экономики регионов и страны.

В 2015 году, спустя год после принятия Основ культурной политики, распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.11.2015 № 2395

была одобрена Концепция развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепция развития концертной деятельности). Необходимо обозначить понятия, определенные разработчиками документа в качестве основных, значение которых раскрывается в тексте: академическая музыка; концертная организация; филармония; концертная деятельность в области академической музыки; концерт; концертная программа; репетиция; филармонический концертный зал; исполнитель (артист); агент (агентство); организатор; гастроль; фестиваль академической музыки; музыкальный конкурс. Всего 14 понятий.

Словарный анализ текста Концепции развития концертной деятельности:

- число слов в тексте: 7286;
- число лексем в тексте: 1457;
- лексическое разнообразие: 0,2;
- грамматическая сложность текста: 0,15.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (10 ед.), культурный (5 ед.), культурная (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 16, то есть 0,2 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции развития концертной деятельности, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (33,8 пункта), экстраверсия (19,7 пункта), самоконтроль (19 пунктов), утонченность (18,1 пункта), независимость (16,8 пункта), необычность (15,7 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 826, что составляет 11,2 % от текста.

В качестве основных понятий Концепции развития концертной деятельности, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку,

выступают: творческий (97 ед.), программа (55 ед.), поддержка (32 ед.), реализация (26 ед.), функция (26 ед.), средства (25 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: творческий коллектив; выездной проект; образовательная концертная программа; государственная финансовая поддержка; число слушателей; крупные формы произведений; профессиональный уровень; реализация концепции; различный творческий состав; финансирование бюджетными средствами; базовые функции филармонии; разработка стандарта; расширение аудитории; современное материально-техническое оснащение; академический жанр; музыкальный академический продукт; современный инструмент; музыкальные фестивали; гастролы оркестров и солистов; концертные площадки; увеличение количества слушателей; музыкальные конкурсы; современная академическая музыка; симфонический оркестр; филармонический концертный стандарт.

Как уже было отмечено ранее, сейчас активно идет процесс разработки концептуальных документов по тем направлениям культурной политики, которые, в силу разных обстоятельств, до сих пор не имели единого содержательного видения на федеральном уровне. Так, в январе 2017 года по заказу Министерства культуры Российской Федерации был закончен процесс разработки проекта Концепции развития музейного дела в Российской Федерации на период до 2030 года (далее – проект Концепции развития музейного дела). Особо стоит отметить, что разработкой данного документа, в отличие от рассмотренных ранее, занималась частная коммерческая организации – ООО «Экокультура». В то же время в результате обсуждения данного документа в музейном сообществе он был практически полностью отвергнут и отправлен на доработку. Сложившаяся ситуация свидетельствует о закрытости профессиональных сообществ внутри сферы культурной политики и неготовности к их взаимодействию с частными субъектами.

Словарный анализ текста проекта Концепции развития музейного дела:

- число слов в тексте: 10593;
- число лексем в тексте: 1940;
- лексическое разнообразие: 0,18;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (83 ед.), культура (51 ед.), культурно-просветительный (9 ед.), культурно-познавательный (7 ед.), культурно-образовательный (4 ед.), культурно-исторический (4 ед.), культурная (2 ед.), культурно-выставочный (1 ед.), культурно-досуговый (1 ед.), культурно-ландшафтный (1 ед.), культурно-экологический (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 164, то есть 1,5 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Концепции развития музейного дела, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (35 пунктов); самоконтроль (26,2 пункта); независимость (15,8 пункта); экстраверсия (13,8 пункта); деятельность (12,5 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 955, что составляет 8,9 % от текста.

В качестве основных понятий проекта Концепции развития музейного дела, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: деятельность (42 ед.), развитие (39 ед.), создание (31 ед.), программа (18 ед.), фонд (18 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: выставочное направление музейной деятельности; комплексное развитие региональных музеев; хранение музейного фонда; музейная сеть; подготовка музейных кадров; реализация концепции; государственные средства; музейный специалист; финансовые средства; совершенствование нормативно-правовой базы; система музеев-заповедников; современные выставочные технологии; финансирование музея; выставка; экспозиция;

электронный каталог; муниципальные музеи; музейный продукт; музейное пространство; сотрудник музея.

Стоит подчеркнуть, что, в рассмотренном ранее Плате реализации Стратегии культурной политики до 2018 года, предусмотрены разработка, утверждение и реализация ряда концептуальных документов: концепции клубного дела в Российской Федерации; концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2030 года; концепции развития хорового дела в Российской Федерации до 2030 года и плана реализации концепции на 2016–2018 годы; концепции духовой музыки и плана реализации концепции на 2016–2018 годы

Следовательно, в связи с началом активного процесса разработки концептуально-стратегических документов не только по реализации государственной культурной политики в целом, но и ее отдельных направлений, а также повышением интереса государства к данной сфере особый интерес для сравнительного контент-анализа представляет План деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2016–2021 годы, утвержденный Приказом Министерства культуры РФ от 13.10.2016 № 2296 (далее – План деятельности Министерства культуры).

Словарный анализ текста Плана деятельности Министерства культуры:

- число слов в тексте: 9928;
- число лексем в тексте: 1262;
- лексическое разнообразие: 0,13;
- грамматическая сложность текста: 0,12.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (165 ед.), культурный (158 ед.), культурно-досуговой (4 ед.), культурно-гуманитарный (2 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 330, то есть 26 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Плана деятельности Министерства культуры, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (43,8 пункта), самоконтроль (27,9 пункта), утонченность (14,3 пункта), независимость (11,5 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 1486, что составляет 12,3 % от текста.

В качестве основных понятий Плана деятельности Министерства культуры, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: развитие (154 ед.), политика (143 ед.), программа (110 ед.), наследие (90 ед.), искусство (80 ед.), поддержка (73 ед.), образование (73 ед.), обеспечение (57 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: программа развития; международная сфера; стратегия туризма; государственная инвестиционная политика; обеспечение мероприятий; поддержка искусства; народное творчество; музейный предмет; реализация плана государственного мониторинга; разработка стратегических документов; иностранные государства; выделение средств; повышение доступности; расширение влияния; государственная информационная система; наименование показателей; международное сотрудничество; указ президента; утверждение плана; разработка законопроектов; стратегическое планирование; показ фильмов; туристский потенциал; пространство СНГ.

Еще одним документом, значимым для изучения трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии, являются Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утвержденные распоряжением Министерства культуры РФ от 27 июля 2016 года № Р-948 (далее – Методические рекомендации). Данный документ можно считать в некотором роде прорывным, так как в нем обозначено принципиальное изменение подхода к обеспеченности населения Российской Федерации

услугами учреждений культуры: впервые для данных целей будут учитываться учреждения культуры всех форм собственности.

В то же время принципиальным отличием Методических рекомендаций от методик, разработанных в девяностых годах XX века, является то, что более ранние методики включали в себя нормативы по размещению не только сети учреждений культуры и искусства, но и образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, социальной защиты.

Кроме того, еще одним важным отличием новых Методических рекомендаций, которое можно назвать отрицательным моментом, является то, что из них исключены нормативы по размещению детских образовательных учреждений в области культуры и искусства, хотя данный вид учреждений является одним из основных по решению задач культурной политики по приобщению молодежи к отечественной культуре и подготовке кадров для отрасли «культура».

Словарный анализ текста Методических рекомендаций:

- число слов в тексте: 5680;
- число лексем в тексте: 949;
- лексическое разнообразие: 0,17;
- грамматическая сложность текста: 0,13.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (100 ед.), культурный (32 ед.), культурно-досуговой (3 ед.), культурно-просветительский (2 ед.), культурно-исторический (1 ед.), культурно-творческая (1 ед.), культурно-творческий (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 140, то есть 2,4 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Методических рекомендаций, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (31,2 пункта), самоконтроль (20,6 пункта), доброжелательность

(12,1 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 556, что составляет 9,1 % от текста.

В качестве основных понятий Методических рекомендаций, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: население (88 ед.), библиотека (74 ед.), поселение (51 ед.), музей (48 ед.), субъект (45 ед.), норма (35 ед.), обеспечение (35 ед.), доступность (34 ед.), учреждение (31 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: полномочия субъектов; потребность проектирования; размещение учреждений; обеспечение доступности жителям; обслуживание населения; библиотечное дело; городское и сельское поселение; городской округ; административный центр; общедоступная библиотека; тематический музей; виды искусства; транспортная доступность; норма размещения; методическое обеспечение; районный центр; общедоступный филиал; полнотекстовые информационные ресурсы; сетевой расчет; точка доступа; специализированное помещение; театральное дело; академическая музыка; концертный зал; муниципальные полномочия; населенный пункт.

Для более объективного сравнительного контент-анализа трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии в качестве релевантных информационных источников представляется необходимым использование действующих положений об органах исполнительной власти, отвечающих за реализацию государственной культурной политики на федеральном и региональном уровнях. Выбор профильных органов исполнительной власти обусловлен проведенным ранее анализом отраслевых региональных нормативных правовых актов. Следовательно, для анализа выбраны Кемеровская, Новосибирская, Московская, Сахалинская области; город федерального значения Санкт-Петербург; Республики Татарстан, Саха (Якутия), Тыва, Чеченская Республика; Красноярский край.

В первую очередь, следует рассмотреть Положение о Министерстве культуры Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 № 590 (далее – Положение о Минкультуры РФ), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 4743;
- число лексем в тексте: 842;
- лексическое разнообразие: 0,18;
- грамматическая сложность текста: 0,19.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (74 ед.), культура (41 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 116, то есть 2,4 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о Минкультуры РФ, то здесь преобладают такие категории, как интеллект самоконтроль (37,1 пункта); (29,6 пункта); независимость (16,4 пункта); практичность (12,6 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 412, что составляет 8,7 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о Минкультуры РФ, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: Российская Федерация (167 ед.), деятельность (42 ед.), правительство (33 ед.), объект (24 ед.), порядок (23 ед.), наследие (20 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: Российская Федерация; правительство; территория; полномочие; президент Российской Федерации; согласование вопросов; надзор; сфера деятельности министерства; подведомственный; требование; реестр объектов охраны; использование, популяризация объектов культурного наследия;

государственный реестр; центральный аппарат министерства; государственная охрана памятников.

Прежде чем обратиться к анализу положений о региональных органах исполнительной власти в области культурной политики, следует отметить, что структура данных органов в Российской Федерации крайне разнообразна как по форме (министерства, департаменты, агентства, комитеты), так и по отраслевой принадлежности (моно- и полиотраслевые органы). Например, постановлением Правительства Красноярского края от 07.08.2008 № 32-п было утверждено Положение о министерстве культуры Красноярского края (далее – Положение о минкультуре Красноярского края), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 2927;
- число лексем в тексте: 563;
- лексическое разнообразие: 0,19;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (36 ед.), культурный (13 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 50, то есть 1,7 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуре Красноярского края, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (31,9 пункта), интеллект (30,4 пункта), независимость (19,5 пункта), практичность (12,9 пункта), правдивость (11,6 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 277, что составляет 9,5 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуре Красноярского края, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: правительство (33 ед.), осуществить (25 ед.), информация (23 ед.), обеспечение (23 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: осуществление полномочий; нормативный акт; правительство; осуществление образовательной функции; министерство; информация; проект нормативного правового акта; краевой бюджет.

Постановлением Правительства Московской области от 11.11.2010 № 988/52 было утверждено Положение о министерстве культуры Московской области (далее – Положение о минкультуре Московской области), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 5896;
- число лексем в тексте: 936;
- лексическое разнообразие: 0,16;
- грамматическая сложность текста: 0,17.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (94 ед.), культура (79 ед.), культурно-просветительный (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 174, то есть 2,9 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуре Московской области, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (33,2 пункта), интеллект (32,6 пункта), независимость (11,8 пункта), практичность (11,5 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 586, что составляет 9,9 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуре Московской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (56 ед.), правительство (33 ед.), местное (26 ед.), объект (24 ед.), учреждение (24 ед.), порядок (23 ед.), наследие (20 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: Московская область; мероприятие; постановление правительства; объект

охраны; территория; учреждение; определение порядка; наследие; региональный перечень; местное значение; полномочия министерства; правовой акт; средства; историко-культурное значение; бюджет; граница зоны; музейная коллекция.

Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 25.05.2004 № 806 было утверждено Положение о Комитете по культуре Санкт-Петербурга (далее – Положение о Комитете по культуре Петербурга), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 4542;
- число лексем в тексте: 640;
- лексическое разнообразие: 0,14;
- грамматическая сложность текста: 0,13.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (17 ед.), культурный (2 ед.), культурно-досуговой (1 ед.), культурно-массовый (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 21, или 0,46 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о Комитете по культуре Петербурга, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (31,5 пункта), интеллект (22,4 пункта), практичность (15,4 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 547, что составляет 9,6 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о Комитете по культуре Петербурга, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: правительство (33 ед.), учреждение (24 ед.), образование (21 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: правительство; образовательное учреждение; дополнительное образование; акт; движимое имущество; компетенции комитета; детская музыкальная школа; школа искусств.

Постановлением Правительства Сахалинской области от 15.01.2016 № 2 было утверждено Положение о министерстве культуры и архивного дела Сахалинской области (далее – Положение о минкультуре Сахалинской области), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 5980;
- число лексем в тексте: 950;
- лексическое разнообразие: 0,16;
- грамматическая сложность текста: 0,2.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (145 ед.), культура (39 ед.), культурная (1 ед.), культурно-досуговой (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 186, или 3,1 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуре Сахалинской области, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (37 пунктов), интеллект (34,5 пункта), независимость (16,6 пункта), деятельность (11,7 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 684, что составляет 11,4 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуре Сахалинской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: культурный (128 ед.), область (56 ед.), деятельность (42 ед.), объект (24 ед.), учреждение (24 ед.), обеспечение (23 ед.), наследие (20 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: государственный контроль; объект культурного наследия; Сахалинская область; осуществление и координация деятельности; архивные учреждения; организация мероприятий; охрана объектов; министерство; архивные документы; средства предусмотреть; архивное дело; муниципальный архив; областной бюджет; объект археологического наследия.

Постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 30.03.2010 № 127 было утверждено Положение о департаменте культуры и национальной политики Кемеровской области (далее – Положение о департаменте культуры Кемеровской области), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 2959;
- число лексем в тексте: 633;
- лексическое разнообразие: 0,21;
- грамматическая сложность текста: 0,23.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (62 ед.), культурный (12 ед.), культурно-досуговой (3 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 77, то есть 2,6 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о департаменте культуры Кемеровской области, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (37,8 пункта), интеллект (30,5 пункта), независимость (16,3 пункта), практичность (15,9 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 346, что составляет 11,6 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о департаменте культуры Кемеровской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (56 ед.), осуществить (25 ед.), учреждение (24 ед.), искусство (22 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: искусство; национальные обязательства; Кемеровская область; правовой акт; ассигнование; бюджетные средства; коренной малочисленный; оказать содействие; межнациональная сфера.

Постановлением Правительства Новосибирской области от 21.06.2016 № 167-п было утверждено Положение о министерстве культуры

Новосибирской области (далее – Положение о минкультуры Новосибирской области), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 2026;
- число лексем в тексте: 548;
- лексическое разнообразие: 0,27;
- грамматическая сложность текста: 0,2.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (32 ед.), культурный (3 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 35, то есть 1,7 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуры Новосибирской области, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (38,1 пункта), интеллект (30,9 пункта), независимость (17,4 пункта), практичность (14,3 пункта), деятельность (11,4 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 218, что составляет 10,7 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуры Новосибирской области, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: область (56 ед.), деятельность (42 ед.), осуществить (25 ед.), учреждение (24 ед.), порядок (23 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: сфера; установить предел; Новосибирская область; сфера деятельности министерства; осуществление контроля; подведомственные учреждения; установить порядок; полномочия министерства; проект нормативного правового акта; областные средства; исполнение бюджета.

Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 18.08.2005 № 409 было утверждено Положение о министерстве культуры Республики Татарстан (далее – Положение о минкультуры Татарстана), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 3939;
- число лексем в тексте: 776;
- лексическое разнообразие: 0,2;
- грамматическая сложность текста: 0,22.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культурный (59 ед.), культура (38 ед.), культурно-досуговой (2 ед.), культурно-познавательный (2 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 101, то есть 2,5 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуре Татарстана, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (34,4 пункта), самоконтроль (33,1 пункта), независимость (14,4 пункта), практичность (13,6 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 486, что составляет 9,7 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуре Татарстана, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: осуществить (25 ед.), объект (24 ед.), учреждение (24 ед.), порядок (23 ед.), искусство (22 ед.), управление (21 ед.), наследие (20 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: искусство; популяризация кинематографии; установить предел; отрасль; Татарстан; взаимодействие с федеральным министерством; осуществить функции мониторинга; популяризация объектов охраны; управление; региональное республиканское наследие; нормативный правовой акт; средства бюджета; компетенции министерства.

Постановлением Правительства Чеченской Республики от 14.09.2009 № 162 было утверждено Положение о министерстве культуры Чеченской Республики (далее – Положение о минкультуре Чечни), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 2267;
- число лексем в тексте: 603;
- лексическое разнообразие: 0,27;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (54 ед.), культурный (27 ед.), культурно-досуговой (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 82, то есть 3,6 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуре Чечни, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (38,6 пункта), самоконтроль (30,1 пункта), независимость (13,7 пункта), утонченность (11,4 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 246, что составляет 10,9 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуре Чечни, определяющих его концептуально-содержательную нагрузку, выступают: правительство (33 ед.), осуществить (25 ед.), объект (24 ед.), учреждение (24 ед.), порядок (23 ед.), искусство (22 ед.), наследие (20 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: учреждение; искусство; установить предел; осуществление контроля; реестр объектов охраны; установить порядок; имущество министерства; Чеченская Республика; государственная охрана; подведомственное учреждение.

Постановлением Правительства Республики Тыва от 19.10.2012 № 576 было утверждено Положение о министерстве культуры Республики Тыва (далее – Положение о минкультуре Тывы), словарный анализ которого показывает следующее:

- число слов в тексте: 2793;
- число лексем в тексте: 692;
- лексическое разнообразие: 0,25;

– грамматическая сложность текста: 0,21.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (37 ед.), культурный (9 ед.), культурно-досуговой (1 ед.), культурное (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 48, то есть 2 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуры Тывы, то здесь преобладают такие категории, как самоконтроль (35,9 пунктов), интеллект (33,5 пункта), независимость (17 пунктов), практичность (14 пунктов), деятельность (12,2 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 278, что составляет 10 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуры Тывы, определяющих его содержательную нагрузку, выступают: деятельность (42 ед.), осуществить (25 ед.), учреждение (24 ед.), порядок (23 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: туризм; установить предел; сфера деятельности министерства; подведомственные учреждения; установить порядок; бюджет Республики Тыва; трудовой договор; республиканский бюджет.

Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 05.09.2011 № 898 было утверждено Положение о министерстве культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) (далее – Положение о минкультуры Якутии). Следует указать, что в существующей отечественной практике наименования органов исполнительной власти, данное министерство является единственным из рассматриваемых, в названии которого присутствует понятие «духовное развитие», а, следовательно, и властные полномочия в данной области. Данный факт может косвенно свидетельствовать о том, что управленческая элита Республики Саха (Якутия) под культурной политикой понимает гораздо более широкий спектр полномочий, чем в других регионах,

что, в принципе подтверждает проведенный ранее анализ основных понятий Закона о культуре Якутии.

Словарный анализ текста Положения о минкультуры Якутии:

- число слов в тексте: 3170;
- число лексем в тексте: 733;
- лексическое разнообразие: 0,23;
- грамматическая сложность текста: 0,16.

В тексте встречаются следующие варианты употребления понятия «культура» и его производных, выступающих единицами анализа: культура (59 ед.), культурный (36 ед.), культурно-рекреативный (1 ед.), культуротворческая (1 ед.), культуротворческий (1 ед.). Таким образом, количество слов «культура» и его производных – 98, то есть 3 % от общего количества слов в тексте.

Если говорить об эмоционально-лексической оценке текста Положения о минкультуры Якутии, то здесь преобладают такие категории, как интеллект (36,7 пункта), самоконтроль (36,4 пункта), независимость (16,4 пункта), практичность (13,5 пункта). Всего число эмоционально окрашенных слов – 417, что составляет 13,2 % от текста.

В качестве основных понятий Положения о минкультуры Якутии, определяющих их концептуально-содержательную нагрузку, выступают: развитие (39 ед.), осуществить (25 ед.), объект (24 ед.), учреждение (24 ед.), порядок (23 ед.), искусство (22 ед.), наследие (20 ед.).

Таким образом, можно зафиксировать круг доминирующих тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ», а именно: искусство; духовное кино; контролировать; духовное развитие республики; осуществление функций контроля; выявление объектов; подведомственные учреждения; установить порядок; республиканское наследие; трудовой договор; структура министерства; задачи министерства; Президент Республики; Республика Саха (Якутия); государственная тайна.

Результаты словарного анализа, представленные в таблице 1, позволяют проследить две противоположные тенденции, касающиеся в первую очередь таких типов документов, как законы и положения о региональных органах исполнительной власти в области культуры, которые являются полностью взаимосвязанными концептуально, так как положения разрабатываются на основе законов.

Таблица 1 – Сравнительная статистика словарного анализа текстов

Источник	Количество слов/лексем	Лексическое разнообразие	Грамматическая сложность текста
Закон о культуре РФ	7009/1136	0,16	0,17
Закон о культуре Кемеровской области	1869/555	0,3	0,22
Закон о культуре Новосибирской области	3119/531	0,17	0,23
Закон о культуре Московской области	1074/305	0,28	0,21
Закон о культуре Сахалинской области	3070/617	0,20	0,16
Закон о культуре Санкт-Петербурга	1705/403	0,24	0,18
Закон о культуре Татарстана	3224/700	0,22	0,17
Закон о культуре Якутии	3693/870	0,24	0,28
Закон о культуре Чечни	5243/1132	0,22	0,22
Закон о культуре Тывы	4718/924	0,2	0,16
Закон о культуре Красноярского края	4769/937	0,2	0,17
Концепция СЭР России	42869/4058	0,09	0,16
Концепция СЭР СССР	11691/1939	0,17	0,19
Основы культурной политики	3264/907	0,28	0,23
Стратегия культурной политики	10301/1765	0,17	0,17
План реализации Стратегии культурной политики	8095/1440	0,18	0,14
Концепция развития образования в сфере культуры и искусства	3980/885	0,22	0,12
Концепция развития театрального дела	9266/1849	0,2	0,15
Концепция развития циркового дела	6117/1430	0,23	0,15
Стратегия развития туризма	16408/2898	0,18	0,15
Концепция развития концертной деятельности	7286/1457	0,2	0,15
Проект Концепции развития музейного дела	10593/1940	0,18	0,16
План деятельности Министерства культуры	9928/1262	0,13	0,12
Методические рекомендации	5680/949	0,17	0,13
Положение о Минкультуры РФ	4743/842	0,18	0,19
Положение о минкультуры Красноярского края	2927/563	0,19	0,16
Положение о минкультуры Московской области	5896/936	0,16	0,17
Положение о Комитете по культуре Петербурга	4542/640	0,14	0,13
Положение о минкультуры Сахалинской области	5980/950	0,16	0,2
Положение о департаменте культуры Кемеровской области	2959/633	0,21	0,23
Положение о минкультуры Новосибирской области	2026/548	0,27	0,2
Положение о минкультуры Татарстана	3939/776	0,2	0,22
Положение о минкультуры Чечни	2267/603	0,27	0,16
Положение о минкультуры Тывы	2793/692	0,25	0,21
Положение о минкультуры Якутии	3170/733	0,23	0,16

Единая природа данных документов по логике должна влиять и на их определенное единообразие в части количества слов и лексем. В то же время проведенный анализ демонстрирует обратную ситуацию: в региональных законах количество слов варьируется от 1074 (Закон о культуре Московской области) до 5243 (Закон о культуре Чечни), а в положениях о региональных органах исполнительной власти в области культуры – от 2026 (Положение о минкультуре Новосибирской области) до 5980 (Положение о минкультуре Сахалинской области), что превышает количество слов даже в Положении о Минкультуре РФ (4743 слова). Следовательно, можно предположить, что в различных субъектах Федерации в отраслевых законах и положениях о профильных органах исполнительной власти заложены различные уровни ответственности и компетенций, что, с одной стороны, свидетельствует об учете местной специфики, а с другой – затрудняет формирование единого культурного пространства.

Если же обратиться к противоположным тенденциям, о которых речь шла выше, то первая из них заключается в том, что лексическое разнообразие указанных документов составляет в среднем 0,2 пункта, хотя встречаются и исключения как в большую, так и меньшую стороны. Например, Закон о культуре Кемеровской области имеет 0,3 пункта, а Положение о Комитете по культуре Петербурга, наоборот, имеет только 0,14 пункта. В то же время наименьшее лексическое разнообразие имеет Концепция СЭР России (0,09 пункта), что является недопустимым с содержательной точки зрения с учетом того, что данный документ не только самый объемный из рассматриваемых – 42869 слов, но и отображает концептуальное видение имеющегося состояния и планируемого развития всех отраслей не только социально-экономической, но и всех других сфер жизнедеятельности.

Таким образом, можно предположить, что рассмотренные документы имеют единую концептуальную природу и содержательно взаимосвязаны. В целом следует отметить, что во всех разобранных источниках коэффициент лексического разнообразия достаточно низок, так как его значение

оценивается в промежутке от 0 до 1 – чем выше значение, тем разнообразнее и содержательнее текст. Следовательно, источники достаточно скудны по своему концептуальному содержанию, так как в них слишком часто повторяются одни и те же знаки и цепочки знаков, а также способы внутренней организации данных последовательностей, что имеет существенное значение в нивелировании роли культурной политики в государственном строительстве и общественном развитии. В качестве положительного момента следует отметить тот факт, что Основы культурной политики имеют коэффициент лексического разнообразия 0,28 (третий по значимости показатель), что свидетельствует об их относительном содержательном разнообразии по сравнению с большинством из рассматриваемых документов.

Противоположная же тенденция заключается в том, что значение коэффициента лексического разнообразия текста формируется из соотношения числа лексем к общему числу слов. Несмотря на существенную разницу в общем количестве слов в различных источниках (от 1074 слов в Законе о культуре Московской области, до 42869 слов в Концепции СЭР России), коэффициент лексического разнообразия существенно различается только между обозначенными документами, в остальных он примерно одинаков, что свидетельствует скорее о формальности и однотипности их содержания и существенно затрудняет реализацию культурной политики в условиях колоссального регионального и культурного многообразия Российской Федерации, а также постоянного усложнения структуры текущих культурных процессов и требований населения к содержанию деятельности государственных и муниципальных субъектов культурной политики.

Как уже отмечалось в диссертационном исследовании, культура и культурная политика являются крайне сложными в содержательном и понятийном аспектах явлениями. Следовательно, документы, направленные на регулирование данной сферы, по логике должны иметь высокий коэффициент лексического разнообразия и грамматической сложности. В

противном случае, что как раз вытекает из проведенного лексического и грамматического анализа источников, возникает ситуация, когда культурная политика как самостоятельный вид государственного управления содержательно воспринимается обществом и собственно властью как сфера досуговых услуг, так как анализируемые документы в действующих редакциях не способны в полной мере продемонстрировать ее особую значимость и концептуальную сложность, и уж тем более раскрыть разносторонние задачи социально-экономического плана, которые должна решать культурная политика в идеале. Следовательно, можно предположить, что в содержательном аспекте рассматриваемые документы не отвечают сложности и разнообразию текущей социально-культурной ситуации в российском и мировом культурных пространствах, что существенно снижает не только эффективность реализуемой культурной политики на государственном и муниципальном уровнях, но и ее общественный статус.

Безусловно, представленная ситуация, с одной стороны имеет своей основной причиной юридическую природу рассмотренных материалов, что автоматически снижает их лексическое и грамматическое разнообразие в силу жестких требований к терминологии и самой структуре документов. В то же время анализу были подвергнуты не только действующие нормативные правовые акты, но и концептуальные документы (стратегии и концепции), определяющие развитие различных направлений культурной политики на федеральном уровне.

В результате данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что концептуальная природа документа не является определяющим фактором в определении сложности и разнообразия его содержания. Это позволяет сделать вывод о существующем формализме и единообразии подходов к разработке концептуальных документов, существенно затрудняющем раскрытие специфики той или иной сферы государственного и общественного строительства в Российской Федерации и восприятие данных документов непосредственными исполнителями.

Как видно из данных, представленных в таблице 2, процент употреблений слова «культура» и его производных от общего количества слов в текстах документов колеблется от 0,2 % до 26 %. При этом такую существенную разницу следует объяснить тем, что в Плате деятельности Министерства культуры РФ, в котором зафиксирован наибольший процент, систематически используется устойчивое выражение «Министерство культуры Российской Федерации», что делает текст нерепрезентативным в контексте данного критерия анализа. В среднем же в анализируемых текстах процент употреблений слова «культура» и его производных составляет 3,5 %.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика наиболее распространенных вариантов использования понятия «культура» и его производных

Источник	Варианты использования понятия «культура» и его производных	Количество употреблений	% от общего количества
Закон о культуре РФ	культура	220	5,4
	культурный	126	
	культурно-национальный	19	
Закон о культуре Кемеровской области	культура	61	5,1
	культурный	32	
	культурная	2	
Закон о культуре Новосибирской области	культура	99	3,8
	культурный	20	
	культурная	2	
Закон о культуре Московской области	культура	66	7,6
	культурный	12	
	культурно-исторический	2	
Закон о культуре Сахалинской области	культура	114	5,8
	культурный	57	
	культурная	7	
Закон о культуре Санкт-Петербурга	культура	103	7,2
	культурный	13	
	культурно-исторический	6	
Закон о культуре Татарстана	культура	108	5,7
	культурный	66	
	культурная	8	
Закон о культуре Якутии	культура	130	6,5
	культурный	82	
	культурно-национальный	8	
Закон о культуре Чечни	культура	194	6
	культурный	102	
	культурная	7	
Закон о культуре Тывы	культура	125	5
	культурный	82	
	культурно-национальный	14	
Закон о культуре Красноярского края	культура	155	4,4
	культурный	54	
	культурная	3	
Концепция СЭР России	культура	71	0,2
	культурный	35	
	культурно-досуговой	3	

Продолжение таблицы 2

Источник	Варианты использования понятия «культура» и его производных	Количество употреблений	% от общего количества
Концепция СЭР СССР	культура	270	3,4
	культурный	119	
	культурная	7	
Основы культурной политики	культурный	113	4,9
	культура	40	
	культурная	7	
Стратегия культурной политики	культурный	206	4,1
	культура	199	
	культурная	6	
План реализации Стратегии культурной политики	культура	87	1,9
	культурный	64	
Концепция развития образования в сфере культуры и искусства	культура	110	2,9
	культурный	6	
	культурно-просветительский	1	
Концепция развития театрального дела	культура	24	0,5
	культурный	22	
	культурная	2	
Концепция развития циркового дела	культура	10	0,2
	культурный	5	
	культурная	1	
Стратегия развития туризма	культура	27	0,56
	культурно-познавательный	25	
	культурный	23	
Концепция развития концертной деятельности	культура	10	0,2
	культурный	5	
	культурная	1	
Проект Концепции развития музейного дела	культурный	83	1,5
	культура	51	
	культурно-познавательный	7	
План деятельности Министерства культуры РФ	культура	165	26
	культурный	158	
	культурно-досуговой	4	
Методические рекомендации	культура	100	2,4
	культурный	32	
	культурно-досуговой	3	
Положение о Минкультуры РФ	культурный	74	2,4
	культура	41	
	культурное	1	
Положение о минкультуры Красноярского края	культура	36	1,7
	культурный	13	
	культурное	1	
Положение о минкультуры Московской области	культурный	94	2,9
	культура	79	
	культурно-просветительный	1	
Положение о Комитете по культуре Петербурга	культура	17	0,46
	культурный	2	
	культурно-досуговой	1	
Положение о минкультуры Сахалинской области	культурный	145	3,1
	культура	39	
	культурная	1	
Положение о департаменте культуры Кемеровской области	культура	62	2,6
	культурный	12	
	культурно-досуговой	3	
Положение о минкультуры Новосибирской области	культура	32	1,7
	культурный	3	

Продолжение таблицы 2

Источник	Варианты использования понятия «культура» и его производных	Количество употреблений	% от общего количества
Положение о минкультуры Татарстана	культурный	59	2,5
	культура	38	
	культурно-досуговой	2	
Положение о минкультуры Чечни	культура	54	3,6
	культурный	27	
	культурно-досуговой	1	
Положение о минкультуры Тывы	культура	37	2
	культурный	9	
	культурно-досуговой	1	
Положение о минкультуры Якутии	культура	59	3
	культурный	36	
	культурно-рекреативный	1	

В то же время наименьший процент употреблений данных единиц анализа имеет ряд концептуальных документов (Концепция СЭР России, Концепция развития циркового дела, Стратегия развития туризма, Концепция развития концертной деятельности, Концепция развития театрального дела). Это является крайне странным в силу того, что в идеале на основе именно концептуальных документов и описанных в них положений должны разрабатываться нормативные правовые акты по тому или иному направлению культурной политики, а обозначенные документы, по сути, представляют собой видение развития независимых от культурной политики отраслей. Таким образом, если в концептуальном документе какой-либо смысловой единице, в данном случае «культура», уделено недостаточно внимания, то и нормативный правовой документ, созданный на его основе, будет лишен содержания смысловой единицы в необходимой степени.

Возникшая ситуация может быть связана с тем, что ряд упомянутых концепций и стратегий был разработан до принятия Основ культурной политики, то есть в период, когда государство не могло предложить всей сфере культуры собственное видение ее развития на федеральном уровне, однако Концепция развития концертной деятельности была разработана и утверждена уже в ноябре 2015 года, спустя почти год после утверждения Основ культурной политики. В то же время существуют и обратные ситуации, например, Концепция развития образования в сфере культуры и

искусства имеет 2,9 % употреблений слова «культура» и его производных от общего количества слов, хотя и была разработана в 2008 году.

Наибольшее количество слов «культура» и его производных (от 3,8 до 7,6 %) имеют законодательные акты: Закон о культуре Московской области; Закон о культуре Сахалинской области; Закон о культуре Санкт-Петербурга; Закон о культуре Татарстана; Закон о культуре Якутии; Закон о культуре Чечни; Закон о культуре Тывы; Закон о культуре РФ; Закон о культуре Кемеровской области, что является абсолютно обоснованным, так как это основные законы, определяющие реализацию культурной политики как в целом на территории Российской Федерации, так и в конкретных субъектах Федерации в частности. Следовательно, тексты законов содержат наибольшее количество статей и в идеале должны затрагивать все моменты, связанные с реализацией государственной культурной политики. Кроме того, на основании данных законов разработаны специальные нормативные правовые акты, регулирующие отдельные направления культурной политики (библиотечная деятельность, музейная деятельность, образование в области культуры и искусства, культурно-досуговая деятельность, архивное дело, театральные учреждения, парки культуры и отдыха, зоопарки, цирковое искусство, туризм, концертная деятельность в области академической музыки и ряд других).

Если же обратиться к положениям о Минкультуры РФ и профильных региональных органах исполнительной власти, то можно зафиксировать противоположную тенденцию: процент употреблений слова «культура» и его производных по данному типу документов в среднем составляет 2 %, что минимум в два раза меньше, чем аналогичный показатель у законодательных актов, за исключением Положения о минкультуры Чечни (3,6 %) и Положения о минкультуры Сахалинской области (3,1 %). Данная ситуация настораживает, так как положения разрабатываются на основе действующего законодательства, следовательно, значимость смысловой единицы «культура» на этапе их разработки снижается в среднем в два раза.

Нельзя не отметить, что в Основах культурной политики процент употреблений слова «культура» и его производных превышает средний по всем текстам и составляет 4,9 %, что является самым высоким показателем среди рассмотренных концептуальных и стратегических документов. Это еще раз косвенно подтверждает тот факт, что государство пришло к пониманию культурной политики в качестве самостоятельного и значимого элемента государственного строительства, объединяющего собой не только все традиционные направления социально-культурной деятельности, но и несвойственные по отраслевой принадлежности, например, проведение необходимых фундаментальных и прикладных исследований в сфере гуманитарных наук; повышение качества материалов и информации, размещаемых в средствах массовой информации и сети Интернет; повышение этической и эстетической ценности, профессионального уровня распространяемых государственными теле- и радиовещателями программ и продуктов, и других направлений.

В целом самым используемым вариантом единицы анализа является собственно «культура» и различные ее варианты (культуры, культуру), они преобладают в 28 документах из 35 рассматриваемых, а также «культурный». При этом «культура» употребляется чаще всего как обозначение профильного органа исполнительной власти и как обозначение сферы деятельности государства, однако без конкретизации ее границ. Термин «культурный» и его производные (культурная, культурное и другие) используются относительно, прежде всего, наследия, ценностей, продуктов и политики. В меньшей степени «культурный» употребляется относительно такой категории, как «развитие», следовательно, в содержательном аспекте государство по-прежнему руководствуется сохранением и восстановлением традиционных культурных ценностей без учета автономности культурных процессов и их непрерывной эволюции.

Как видно из данных, представленных в таблице 3, преобладающей категорией, характеризующей эмоционально-лексическую оценку текстов,

является «интеллект» – преобладает в 28 документах из 35 рассматриваемых, а также «самоконтроль». Указанные категории несут следующее ценностно-содержательное наполнение: думающий, просвещенный, обязательный. Нельзя не отметить, что в качестве значимых категорий также выступают «независимость» и «утонченность», несущие следующее ценностно-содержательное наполнение: сильный, боец, изысканный, музыкальный. В любом случае, доминирование указанных категорий является достаточно логичным в силу специфики самих текстов, заключающейся, в первую очередь, в официальной природе их возникновения и прохождения через многочисленные экспертные оценки и переработки. Однако, это оказывает существенное влияние на восприятие текстов, поскольку преобладающие категории делают их слишком официальными и, зачастую, непонятными для пользователей без должной предварительной подготовки и погруженности в специфику того или иного направления культурной политики.

Таблица 3 – Сравнительная статистика эмоционально-лексической оценки текстов

Информационный источник	Преобладающие категории	Количество пунктов	Количество э/о слов	% от текста
Закон о культуре РФ	интеллект	37,6	1009	14,4
	самоконтроль	25,3		
	независимость	16,7		
Закон о культуре Кемеровской области	интеллект	40,6	243	13
	самоконтроль	26,7		
	утонченность	15		
Закон о культуре Новосибирской области	интеллект	36	417	12
	самоконтроль	21,9		
	независимость	18,4		
Закон о культуре Московской области	интеллект	48,4	187	17,4
	самоконтроль	24,6		
	утонченность	17,7		
Закон о культуре Сахалинской области	интеллект	41,1	413	13,4
	самоконтроль	29,6		
	утонченность	16,5		
Закон о культуре Санкт-Петербурга	интеллект	47,2	290	17
	самоконтроль	26,3		
	утонченность	16,4		
Закон о культуре Татарстана	интеллект	42	440	13,5
	самоконтроль	25,4		
	утонченность	17,2		
Закон о культуре Якутии	интеллект	40,6	588	15,9
	самоконтроль	22,9		
	утонченность	16,6		
Закон о культуре Чечни	интеллект	43,5	788	15
	самоконтроль	24,1		
	утонченность	16,4		

Продолжение таблицы 3

Информационный источник	Преобладающие категории	Количество пунктов	Количество э/о слов	% от текста
Закон о культуре Тывы	интеллект	41,2	575	12,2
	самоконтроль	24,8		
	независимость	16,7		
Закон о культуре Красноярского края	интеллект	39,3	623	13,1
	самоконтроль	27,8		
	независимость	14,3		
Концепция СЭР России	интеллект	31,7	3622	8,3
	самоконтроль	24,1		
	независимость	16,2		
Концепция СЭР СССР	интеллект	36	1450	11,8
	самоконтроль	21,6		
	деятельность	12,9		
Основы культурной политики	интеллект	42	575	17,3
	самоконтроль	26,3		
	утонченность	13,9		
Стратегия культурной политики	интеллект	42,9	1243	12
	самоконтроль	25,3		
	утонченность	14,3		
План реализации Стратегии культурной политики	интеллект	26,8	880	9,4
	самоконтроль	26,8		
	независимость	11,7		
Концепция развития образования в сфере культуры и искусства	интеллект	38,9	425	10,6
	самоконтроль	23,7		
	утонченность	13,7		
Концепция развития театрального дела	интеллект	29,2	868	9,2
	самоконтроль	23,6		
	независимость	16,6		
Концепция развития циркового дела	интеллект	28,9	600	9,7
	самоконтроль	25,4		
	независимость	18,1		
Стратегия развития туризма	интеллект	35,8	1335	8,1
	самоконтроль	23,5		
	независимость	16,1		
Концепция развития концертной деятельности	интеллект	33,8	826	11,2
	экстраверсия	19,7		
	самоконтроль	19		
Проект Концепции развития музейного дела	интеллект	35	955	8,9
	самоконтроль	26,2		
	независимость	15,8		
План деятельности Министерства культуры	интеллект	43,8	1486	12,3
	самоконтроль	27,9		
	утонченность	14,3		
Методические рекомендации	интеллект	31,2	556	9,1
	самоконтроль	20,6		
	доброжелательность	12,1		
Положение о Минкультуры РФ	интеллект	29,6	412	8,7
	самоконтроль	37,1		
	независимость	16,4		
Положение о минкультуры Красноярского края	самоконтроль	31,9	277	9,5
	интеллект	30,4		
	независимость	19,5		
Положение о минкультуры Московской области	самоконтроль	33,2	586	9,9
	интеллект	32,6		
	независимость	11,8		
Положение о Комитете по культуре Петербурга	самоконтроль	31,5	547	9,6
	интеллект	22,4		
	практичность	15,4		

Продолжение таблицы 3

Информационный источник	Преобладающие категории	Количество пунктов	Количество э/о слов	% от текста
Положение о минкультуры Сахалинской области	самоконтроль	37	684	11,4
	интеллект	34,5		
	независимость	16,6		
Положение о департаменте культуры Кемеровской области	самоконтроль	37,8	346	11,6
	интеллект	30,5		
	независимость	16,3		
Положение о минкультуры Новосибирской области	самоконтроль	38,1	218	10,7
	интеллект	30,9		
	независимость	17,4		
Положение о минкультуры Татарстана	интеллект	34,4	486	9,7
	самоконтроль	33,1		
	независимость	14,4		
Положение о минкультуры Чечни	интеллект	38,6	246	10,9
	самоконтроль	30,1		
	независимость	13,7		
Положение о минкультуры Тывы	самоконтроль	35,9	278	10
	интеллект	33,5		
	независимость	17		
Положение о минкультуры Якутии	интеллект	36,7	417	13,2
	самоконтроль	36,4		
	независимость	16,4		

Данная ситуация, безусловно, представляет собой серьезную проблему, так как на практике получается, что большинство работников культуры не имеют представления о содержании подобных документов и не читают их. Следовательно, данные работники выстраивают свою деятельность не в русле единых государственных подходов и положений, а исходя из собственных знаний и опыта, которые не всегда могут быть актуальными как в силу возраста, так и в силу отсутствия профильного образования. Например, численность библиотечных работников в общедоступных библиотеках России по состоянию на конец 2015 года составляла 147 тыс. человек, и только 98,6 тыс. из них имели высшее и среднее профессиональное образование¹⁸⁸.

В то же время ни один из рассмотренных текстов не соответствует норме по числу эмоционально окрашенных слов, которая составляет в среднем 6,8 %, а некоторые документы (Основы культурной политики, Закон о культуре Московской области) превышают ее более чем в два раза. Ближе

¹⁸⁸ Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/report2015/> (дата обращения: 01.07.2017).

всего к значению нормы располагаются Концепция СЭР России, Стратегия развития туризма, Проект Концепции развития музейного дела, Положение о Минкультуры РФ – их значение не превышает 9 %. Это свидетельствует о том, что в целом тексты являются слишком эмоциональными с учетом преобладания обозначенных выше категорий и достаточно сложными для восприятия и усвоения не только для рядовых граждан, но и для работников культуры.

Сравнительная статистика доминирующих понятий, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ» в федеральном и региональном законодательстве (таблица 4), показывает, что в некоторых документах понятие «культура» вообще не вошло в число основных (Закон о культуре Кемеровской области, Закон о культуре Новосибирской области, Закон о культуре Татарстана, Закон о культуре Тывы, Закон о культуре Красноярского края). С культурологической точки зрения возникшая ситуация является крайне странной в силу того, что были рассмотрены отраслевые законы о культуре и понятие «культура» должно являться основным, определяющим их содержание и смысловую нагрузку. Необходимо зафиксировать, что в ряде случаев доминируют понятия, не связанные с культурой как процессом идеалообразования в принципе, а имеющие отношение, например, к административно-территориальному делению (область, республика в качестве субъекта Федерации, конкретные наименования субъектов Федерации), а также непосредственно с самой формой документа – понятия «закон», «законодательство».

Таблица 4 – Сравнительная статистика доминирующих понятий и тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ» в федеральном и региональном законодательстве

Источник	Понятие	Количество (ед.)	Доминирующие темы
Закон о культуре РФ	культура	220	организация библиотечных фондов; государственная власть; исполнительный орган; оценка качества оказания услуг; организации и учреждения культуры; культурно-национальный центр; орган местного самоуправления; муниципальные учреждения; проведение независимой оценки; оказание организацией услуг
	Российская Федерация	167	
	организация	146	

Продолжение таблицы 4

Источник	Понятие	Количество (ед.)	Доминирующие темы
Закон о культуре Якутии	культура	130	учреждение культуры; законодательство республики; развитие культуры; многонациональный народ республики
	республика	68	
	законодательство	49	
Закон о культуре Чечни	культура	200	традиция; работник культуры; развитие; финансирование деятельности; установка льгот; средства; республика; чеченский; республиканский бюджет; налоговые льготы
	республика	114	
	работник	55	
Закон о культуре Тывы	Тыва	190	закон Республики
	закон	107	
Закон о культуре Красноярского края	закон	90	творческий работник; государственные и муниципальные учреждения; народный и самодеятельный образцовый коллектив; популяризация фольклора; образцовая самодеятельная студия; краевой бюджет; Губернатор; присвоение почетного звания; Красноярский Север
	работник	65	
	область	51	
Закон о культуре Кемеровской области	область	41	Кемеровская область, достояние Кемеровской области, областной бюджет
	сфера	14	
	поддержка	12	
Закон о культуре Новосибирской области	область	118	Новосибирская область; поддержка учреждений; областные полномочия; финансовая поддержка; государственная поддержка
	закон	95	
	поддержка	44	
Закон о культуре Московской области	область	70	сфера культуры; Московская область; социальная поддержка; механизм частно-государственного партнерства
	культура	66	
	сфера	54	
Закон о культуре Сахалинской области	область	150	учреждения культуры; Сахалинская область; музейный фонд; образовательные учреждения; областной бюджет; муниципальные учреждения
	культура	113	
	закон	71	
Закон о культуре Санкт-Петербурга	культура	103	сфера культуры; развитие социально-экономической сферы; государственная социальная поддержка; жители Санкт-Петербурга
	сфера	89	
	развитие	32	
Закон о культуре Татарстана	закон	90	Республика Татарстан
	республика	70	
	искусство	18	

Данная тенденция находит свое подтверждение при анализе доминирующих тем, где конкретные наименования субъектов Федерации выделены в качестве таковых в 6 из 11 рассмотренных законов. Например, в Законе о культуре Татарстана экспертно-аналитическая система «ВААЛ» вообще выделила только одну доминирующую тему – Республика Татарстан, или в Законе о культуре Тывы – закон Республики.

Значимым является тот факт, что в основном законе, определяющем реализацию культурной политики в Российской Федерации, – Законе о

культуре РФ в качестве одного из основных понятий выступает «организация». Следовательно, в данном контексте в качестве главного субъекта культурной политики государство видит конкретные организации, как государственные (федерального и регионального уровней), так и негосударственные (муниципальные, частные). Следует отметить, что в русле проводимого анализа понятия «организация» и «учреждение» используются как синонимы. При этом из поля зрения авторов законов выпадают «деятели» и «творцы» культуры, так как данные понятия вообще не вошли в список основных. Зато в двух региональных законах (Закон о культуре Чечни и Закон о культуре Красноярского края) одним из основных понятий является «работник» культуры, что также делает его одним из основных субъектов культурной политики.

Анализ доминирующих тем позволяет обозначить ряд значимых субъектов культурной политики, которые выделяет государство, помимо учреждений и работников культуры: собственно государство в лице профильных органов исполнительной власти и органы местного самоуправления. Если же обратиться к направлениям культурной политики, которым государство отводит особую роль, то, судя по анализу доминирующих тем, – это организация библиотечных фондов; проведение независимой оценки качества оказания услуг; государственная поддержка учреждений культуры; внедрение механизмов частно-государственного партнерства; популяризация фольклора; развитие социально-экономической сферы. Однако каждое из указанных направлений, как правило, обозначено по отдельности в том или ином документе, а не комплексно. Следовательно, можно предположить, что в различных субъектах Федерации акцент делается на разных направлениях культурной политики, а не на их совокупности, что существенно затрудняет формирование единого культурного пространства на территории Российской Федерации.

Кроме того, данные, представленные в таблице 4, позволяют сделать вывод, что государство практически во всех случаях воспринимает культуру

не как самостоятельный вид государственной внутренней и внешней политики, а как определенную область, сферу, сводя междисциплинарную и межведомственную природу культурной политики к узкоотраслевой.

Сравнительная статистика доминирующих понятий, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ» в концептуальных документах (таблица 5), показывает, что понятие «культура», также как и в случае с законодательством, не вошло в число основных. Однако если в случае с законами данная ситуация касалась только части документов, то в случае с концепциями и стратегиями это коснулось абсолютно всех материалов. В то же время, необходимо обозначить, что в 8 документах из 11 рассматриваемых одним из основных понятий является «развитие», что говорит о направленности на перспективу данных документов и их процессуальном характере. В целом, наблюдается доминирование основных понятий, отображающих процесс: создание, обеспечение, поддержка, деятельность.

Таблица 5 – Сравнительная статистика доминирующих понятий и тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ» в концептуальных документах

Источник	Понятие	Количество (ед.)	Доминирующие темы
Концепция СЭР России	создание	282	комплексная национальная безопасность страны; введение новых налогов; совершенствование страхования; уровень воздействия транспорта; Восток страны; высокотехнологичные инновационные отрасли; современные товары; добыча газа, нефти; экспорт природных ресурсов; глобальная инновационная конкурентоспособность; государственная поддержка жилищного направления; диверсификация экономики; экспорт; доступность потребительских товаров; доступность жилья; повышение уровня жизни населения; повышение занятости населения; модернизация сфера здравоохранения; рост объема импорта; стимулирование роста объема иностранных инвестиций; развитие инновационной инфраструктуры; привлечение иностранного капитала; разработка нефтегазовых месторождений; совершенствование стимулирования; развитие образовательного, научного потенциала; повышение эффективности труда; создание конкурентного преимущества России; модернизация промышленности; развитие страны; поддержка развития регионов; укрепление рубля; поддержка семьи
	обеспечение	262	
	развитие	54	

Продолжение таблицы 5

Источник	Понятие	Количество (ед.)	Доминирующие темы
Основы культурной политики	культурный	109	воспитание и просвещение отдельных граждан и семей; общественный институт; гуманитарная сфера; формирование информационного пространства; культурное наследие; отечественные традиции; развитие системы; профессиональные сообщества; русский язык
	развитие	47	
	политика	44	
Стратегия культурной политики	культурный	200	культурная политика; инфраструктура; содействие развитию институтов; исторический путь; государственная сфера; обеспечение воспитания; состояние объектов; сценарии реализации стратегии; стратегический документ; иностранные государства; средства массовой информации; русский язык; малые города; внебюджетные источники финансирования; повышение эффективности; система финансирования; расширение доступа; целевой капитал; направление стратегии; детское искусство; базовый сценарий; национальная безопасность; механизмы частно-государственного партнерства; гражданские институты; культурное единство; привлечение внебюджетных инвестиций; социальные нормативы; стратегическое планирование; культурный потенциал; региональные диспропорции; семейное воспитание; сокращение количества; увеличение доли внебюджетного финансирования
	год	140	
	развитие	107	
План реализации Стратегии культурной политики	Российская Федерация	225	поддержка проведения международных мероприятий; информационное содействие; военно-историческое общество; научно-исследовательская работа; региональные документы; разработка проектов; план реализации мероприятий; увеличение доли инвалидов и молодежи; поддержка отечественной кинематографии; учебный курс; школа искусств; государственная поддержка; исполнительная власть
	субъект	88	
	исполнительная власть	83	
Концепция развития образования в сфере культуры и искусства	образование	140	развитие образования; образовательное учреждение; сфера искусства; система художественного образования; образовательная программа; реализация концепции; профессиональное образование; виды искусства; профессиональные педагогические кадры; профессиональные специальности; общее образование; отечественные традиции; преподаватель школы; образовательный комплекс
	искусство	120	
	сфера	100	
Концепция развития театрального дела	развитие	87	долгосрочное развитие отечественного театрального дела; государственная финансовая поддержка; различные формы; современный сценические произведения; работа артиста; реализация концепции; бюджетная система финансирования; государственное финансирование; театральный специалист; частный театр; современный автор; театральная жизнь; муниципальные задания; система повышения квалификации; учебные театральные заведения; театральный процесс; театральный фестиваль; высокий уровень; театральные деятели; современная драматургия; подростковый репертуар
	искусство	81	
	поддержка	56	

Продолжение таблицы 5

Источник	Понятие	Количество (ед.)	Доминирующие темы
Концепция развития циркового дела	развитие	64	цирковое эстрадное искусство; показ и прокат цирковой образовательной программы; механизмы государственной финансовой поддержки; цирковое производство; реализация концепции; государственное училище; цирковое представление; цирковое дело; повышение квалификации; артист цирка; цирковой жанр; модернизация имущественного комплекса; цирковая компания; цирковой конвейер
	программа	53	
	искусство	50	
Стратегия развития туризма	развитие	39	места активного отдыха; повышение безопасности туристов; развитие внутреннего туризма; рост въездного туризма; природный заповедник; туристско-рекреационная зона; крупный инвестиционный проект; прибытие иностранных туристов; транспортная инфраструктура; туристский кластер; комплексный подход; круизный туризм; стандарт обслуживания; туристская отрасль; стратегическое планирование; транспортная проблема; туристский продукт; средства размещения; крупный туроператор; экологический туризм; развитие экономики регионов и страны
	программа	18	
	международный	15	
Концепция развития концертной деятельности	творческий	97	творческий коллектив; выездной проект; образовательная концертная программа; государственная финансовая поддержка; крупные формы произведений; профессиональный уровень; реализация концепции; различный творческий состав; базовые функции филармонии; расширение аудитории; современное материально-техническое оснащение; академический жанр; музыкальный академический продукт; современный инструмент; музыкальные фестивали; гастроли оркестров и солистов; концертные площадки; увеличение количества слушателей; музыкальные конкурсы; современная академическая музыка; симфонический оркестр; филармонический концертный стандарт
	программа	55	
	поддержка	32	
Проект Концепции развития музейного дела	деятельность	42	выставочное направление музейной деятельности; комплексное развитие региональных музеев; хранение музейного фонда; музейная сеть; подготовка музейных кадров; реализация концепции; государственные средства; музейный специалист; финансовые средства; совершенствование нормативно-правовой базы; система музеев-заповедников; современные выставочные технологии; финансирование музея; выставка; экспозиция; электронный каталог; муниципальные музеи; музейный продукт; музейное пространство; сотрудник музея
	развитие	39	
	создание	31	
Концепция СЭР СССР	население	213	развитие сферы; обслуживание групп населения; изменение формы обслуживания; любительские занятия; продукция потребления; свободное время; образ жизни; посещение учреждений; социальные связи; повышение уровня; усиление роли; процесс планирования; совершенствование системы учета; определение тенденций; чтение; динамика предложений; различные институты; снижение затрат; различные типы занятий; занятие туризмом; увеличение объема
	развитие	117	
	вид	113	

Анализ доминирующих тем позволяет обозначить ряд значимых субъектов культурной политики, которые выделяют авторы документов: общественные институты; профессиональные сообщества; средства массовой информации; исполнительная власть; авторы; работники и деятели культуры (театральные, цирковые и другие); творческий коллектив. Обозначенные субъекты подтверждают выводы, представленные в п. 2.2 диссертационного исследования, где были подробно рассмотрены основные субъекты культурной политики. В то же время, как показывает анализ, количество субъектов культурной политики, выделяемых в концептуальных документах, гораздо более разнообразно, чем в федеральном и региональном законодательстве, где в качестве таковых в основном определены само государство и местное самоуправление, а также учреждения и работники культуры.

Особо стоит отметить, что в Концепции СЭР России, как основном документе, определяющем развитие Российской Федерации во всех сферах, экспертно-аналитической системой «ВААЛ» не выделено ни одной темы, напрямую связанной с культурой. Данная ситуация является логичной, поскольку подраздел 5 «Развитие культуры и средств массовой информации» раздела III «Развитие человеческого потенциала» Концепции СЭР России по своему объему составляет 1332 слова при общем их количестве 42869 единиц, то есть менее 0,03 %. И это с учетом того, что в данном подразделе затронуты направления развития не только культуры в отраслевом понимании, но и средств массовой информации. Для сравнения: подраздел 4 «Развитие образования» раздела III «Развитие человеческого потенциала» по объему составляет 1567 слов или подраздел 1 «Развитие науки, национальной инновационной системы и технологий» раздела V «Повышение национальной конкурентоспособности» состоит из 2232 слов. Во многом поэтому становится очевидной стратегическая необходимость разработки Основ культурной политики, поскольку до их принятия на федеральном уровне отсутствовали концептуальные документы,

раскрывающие подходы и требования государства к реализации собственной культурной политики.

Кроме того, представленные в таблице 5 данные позволяют зафиксировать преобладание в концептуальных документах формального подхода к их разработке, так как экспертно-аналитическая система «ВААЛ» выделяет в качестве доминирующих тем в основном универсальные формулировки, которые можно использовать при разработке концептуальных документов практически в любой сфере, а не только по культурной политике и ее отдельным направлениям. Например, выделяются следующие темы: воспитание и просвещение отдельных граждан и семей; общественные институты и содействие их развитию; гуманитарная сфера; формирование информационного пространства; культурное наследие и его сохранение; отечественные традиции; развитие системы; профессиональные сообщества; внебюджетные источники финансирования; расширение доступа; механизмы частно-государственного партнерства; социальные нормативы; культурный потенциал; региональные диспропорции и другие.

Особо стоит подчеркнуть, что тема «культурная политика» в качестве доминирующей встречается только в одном документе – Стратегии культурной политики. Данный факт говорит о том, что действующие концептуальные документы имеют скорее узкую направленность в рамках какого-либо из направлений культурной политики, а не единую содержательную природу, то есть выступают не в качестве звеньев единой цепи, а как самостоятельные явления.

Сравнительная статистика доминирующих понятий и тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ» в положениях о профильных органах исполнительной власти (далее – Положения) и Методических рекомендациях (таблица 6), показывает, что понятие «культура», также как и в случае с законодательством и концептуальными документами, не вошло в число основных. Однако если в случае с законами данная ситуация касалась только части документов, то в случае с Положениями, также как и с

концепциями и стратегиями, это коснулось абсолютно всех материалов. В то же время необходимо обозначить, что в 7 документах из 13 рассматриваемых одним из основных понятий является «осуществить», что говорит о нацеленности на воплощение в реальную практику и о деятельностном подходе. Вторым по частоте употребления является понятие «правительство» (доминирует в 5 документах), это говорит о том, что реализация культурной политики осуществляется высшим органом исполнительной власти.

Таблица 6 – Сравнительная статистика доминирующих понятий и тем, выделяемых экспертно-аналитической системой «ВААЛ» в положениях о профильных органах исполнительной власти и Методических рекомендациях

Источник	Понятие	Количество	Доминирующие темы
План деятельности Министерства культуры	развитие	154	программа развития; международная сфера; стратегия туризма; государственная инвестиционная политика; обеспечение мероприятий; поддержка искусства; народное творчество; музейный предмет; реализация плана государственного мониторинга; разработка стратегических документов; иностранные государства; выделение средств; повышение доступности; расширение влияния; государственная информационная система; наименование показателей; международное сотрудничество; указ президента; утверждение плана; разработка законопроектов; стратегическое планирование; показ фильмов; туристский потенциал; пространство СНГ
	политика	143	
	программа	110	
Методические рекомендации	население	88	полномочия субъектов; потребность проектирования; размещение учреждений; обеспечение доступности жителям; обслуживание населения; библиотечное дело; городское и сельское поселение; городской округ; административный центр; общедоступная библиотека; тематический музей; виды искусства; транспортная доступность; норма размещения; методическое обеспечение; районный центр; общедоступный филиал; полнотекстовые информационные ресурсы; сетевой расчет; точка доступа; специализированное помещение; театральное дело; академическая музыка; концертный зал; муниципальные полномочия; населенный пункт
	библиотека	74	
	поселение	51	
Положение о Минкультуры РФ	Российская Федерация	167	Российская Федерация; правительство; территория; полномочие; президент; согласование вопросов; надзор; сфера деятельности министерства; подведомственный; требование; реестр объектов охраны; наследие; использование; популяризация; государственный реестр; центральный аппарат министерства; государственная охрана
	деятельность	42	
	правительство	33	
Положение о минкультуры Красноярского края	правительство	33	осуществление полномочий; нормативный акт; правительство; осуществление образовательной функции; министерство; информация; проект нормативного правового акта; краевой бюджет
	осуществить	25	
	информация	23	

Продолжение таблицы 6

Источник	Понятие	Количество	Доминирующие темы
Положение о минкультуры Сахалинской области	культурный	128	государственный контроль; объект культурного наследия; Сахалинская область; осуществление и координация деятельности; архивные учреждения; организация мероприятий; охрана объектов; министерство; архивные документы; средства предусмотреть; архивное дело; муниципальный архив; областной бюджет; объект археологического наследия
	область	56	
	деятельность	42	
Положение о департаменте культуры Кемеровской области	область	56	искусство; национальные обязательства; Кемеровская область; правовой акт; ассигнование; бюджетные средства; коренной малочисленный; оказать содействие; межнациональная сфера
	осуществить	25	
	учреждение	24	
Положение о минкультуры Новосибирско й области	область	56	сфера; установить предел; Новосибирская область; сфера деятельности министерства; осуществление контроля; подведомственные учреждения; установить порядок; полномочия министерства; проект нормативного правового акта; областные средства; исполнение бюджета
	деятельность	42	
	осуществить	25	
Положение о минкультуры Татарстана	осуществить	25	искусство; популяризация кинематографии; установить предел; отрасль; Татарстан; взаимодействие с федеральным министерством; осуществить функции мониторинга; популяризация объектов охраны; управление; региональное республиканское наследие; нормативный правовой акт; средства бюджета; компетенции министерства
	объект	24	
	учреждение	24	
Положение о минкультуры Чечни	правительство	33	учреждение; искусство; установить предел; осуществление контроля; реестр объектов охраны; установить порядок; имущество министерства; Чеченская Республика; государственная охрана; подведомственное учреждение
	осуществить	25	
	объект	24	
Положение о минкультуры Тывы	деятельность	42	туризм; установить предел; сфера деятельности министерства; подведомственные учреждения; установить порядок; бюджет Республики Тыва; трудовой договор; республиканский бюджет
	осуществить	25	
	учреждение	24	
Положение о минкультуры Якутии	развитие	39	искусство; духовное кино; контролировать; духовное развитие республики; осуществление функций контроля; выявление объектов; подведомственные учреждения; установить порядок; республиканское наследие; трудовой договор; структура министерства; задачи министерства; Президент Республики; Республика Саха (Якутия); государственная тайна
	осуществить	25	
	объект	24	
Положение о минкультуры Московской области	область	56	Московская область; мероприятие; постановление правительства; объект охраны; территория; учреждение; определение порядка; наследие; региональный перечень; местное значение; полномочия министерства; правовой акт; средства; историко-культурное значение; бюджет; граница зоны; музейная коллекция
	правительство	33	
	местное	26	
Положение о Комитете по культуре Петербурга	правительство	33	правительство; образовательное учреждение; дополнительное образование; акт; движимое имущество; компетенции комитета; детская музыкальная школа; школа искусств
	учреждение	24	
	образование	21	

В целом следует отметить, что в случае с законами и концептуальными документами наблюдается их более явное понятийное единообразие, в

отличие от Положений, где фиксируется достаточно высокая вариативность основных понятий. Это подтверждает то, что авторы Положений в большей степени учитывают местную специфику, даже, несмотря на то, что в качестве единой основы выступает Закон о культуре РФ, а также региональные законы. Кроме того, полномочия в сфере культуры являются универсальными для всех субъектов Федерации и закреплены Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», что подробно было рассмотрено в п. 2.3 диссертационного исследования.

Анализ доминирующих тем позволяет обозначить ряд значимых субъектов культурной политики, которые выделяют авторы Положений и Методических рекомендаций: государство в лице Правительства РФ, Министерства культуры РФ и профильных органов исполнительной власти субъектов Федерации; органы местного самоуправления в лице администраций сельских и городских поселений, городских округов и муниципальных районов; учреждения культуры и архивные учреждения.

Кроме того, представленные в таблице 6 данные позволяют зафиксировать преобладание в Положениях, также как и в концептуальных документах, формального подхода к их разработке, так как экспертно-аналитическая система «ВААЛ» выделяет в качестве доминирующих тем в основном универсальные формулировки без конкретизации требований к механизмам воплощения в социально-культурную практику данных положений. Например, наиболее часто повторяющимися темами являются: поддержка искусства; осуществление полномочий; государственный контроль; оказание содействия; установить предел.

Таким образом, изучение трансформации представлений о роли государственной культурной политики в общественном развитии в тематических информационных источниках показывает следующее.

В большинстве документов систематически употребляются некорректные синонимы понятия «культурная политика» (отрасль «культура», политика в области культуры, сфера культуры, культурная деятельность), которые существенно трансформируют культурологическое видение роли государства в реализации данного межведомственного вида государственной политики. Использование подобных синонимов говорит о том, что законодатель сводит государственный подход реализации культурной политики к узкоотраслевому.

Это подтверждают представленные при обзоре каждого документа перечни понятий, значения которых раскрываются в текстах. Наиболее часто представлены определения следующих понятий: культурная деятельность (Закон о культуре Кемеровской области, Закон о культуре Татарстана, Закон о культуре Якутии, Закон о культуре Чечни); политика в сфере культуры (Закон о культуре Московской области, Закон о культуре Санкт-Петербурга); политика в области культуры (Закон о культуре Якутии, Закон о культуре Чечни). По сути, понятие «культурная политика» раскрывается только в Законе о культуре РФ, Законе о культуре Сахалинской области, Законе о культуре Татарстана, Законе о культуре Чечни и Основах культурной политики, то есть в 5 документах из 35 рассматриваемых. Следовательно, можно зафиксировать отсутствие единообразия в законодательных актах федерального и регионального уровня в части использования устоявшегося понятийного аппарата, что опять же с культурологической точки зрения подтверждает вариативность понимания роли культурной политики в общественном развитии не только на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, но и внутри самих уровней.

В подтверждение следует указать на достаточно существенную разницу трактовок фундаментального понятия «культурная политика» в Законе о культуре РФ и Основах культурной политики, как двух наиболее важных документах на сегодняшний день.

Как уже было отмечено в п. 1.2 диссертационного исследования, в соответствии с Законом о культуре РФ государственная культурная политика – это «совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры»¹⁸⁹. Согласно данному определению единственным субъектом культурной политики выступает государство. Это вступает в противоречие с трактовкой культурной политики, которая представлена в Основях культурной политики, где культурная политика – это «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»¹⁹⁰.

Следовательно, трактовка культурной политики в действующем основном законе, с одной стороны, гораздо менее конкретна, с другой – существенно уже, чем в концептуальном документе. С позиции культурологии второй вариант понятия гораздо более отвечает целям и задачам культурной политики как самостоятельного направления государственного строительства, однако до тех пор, пока данное определение не будет применено не только в концептуальном документе, но и в действующем законодательстве, по сути, оно остается юридически не легитимным.

Таким образом, государство косвенно признает культуру идеалообразующей стороной жизнедеятельности человека, однако деятельность по идеалообразованию закрепляется за организациями и учреждениями культуры. В то же время в условиях, когда в соответствии с Конституцией Российской Федерации формирование идеологии

---

¹⁸⁹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁹⁰ Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

недопустимо, государство разработало собственное видение содержательных направлений культурной политики, которые нашли отражение в Основах культурной политики.

Главенствующим остается значение понятия «культура» как отрасли экономики, государственное регулирование которой в современной Российской Федерации осталось «по наследству» от советского периода ее истории. Об этом говорят такие термины, используемые в тексте Закона, как «организации культуры», «учреждения культуры», «предприятия культуры», под которыми понимаются музеи, культурно-досуговые учреждения, театральные зрелищные учреждения, библиотеки, зоопарки, цирки, образовательные учреждения, архивные учреждения, творческие союзы и коллективы.

О том, что понятие «культура» в тексте Закона о культуре РФ понимается в значении «отрасль экономики, регулируемая государством», говорит и частое использование выражения «работники культуры», под которым подразумеваются люди, состоящие на службе в учреждениях и организациях, которые финансируются за счет средств государственного (федерального и регионального) или муниципального бюджетов.

Обращают на себя внимание еще два термина, связанные со словом «культура», это «народная культура» и «национальная культура». Из текста Закона о культуре РФ следует, что речь идет о так называемом «официально признанном фольклоре», то есть о произведениях музыкального, изобразительного, литературного, театрального искусства, которые имеют статус «созданного народом», тогда как в реальности чаще всего у этих произведений есть конкретные авторы – литераторы, художники, композиторы, драматурги, режиссеры, имеющие профессиональное образование.

Интересное приращение значения понятия «культура» происходит в Законе о культуре Тывы. Здесь появляется совершенно новое по сравнению с другими законами выражение «мировая культура». В этом же законе есть

значение «культура народов Республики Тыва», что в данном случае означает различие русской этнической культуры и тувинской этнической культуры. «Мировая культура» расширяет значение слова «культура» с помощью включения в это значение наличия шедевров и других произведений мировой художественной культуры. Устойчивое выражение «мировая культура», как правило, относится исключительно к сфере искусства и религии, не включая экономику, политику. То, что выражение «мировая культура» появляется в тексте Закона о культуре Тывы, объяснить не так просто. Возможно, это связано с тем, что тувинская культурная элита ориентируется не только на русскую этническую культуру как образец и эталон, но не в меньшей степени – на культурные процессы в глобальном мире. Тем не менее, это уникальное приращение смысла не имеет аналога ни в федеральном законе, ни в других региональных законах.

Одинаковое значение понятие «культура» имеет, например, в региональных законах Красноярского края и Новосибирской области, где отсутствуют значения, связанные с мировой культурой и культурой народов. Остается выражение «национальная культура». Учитывая, что Красноярский край и Новосибирская область не содержат в названиях своих регионов этнонимов, можно предположить, что значение выражения «национальная культура» употребляется в контексте российской общенациональной культуры, характерной в той или иной степени для всех субъектов Российской Федерации.

Если же обратиться к анализу доминирующих тем, то в качестве одной из наиболее часто встречающейся в большинстве рассмотренных документов выступает «бюджетное финансирование». Кроме того, следует зафиксировать отсутствие в смысловом поле темы связанной с привлечением внебюджетных источников и повышения финансовой эффективности институтов культуры за исключением Стратегии культурной политики, что говорит об обоюдном желании государства и институтов культуры сохранить действующие механизмы взаимодействия друг с другом.

Таким образом, можно сделать вывод, что академические дискуссии о философско-культурологическом значении понятия «культура» в большинстве своем не имеют никакого влияния на тексты рассмотренных документов. В некоторой степени тексты включают в себя значения понятия «культура», характерные для повседневного общения, поскольку одной из декларируемых задач является создание «культурного человека», то есть знающего этикет, имеющего представление о традиционной культуре, о музейных и книжных коллекциях, которые хранятся в организациях, финансируемых из государственного или муниципального бюджета. Можно констатировать, что в общественном понимании законодатели создали и поддерживают систему значений понятия «культура» в контексте существования определенного процесса, связанного не столько с непосредственным художественным творчеством или комфортом городской среды, не с ценностями или идеалами, а с финансированием из государственного или муниципального бюджета определенных культурных практик и институтов, что и определяет представления о роли государственной культурной политики в общественном развитии. В результате значительное количество современных культурных практик оказываются вне поля зрения государственной культурной политики и развиваются либо в сфере частной инициативы, либо через модернизационные процессы внутри самой культурной политики.

В то же время анализ основных понятий и доминирующих тем, проведенный с помощью экспертно-аналитической системы «ВААЛ», показывает имеющееся разнообразие подходов к содержательному наполнению документов, что, с одной стороны, позволяет учитывать местную специфику и культурные особенности региона, а с другой – существенно затрудняет реализацию единой культурной политики на территории Российской Федерации.

Основные выводы главы 3:

В современной российской науке о культуре понятие «культура» понимается в следующих значениях: 1) культура как система ценностей; 2) культура как система знаков; 3) культура как вся человеческая деятельность; 4) культура как идеалообразование, создание эталонов, образцов. Данная вариативность определяет методологическую специфику исследования культурной политики.

В связи с этим, на наш взгляд, одним из наиболее значимых подходов к изучению культуры является функциональный подход. Данная позиция связана, в первую очередь, с тем, что для представителей функционалистской школы каждая отдельно взятая культура выступала в качестве системы институтов, которые наделены соответствующими функциями, и именно на процессах функционирования был сосредоточен их основной исследовательский интерес. Безусловно, если говорить о функциональном подходе, то в качестве основных его представителей следует выделить Б.К. Малиновского и А.Р. Рэдклифф-Брауна.

За 26 лет своего существования Российская Федерация прошла путь от полной деморализации общества и государственной системы управления в силу распада СССР и перехода на рыночные отношения до начала нового этапа роста во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, социально-культурной и т. д. Следовательно, является абсолютно логичным возникновение новой стадии обращения государства и общества к вопросам реализации собственной культурной политики именно с 2010-х годов, поскольку можно зафиксировать нахождение российского общества в переходном периоде от удовлетворения производных потребностей к интегративным. В качестве одного из доказательств возникновения данного процесса может выступать активно возобновившаяся дискуссия о роли и месте государства в реализации культурной политики, свободе творцов, наличии цензуры и т. д.

Таким образом, от того, насколько государство и общество сможет четко и адекватно сформулировать на данном этапе цели, задачи и требования к реализуемой культурной политике, будет зависеть дальнейшая судьба Российской Федерации как независимого государства. Иначе говоря, если Российская Федерация не возьмет в ближайшее время ответственность за формирование культурной самоидентификации населения средствами культурной политики и на основе отечественной культуры, то интегративные потребности населения будут окончательно удовлетворены посредством иных культурных систем в результате глобализационных процессов.

В современной культурологии можно выделить два подхода к решению научно-исследовательских проблем в области культурной политики, которые, как правило, применяются исследователями по отдельности. Первый заключается в теоретическом осмыслении культуры в качестве специфического феномена бытия человека, а второй – в проведении практических исследований с целью осмысления полученных результатов в контексте их значения для выстраивания логики реализации государством собственной культурной политики. В рамках проводимого диссертационного исследования осуществлен анализ культурной политики посредством применения метода контент-анализа, который показал, что академические дискуссии о философско-культурологическом значении понятия «культура» в большинстве своем не имеют никакого влияния на анализируемые тексты.

Можно констатировать, что в общественном понимании государство создало систему значений понятия «культура» в контексте существования определенного процесса, связанного не столько с художественным творчеством, ценностями или идеалами, а с финансированием из государственного или муниципального бюджета определенных культурных практик и институтов. В результате, значительное количество современных культурных практик оказываются вне поля зрения государственной культурной политики и развиваются либо в сфере частной инициативы, либо через модернизационные процессы внутри самой культурной политики.

ГЛАВА 4. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XXI ВВ.)

Для решения поставленных задач в п. 4.1 диссертационного исследования представлено описание специфики реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Во многом это связано с тем, что анализ исследований культурной политики выявляет недостаточное внимание авторов к ее этнокультурным аспектам, характеризующихся внутренней противоречивостью: с одной стороны – это интеграция в общероссийское и мировое социально-культурное пространство, с другой – стремление самих народов, населяющих Российскую Федерацию, сохранить этнокультурную самобытность.

Исследование обозначенных проблем особенно актуализируется на уровне реализации культурной политики в ее региональном аспекте, так как концептуальные положения федеральной культурной политики, учитывающие пространственный фактор в культуре, только сейчас входят в управленческий дискурс. Кроме того, понимание культурной специфики различных социально-культурных групп существенно облегчает государственное строительство общества, способного ответить на актуальные вызовы времени.

В п. 4.2 осуществлено научное моделирование динамики культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций, а также рассмотрены факторы, определяющие развитие данного вида политики в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Такова логика исследования в главе 4 диссертационной работы.

4.1. Специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов

Российское общество постепенно приходит к пониманию того, что дальнейшее развитие Российской Федерации как одного из ведущих государств и равноправного члена мирового сообщества, становится возможным при условии, что одним из национальных приоритетов развития станет не только сохранение фундаментальной русской культуры, но и культурного многообразия народов, населяющих Россию, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – КМНС).

Ни одна другая эпоха не характеризовалась такой высокоскоростной социальной динамикой, как современная. При этом народы, населяющие Россию, находятся в постоянном взаимодействии с различными социальными группами, классами, друг с другом. Происходит их перемещение в географическом пространстве, бурно идут процессы миграции и ассимиляции. В результате постоянных перемен как на глобальном, так и на локальном уровнях особо остро встает вопрос сохранения национальной идентификации и самоидентификации всех народов России.

В то же время народы, компактно проживающие на ограниченных территориях, не могут замкнуться в рамках своего геокультурного ландшафта и всячески пытаются преодолеть его изоляцию, вступая в межкультурное взаимодействие не только с соседними российскими регионами, но и с иностранными государствами. В связи с этим возникает необходимость выстроить такую региональную культурную политику, которая максимально могла бы удовлетворять этнокультурные потребности не только отдельной личности, но и этнической группы, полиэтничного

государства, каковым и является Россия на протяжении всей истории своего существования.

Основные концептуальные положения сохранения культурного многообразия всех народов обозначены в Конституции Российской Федерации, в том числе наличие субъектов Федерации, образованных по национальному признаку, в большинстве своем это республики. Так, в соответствии со ст. 5 Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации¹⁹¹. В этой же статье закреплено право республик принимать собственную конституцию, в отличие от всех других типов субъектов.

Всего в состав Российской Федерации входят 27 самостоятельных субъектов, образованных по национальному признаку: республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, а также Карачаево-Черкесская, Удмуртская, Чеченская, Кабардино-Балкарская республики и Чувашская Республика – Чувашия; Еврейская автономная область; Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Итого, 22 республики, 4 автономных округа и автономная область. В целом наибольшими правами в части сохранения национальной культуры наделяются именно республики.

Ст. 68 Конституции закрепляет за республиками право устанавливать собственные государственные языки. В то же время в государственных учреждениях, органах государственной власти, органах местного самоуправления данные языки должны использоваться совместно с государственным языком Российской Федерации¹⁹².

---

¹⁹¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁹² Там же.

Язык, безусловно, является одним из основных средств сохранения собственной самобытной культуры, а языковая политика – неотъемлемая составляющая культурной политики в целом. В то же время, в соответствии с общепринятой научно-исследовательской практикой, степень функционального развития каждого из языков определяется следующими факторами:

- 1) численность этноса;
- 2) география проживания этноса;
- 3) степень диалектной раздробленности языка;
- 4) устойчивость и уровень сохранности традиционных форм хозяйствования.

Уровень владения языком и активность использования письменности заметно снижаются у народов, численность которых, как правило, имеет тенденцию к сокращению и опускается ниже 2 тыс. человек. В связи с этим особое место в возрождении функций родных языков придается национальной школе, где родной язык используется в качестве языка обучения и изучения. Однако становится очевидным, что только развитие национальных школ не сможет решить проблему изучения жителями субъектов, образованных по национальному признаку, и представителями КМНС родных языков, речь должна идти о целенаправленной языковой политике, включающей в себя, в первую очередь, наличие соответствующего законодательства, определяющего правила использования родных языков не только в образовательном процессе, но и в документообороте, сфере услуг, официальном и бытовом общении и так далее.

Следовательно, реализация эффективной языковой политики предполагает обязательный учет социальных факторов, влияющих на функционирование того или иного языка, что обуславливает выбор типа языковой политики, а также социально-культурного прогнозирования ее реализации.

В связи с этим в Основах культурной политики в качестве одной из основных задач обозначено «создание условий для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, для сохранения двуязычия граждан, проживающих в национальных республиках и регионах, для использования национальных языков в печатных и электронных средствах массовой информации. Государственная поддержка переводов на русский язык произведений литературы, созданных на языках народов России, их издание и распространение на всей территории страны»¹⁹³.

Как отмечает А.Е. Местникова в диссертационном исследовании «Социальные основания реализации языковых прав коренных малочисленных народов Севера в системе образования (на примере Республики Саха (Якутия))», к функциям языковой политики в общественной жизни относятся:

- 1) защита языковых интересов и прав всех социальных групп и слоев общества, включающая в себя осознание языковых интересов, признание языковых прав;
- 2) рационализация посредством обеспечения социальной справедливости, предотвращения и регулирования языковых конфликтов, возникающих при ущемлении языковых прав;
- 3) руководство посредством определения основных целей и приоритетов языковой политики;
- 4) управление в части осуществления деятельности по реализации выработанных стратегических решений в области языкового строительства;
- 5) интеграция посредством поддержки и укрепления целостности общества как сложно-дифференцированной социальной системы;
- 6) создание благоприятных условий для экономического и социального развития народов, населяющих Российскую Федерацию¹⁹⁴.

---

¹⁹³ Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁹⁴ Местникова А.Е. Социальные основания реализации языковых прав коренных малочисленных народов Севера в системе образования (на примере Республики Саха (Якутия)): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2010. 24 с.

Исходя из цели языковой политики, сформулированной автором как сохранение, возрождение, развитие и поддержка родных языков народов Российской Федерации, А.Е. Местникова выделяет следующие ее параметры:

- 1) составная часть культурной, национальной и социальной политики;
- 2) преимущественная реализация посредством образовательной политики, создающей условия для доминирования одного из четырех направлений социолингвистического взаимодействия – ассимиляции, аккультурации, сегрегации и адаптации;
- 3) существенное влияние на формирование мировоззрения и толерантности;
- 4) реализация посредством социальных механизмов общественно-государственной самоорганизации общества¹⁹⁵.

Таким образом, право на родной язык всех народов, в том числе и КМНС, является неоспоримым, что гарантировано не только международными правовыми актами, но и федеральным и региональным законодательством. Следовательно, сохранение и развитие родных языков народов как самостоятельного направления государственной культурной политики становится возможным только в том случае, если все заинтересованные субъекты будут отдавать себе отчет, что это сфера не только безусловной ответственности государства, но и самих представителей данных народов.

Безусловно, Конституция Российской Федерации является не единственным документом, определяющим реализацию государственной языковой политики, помимо нее существует ряд федеральных законов, в той или иной мере определяющих сохранность родных языков. Например, Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-І «О языках народов Российской Федерации», где провозглашается равноправие языков народов России. В соответствии со ст. 2 под равноправием понимается «совокупность

---

¹⁹⁵ Местникова А.Е. Социальные основания реализации языковых прав коренных малочисленных народов Севера в системе образования (на примере Республики Саха (Якутия)). С. 4.

прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. Российская Федерация гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания»¹⁹⁶. Кроме того, в ст. 3 данного закона отмечено, что в местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности.

Среди иных действующих нормативных правовых актов, определяющих языковую политику, следует выделить Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». В соответствии со ст. 4 данного закона национально-культурная автономия имеет ряд крайне важных для сохранения родного языка прав:

1) получение поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимой для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов;

2) создание средств массовой информации, получение и распространение информации на национальном (родном) языке;

---

¹⁹⁶ О языках народов Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3) создание частных образовательных и научных организаций, учреждений культуры¹⁹⁷.

Кроме того, в Гл. III Федерального закона от 17.06.1996 № 74-ФЗ обозначены полномочия не только федеральных, но и региональных органов исполнительной власти, а так же их обязанности по сохранению и развитию национального (родного) языка, в частности:

1) проведение государственной политики, направленной на сохранение и развитие национальных (родных) языков;

2) оказание организационной и иной поддержки национально-культурным автономиям в разработке и реализации государственных программ в области сохранения и развития национальных (родных) языков;

3) содействие национально-культурным автономиям в издании книг, выпуске периодической печати, организации телерадиовещания, создании средств массовой информации как на русском, так и на национальных (родных) языках; обмене теле- и радиопрограммами, аудио- и видеоматериалами, печатной продукцией на национальных (родных) языках между субъектами Российской Федерации, а также между Российской Федерацией и иностранными государствами¹⁹⁸.

Таким образом, национально-культурным автономиям как одному из субъектов культурной политики, с учетом последних поправок, внесенных в соответствующий Федеральный закон, предоставляются широчайшие полномочия в части сохранения и развития родного языка, реализация которых осложняется отсутствием необходимых финансовых ресурсов и пробелами в региональном и муниципальном законодательстве.

Еще одним значимым нормативным правовым актом является Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», который устанавливает, что «лица, относящиеся к коренным малочисленным народам, объединения

---

¹⁹⁷ О национально-культурной автономии: Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁹⁸ Там же.

малочисленных народов для сохранения и развития своей самобытной культуры и в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе: сохранять и развивать родные языки; получать и распространять информацию на родных языках, создавать средства массовой информации»¹⁹⁹. Помимо этого, данный Закон регламентирует правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития КМНС, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов.

Особенности регионального законодательства в области реализации языковой политики представляется возможным рассмотреть на примере национальных республик Российской Федерации. Одним из наиболее репрезентативных является законодательство Республики Саха (Якутия), которое являет собой пример «внимательного учета интересов малочисленных народов и адекватной разработки их национальных прав»²⁰⁰.

Основополагающим законом в области языковой политики является Закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 № 1170-ХП «О языках в Республике Саха (Якутия)», который устанавливает правовые основы функционирования и развития языков в республике, обеспечивает языковой суверенитет народов и личности с целью обеспечения культурно-языковой преемственности поколений, воспитания у молодежи любви к родному языку и уважительного отношения к культуре, языку, традициям других народов²⁰¹.

В соответствии со ст. 9 Республика Саха (Якутия) обеспечивает дальнейшее устойчивое и гармоничное развитие национально-русского, русско-национального двуязычия, а также многоязычия, поддерживает стремление граждан к изучению функционирующих в республике языков.

Особую актуальность представляет Гл. III указанного выше закона, где раскрывается роль языка в сфере образования, науки, культуры. В частности,

---

¹⁹⁹ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²⁰⁰ Губогло М. Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 168–169.

²⁰¹ О языках в Республике Саха (Якутия): Закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 № 1170-ХП [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

в ст. 27 закрепляется право граждан Российской Федерации на свободный выбор языка воспитания и обучения в соответствии с законодательством об образовании. Языком воспитания в дошкольных образовательных организациях и обучения в общеобразовательных организациях, а также в классах и группах являются долганский, русский, саха, чукотский, эвенкийский, эвенский, юкагирский языки. В национальных общеобразовательных организациях русский язык изучается как предмет.

В целом, как показывает анализ, действующее федеральное и региональное законодательство в части сохранения родных языков наиболее развито именно по отношению к коренным малочисленным народам, так как в случае с другими коренными народами обязательства федерального центра и субъектов Федерации зачастую прописаны в отраслевых законах. В то же время действующее законодательство непрерывно меняется. Например, в Законе Республики Дагестан от 13.03.2000 № 10 «О культуре» к полномочиям органов государственной власти Республики Дагестан в области культуры относится поддержка республиканских и местных национально-культурных автономий, поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности²⁰².

В Законе Республики Ингушетии от 12.08.1998 № 11-РЗ «О культуре» за этническими общностями закреплено право создавать национальные клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению национального языка, а к полномочиям органов государственной власти Республики Ингушетии в области культуры отнесена поддержка изучения в образовательных учреждениях национального языка и иных предметов этнокультурной направленности²⁰³. Аналогичная ситуация складывается в большинстве субъектов Российской Федерации, образованных по национальному признаку.

---

²⁰² О культуре: Закон Республики Дагестан от 13.03.2000 № 10 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²⁰³ О культуре: Закон Республики Ингушетии от 12.08.1998 № 11-РЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

В некоторых республиках приняты соответствующие законы о языках коренных народов, проживающих на их территории: Республика Хакасия, Республика Башкортостан, Республика Татарстан (Татарстан), Республика Адыгея (Адыгея) и другие. В данных законах устанавливается, что республики самостоятельно решают все вопросы, связанные с языками, обеспечивают их экономическую, социальную и юридическую защиту.

В отличие от государственного языка Российской Федерации государственные языки республик действуют только на территории самого субъекта Российской Федерации. Сферы, в которых используются государственные языки субъектов, определяются региональными законами.

Итак, проведенный анализ показывает, что права народов, населяющих Российскую Федерацию, на родной язык включают несколько взаимосвязанных элементов:

- 1) право на сохранение родного языка, то есть недопустимость установления государством каких-либо ограничений в данной сфере;
- 2) право иметь письменность на родном языке;
- 3) право изучать родной язык, что подразумевает возможность учреждения собственных учебных заведений и разработки специальных образовательных программ;
- 4) право на развитие родного языка, то есть оказание поддержки со стороны государства в сфере использования народами родных языков.

Если же обратиться к региональному законодательству, определяющему использование родных языков, то оно распространяется на следующие сферы:

- 1) деятельность органов государственной власти;
- 2) деятельность организаций;
- 3) образование, наука и культура;
- 4) обозначение имен, названий, знаков и предоставления информации;
- 5) принятие законов и иных нормативных правовых актов;
- 6) организация и проведение выборов и референдумов.

В то же время реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов имеет свою достаточно существенную специфику. Во многом это обусловлено тем, что в силу своей малочисленности (менее 50 тыс. человек) и проживания, как правило, в суровых климатических условиях, КМНС, в отличие от других более многочисленных коренных народов России, гораздо сложнее противостоять ассимиляционным и глобализационным процессам. В результате представители КМНС в большинстве своем не имеют собственных административно-территориальных образований на уровне субъектов Федерации, за исключением Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономных округов и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В остальных случаях административно-территориальные образования, созданные по принципу проживания КМНС, образованы на муниципальном уровне. Следовательно, обладают наименьшим количеством полномочий, в том числе в области реализации культурной политики.

В результате реализация государственной культурной политики в существующих правовых реалиях зачастую сводится к тому, что основной задачей государства является обеспечение доступности для населения учреждений культуры всех типов. В качестве примера можно рассмотреть подход к реализации культурной политики в местах компактного проживания коренных малочисленных народов в Таймырском Долгано-Ненецком, Туруханском и Эвенкийском муниципальных районах Красноярского края.

Выбор для анализа Красноярского края обусловлен его репрезентативностью по ряду причин. Во-первых, на территории данного субъекта проживают представители 8 коренных малочисленных народов (долганы, нганасаны, ненцы, кеты, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы), при этом часть из них (нганасаны, кеты) проживает только на территории Красноярского края. Это требует культурологического понимания и анализа

при разработке и реализации культурной политики. Во-вторых, Красноярский край обладает стратегическим значением для страны – это регион, который занимает срединное положение, обеспечивающее экономическую, транспортную и социально-культурную связь всей территории страны. Это означает, что население Красноярского края выполняет важнейшую геополитическую функцию – самим фактом своего проживания удерживает территориальную целостность Российской Федерации. В-третьих, наличие тяжелых климатических условий, во многом определяющих способы традиционного хозяйствования. Это связано, в первую очередь, с большой географической протяженностью Красноярского края: средняя температура января составляет от минус 36 градусов на севере до минус 18 градусов на юге, средняя температура июля составляет от плюс 13 градусов на севере до плюс 25 градусов на юге. В-четвертых, на территории Красноярского края функционируют крупнейшие промышленные гиганты (Горно-металлургическая компания «Норильский никель», ООО «РН-Ванкор», ЗАО «Полюс» и другие), оказывающие существенное влияние на климатические условия территории района и изменение форм традиционного хозяйствования КМНС. В-пятых, Красноярский край имеет достаточно развитую нормативную правовую базу, регулирующую различные аспекты жизнедеятельности КМНС, в том числе и их культурное развитие. И, наконец, в-шестых, Красноярский край – один из немногих субъектов Российской Федерации, который имел собственный утвержденный концептуальный документ по реализации культурной политики задолго до принятия на федеральном уровне Основ культурной политики.

В структуре органов исполнительной власти большинства субъектов Российской Федерации созданы специализированные структурные подразделения по делам КМНС, координирующие соответствующие региональные целевые программы и вопросы социально-экономического развития данных народов. Однако даже в случае наличия подобных органов,

как правило, основные полномочия по культурному проектированию закреплены за профильными органами управления в области культуры. Например, в Красноярском крае подобным органом является министерство культуры Красноярского края. В рамках осуществления деятельности по культурному проектированию и внедрению этнокультурных индикаторов качества жизни министерством культуры Красноярского края была разработана Программа реализации Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы (далее – Программа) в разрезе каждого муниципального образования.

При создании Программы был применен программно-целевой метод, направленный на решение первоочередных задач культурной политики, сформулированных в постановлении Правительства Красноярского края от 20.01.2009 № 24-п «Об утверждении Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы»²⁰⁴. В программе выявлены структурообразующие элементы развития культурного пространства Красноярского края в единстве его историко-культурных и социально-экономических особенностей.

Для понимания логики выстраивания государством механизмов культурного проектирования исконной среды обитания коренных малочисленных народов целесообразным является рассмотрение конкретных программных мероприятий на примере Таймырского Долгано-Ненецкого, Туруханского и Эвенкийского муниципальных районов.

Программа реализации в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы разработана с учетом следующих критериев:

– численность постоянного населения имеет тенденцию к снижению и составляет 32290 человек (по данным на 01.01.2017);

---

²⁰⁴ Об утверждении Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009-2020 годы: Постановление Правительства Красноярского края от 20.01.2009 № 24-п [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

– количество населённых пунктов: 28, в том числе 4 населённых пункта с числом жителей менее 70 человек;

– сеть учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района составляет: 26 библиотек; 22 Дома культуры; 4 учреждения дополнительного образования детей в сфере культуры и искусства; 3 центра народного творчества; МУК «Кинодосуговый центр «Арктика»; МУК «Культурно-досуговый центр» г.п. Диксон; вокально-хореографический ансамбль «Чокуркан» отдела культуры администрации с.п. Хатанга; информационный центр «Хатанга» отдела культуры администрации с.п. Хатанга²⁰⁵.

Кроме муниципальных учреждений культуры, услуги населению района предоставляют следующие краевые государственные учреждения: КГБУК «Таймырский дом народного творчества» и КГБУК «Таймырский краеведческий музей».

Обеспеченность жителей района услугами учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства не в полной мере соответствует нормативам, рекомендованным распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.07.1996 № 1063-р²⁰⁶. В районе отсутствуют межпоселенческие учреждения культуры, в районном центре г. Дудинке выставочный зал, нет библиотеки в п. Каяк. Количество мест в зрительном зале Дома культуры с. Тухард составляет 53,3 %, Дома культуры п. Носок – 30,8 % от соответствующего норматива обеспеченности, а Городского Дома культуры г. Дудинки – лишь 25,4 %.

Расчёт потребности в финансировании мероприятий, направленных на обеспечение нормативной потребности Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района в объектах культуры и искусства показывает, что на период до 2020 года общий объем средств, привлекаемых для реализации

---

²⁰⁵ Официальный портал Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/> (дата обращения: 01.04.2015).

²⁰⁶ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

всех запланированных мероприятий, должен составлять 1146007,0 тыс. рублей. При этом подразумевается достижение следующих показателей:

- 1) строительство 6 учреждений культурно-досугового типа в г. Дудинке, поселках Носок, Новая, Потапово, Тухард, Хатанга;
- 2) строительство районного выставочного зала в г. Дудинка;
- 3) капитальный ремонт и реконструкция 19 учреждений культуры и образования;
- 4) обучение за счет средств бюджета различным профильным специальностям в сфере культурной политики 93 человек;
- 5) в части организации мероприятий, способствующих созданию уникального образа территории – проведение раз в два года Международного культурного форума коренных малочисленных народов Севера²⁰⁷.

Анализ существующего финансирования отрасли «культура» Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района показывает, что удельный вес расходов на отрасль «культура» в бюджете муниципального образования, например, в 2014 году составил 508330,70 тыс. рублей, а в 2015 году – 522312,90 тыс. рублей (рост 2,8 %). Фактические расходы отрасли «культура» за 2015 год в расчёте на 1 жителя составили 15889,8 рубля²⁰⁸.

Программа реализации в Туруханском районе Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы разработана с учетом следующих критериев:

- численность постоянного населения имеет тенденцию к снижению и составляет 16336 человек (по данным на 01.01.2017);
- количество населённых пунктов: 34, в том числе 11 населенных пунктов с числом жителей менее 70 человек, 4 населенных пункта в настоящее время не населены;

---

²⁰⁷ Официальный портал Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/> (дата обращения: 01.04.2015).

²⁰⁸ Культура Красноярского края в цифрах за 2014–2015 годы: статистический справочник / министерство культуры Красноярского края. Красноярск, 2016. 135 с.

– Сеть учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства: 26 библиотек; 20 учреждений культурно-досугового типа; 2 музея; 3 учреждения дополнительного образования детей в сфере культуры, в том числе 2 детские музыкальные школы и детская школа искусств²⁰⁹.

Обеспеченность жителей района услугами учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства не в полной мере соответствует нормативам, рекомендованным распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.07.1996 № 1063-р²¹⁰. В районе не организован кинопоказ. Отсутствует учреждение культурно-досугового типа в д. Старотуруханск. Здание сельского клуба п. Советская Речка не соответствует требованиям пожарной безопасности. Количество мест в зрительном зале сельского Дома культуры с. Фарково составляет 58,6 % , а Дома культуры и досуга г. Игарки – 0 % от соответствующего норматива обеспеченности.

Расчёт потребности в финансировании мероприятий, направленных на обеспечение нормативной потребности Туруханского муниципального района в объектах культуры и искусства, показывает, что на период до 2020 года общий объем средств, привлекаемых для реализации всех запланированных мероприятий, должен составлять 563953,0 тыс. рублей. При этом подразумевается достижение следующих показателей:

- 1) строительство 3 учреждений культурно-досугового типа в г. Игарка, поселках Советская речка, Фарково;
- 2) строительство выставочного зала для Туруханского краеведческого музея;
- 3) строительство филиала библиотеки № 11 ЦИБС в п. Советская Речка;
- 4) строительство детской школы искусств в г. Игарке;
- 5) капитальный ремонт и реконструкция 39 учреждений культуры и образования;

---

²⁰⁹ Официальный портал Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/> (дата обращения: 01.04.2014).

²¹⁰ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

б) обучение за счет средств бюджета различным профильным специальностям в сфере культурной политики 40 человек;

7) в части организации мероприятий, способствующих созданию уникального образа территории, – проведение раз в два года Этнографического праздника «Астыган кярений» («Кеты празднуют») и ежегодных праздников День Оленевода, День Рыбака и День Реки.

Анализ существующего финансирования отрасли «культура» Туруханского муниципального района показывает, что удельный вес расходов на отрасль «культура» в бюджете муниципального образования, например, в 2014 году составил 205784,40 тыс. рублей, а в 2015 году – 209248,00 тыс. рублей (рост 1,7 %). Фактические расходы отрасли «культура» за 2015 год в расчёте на 1 жителя составили 12425,7 рубля²¹¹.

Программа реализации в Эвенкийском муниципальном районе Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы разработана с учетом следующих критериев:

– численность постоянного населения имеет тенденцию к снижению и составляет 15306 человек (по данным на 01.01.2017);

– количество населённых пунктов: 23, в том числе 2 населённых пункта с числом жителей менее 70 человек;

– сеть учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства: 25 библиотек; 20 учреждений культурно-досугового типа; 3 детские школы искусств; Эвенкийский краеведческий музей с двумя филиалами²¹².

Обеспеченность жителей района услугами учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства не в полной мере соответствует нормативам, рекомендованным распоряжением Правительства Российской

---

²¹¹ Культура Красноярского края в цифрах за 2014–2015 годы. С. 6.

²¹² Официальный портал Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/> (дата обращения: 01.04.2015).

Федерации от 03.07.1996 № 1063-р²¹³. В п. Кузьмовка отсутствует библиотека, в п. Оскоба – Дом культуры.

В административном центре Эвенкии – поселке Тура – действует окружной этнопедагогический центр повышения квалификации, целью работы которого является сохранение языка и культуры коренного населения. Центром издаются книги по эвенкийскому языку, фольклору, флоре и фауне, шитью бисером, традиционным музыкальным инструментам.

Основным учреждением культуры, осуществляющим деятельность по сохранению и развитию культуры, традиций прикладного и изобразительного творчества коренных народов Севера, фольклора, проведению национальных праздников является Центр Народного творчества. В то же время по причине отдаленности территории острой проблемой для коллективов является организация концертно-гастрольной деятельности как на территории муниципального образования, так и за его пределами.

Расчёт потребности в финансировании мероприятий, направленных на обеспечение нормативной потребности Эвенкийского муниципального района в объектах культуры и искусства, показывает, что на период до 2020 года общий объем средств, привлекаемых для реализации всех запланированных мероприятий, должен составлять 489063,0 тыс. рублей. При этом подразумевается достижение следующих показателей:

- 1) строительство 4 учреждений культурно-досугового типа в поселках Кузьмовка, Ессей, Куюмба, Муторай;
- 2) строительство Эвенкийского краеведческого музея в п. Тура;
- 3) строительство сельской библиотеки в п. Тутончаны;
- 4) капитальный ремонт и реконструкция 21 учреждения культуры и образования;
- 5) обучение за счет средств бюджета различным профильным специальностям в сфере культурной политики 70 человек;

---

²¹³ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

б) В части организации мероприятий, способствующих созданию уникального образа территории, – проведение ежегодного Международного форума «Тунгусский феномен».

Анализ существующего финансирования отрасли «культура» Эвенкийского муниципального района показывает, что удельный вес расходов на отрасль «культура» в бюджете муниципального образования, например, в 2014 году составил 274763,02 тыс. рублей, а в 2015 году – 312257,90 тыс. рублей (рост 13,6 %). Фактические расходы отрасли «культура» за 2015 год в расчёте на 1 жителя составили 20474,6 рубля²¹⁴.

В целом общий объем необходимого финансирования для достижения всех заявленных показателей в Таймырском Долгано-Ненецком, Туруханском и Эвенкийском муниципальных районах Красноярского края на период до 2020 года составляет более 2,2 млрд рублей без учета финансирования на текущую деятельность уже имеющихся учреждений культуры и образования в области культуры. В существующих социально-экономических реалиях выделение указанного объема финансовых средств не представляется возможным не только в краткосрочной, но и долгосрочной перспективах, так как консолидированный бюджет отрасли «культура» Красноярского края с учетом бюджетов всех муниципальных образований ежегодно в среднем составляет порядка 10 млрд рублей.

Если же обратиться к конкретным культурным практикам в художественном понимании данного термина, которые являются наиболее эффективными в сохранении культуры КМНС, то наибольший потенциал содержит декоративно-прикладное искусство (далее – ДПИ). Это связано с тем, что данный вид искусства являет собой наиболее эффективное сочетание духовных ценностей с экономической выгодой. Кроме того, именно ДПИ содержит наибольший потенциал в популяризации культуры коренных народов Российской Федерации в силу своей доступности и возможности практического применения в быту.

---

²¹⁴ Культура Красноярского края в цифрах за 2014–2015 годы. С. 7.

В соответствии с Основами государственной культурной политики, государство ставит перед собой задачу по сохранению этнических культурных традиций и поддержке основанного на них народного творчества, сохранению этнокультурного разнообразия как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей этнонациональной идентичности²¹⁵. Выполнение данной задачи может быть существенно затруднено без принятия соответствующих мер по сохранению и развитию ДПИ коренных малочисленных народов как одной из наиболее доступных форм конструирования самоидентификации данных народов.

Нормативное правовое регулирование в сфере сохранения ДПИ коренных малочисленных народов представлено несколькими законодательными актами на федеральном уровне. В качестве основных отраслевых законов можно выделить следующие:

- 1) Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-І «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»;
- 2) Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»;
- 3) Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах»;
- 4) Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»;
- 5) Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Приведенный выше перечень законодательных актов, регулирующих правоотношения заинтересованных субъектов в сфере ДПИ коренных малочисленных народов, не является исчерпывающим, так как в него не входят различные подзаконные акты, а также неотраслевое законодательство

---

²¹⁵ Основы государственной культурной политики Российской Федерации.

и региональное законодательство субъектов Российской Федерации в сфере культурной политики. Кроме того, в результате проведенной административной реформы в Российской Федерации органы местного самоуправления также получили право принимать на локальном уровне соответствующие нормативные правовые акты по вопросам местного значения в области культуры, обозначенным в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Необходимо отметить, что в контексте проводимого исследования понятия «декоративно-прикладное искусство» и «народный художественный промысел» следует считать синонимами и понимать как «одну из форм народного творчества, деятельность по созданию художественных изделий утилитарного и (или) декоративного назначения, осуществляемую на основе коллективного освоения и преемственного развития традиций народного искусства в определенной местности в процессе творческого ручного и (или) механизированного труда мастеров народных художественных промыслов»²¹⁶.

Возникшая ситуация связана с тем, что в нормативных правовых актах зачастую употребляется понятие «народный художественный промысел», а в теоретических и практических научных исследованиях, наоборот, понятие «декоративно-прикладное искусство». При этом необходимо отметить, что в соответствии с действующим законодательством меры государственной поддержки касаются лишь тех художественных промыслов, которые отнесены в установленном порядке к таковым. «Отнесение изделий к изделиям народных художественных промыслов осуществляется на основе решений художественно-экспертных советов по народным художественным промыслам, принимаемых по результатам рассмотрения представленных типовых образцов и уникальных изделий народных художественных

---

²¹⁶ О народных художественных промыслах: Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

промыслов. Эти решения принимаются в соответствии с перечнем видов производств и групп изделий народных художественных промыслов, который утверждается в порядке, устанавливаемом Министерством культуры Российской Федерации»²¹⁷.

Полномочия субъектов Федерации и органов местного самоуправления в части сохранения и развития ДПИ коренных малочисленных народов имеют слишком общие формулировки, такие как «поддержка народных художественных промыслов» и «участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов» и не предлагают конкретные меры поддержки или, хотя бы, обязательные требования к объемам и формам данной поддержки, что позволяет слишком общо трактовать указанные полномочия и минимизировать усилия органов исполнительной власти по их практической реализации.

В то же время для минимизации последствий широкой трактовки полномочий и выполнения собственных полномочий в сфере сохранения ДПИ коренных малочисленных народов, большинство субъектов Российской Федерации, на территории которых проживают представители КМНС, приняли собственные нормативные правовые акты (законы, постановления, программы социально-экономического развития и другие), регламентирующие данную сферу.

Так, в проекте Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года особо подчеркивается, что в отношении коренных малочисленных народов продолжится реализация политики, направленной на поддержку и развитие традиционного образа жизни и традиционных видов хозяйственной деятельности, поскольку в условиях активного промышленного освоения исконной среды обитания именно сохранение видов традиционного уклада и хозяйственной деятельности

---

²¹⁷ О народных художественных промыслах: Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

является основой существования малочисленных народов в качестве самостоятельных этнических общностей²¹⁸.

Кроме того, в 2013 году была принята государственная программа Красноярского края «Создание условий для повышения уровня традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края», утвержденная Постановлением Правительства Красноярского края от 30.11.2013 № 520-п. В соответствии с данной программой общий объем бюджетных ассигнований на реализацию программы составляет 2107237,5 тыс. рублей, в том числе:

– 2020685,4 тыс. рублей – средства краевого бюджета, 86552,1 тыс. рублей – средства федерального бюджета, в том числе по годам:

– 2014 год – 366002,4 тыс. рублей, из них 353438,6 тыс. рублей – средства краевого бюджета, 12563,8 тыс. рублей – средства федерального бюджета;

– 2015 год – 432191,7 тыс. рублей, из них 404186,8 тыс. руб. – средства краевого бюджета, 28004,9 тыс. рублей – средства федерального бюджета;

– 2016 год – 465674,1 тыс. рублей, из них 439145,6 тыс. рублей – средства краевого бюджета, 26528,5 тыс. рублей – средства федерального бюджета;

– 2017 год - 431412,1 тыс. рублей, из них 411957,2 тыс. рублей – средства краевого бюджета, 19454,9 тыс. рублей – средства федерального бюджета;

– 2018 год – 411957,2 тыс. рублей, из них 411957,2 тыс. рублей – средства краевого бюджета²¹⁹.

В то же время в соответствии с указанной программой предоставление материальной поддержки, в том числе в виде социальных выплат,

---

²¹⁸ Проект Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/2030/plan> (дата обращения: 01.04.2017).

²¹⁹ Государственная программа Красноярского края «Создание условий для повышения уровня традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края»: утв. Постановлением Правительства Красноярского края от 30.11.2013 № 520-п [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

предусматривается, прежде всего, для оленеводов, охотников и рыбаков и не касается мастеров декоративно-прикладного искусства.

В целом анализ регионального законодательства показывает, что основными нормативными правовыми актами, регламентирующими сохранение и развитие декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов, являются следующие виды региональных законов:

- о культуре;
- о коренных малочисленных народах;
- основы правовых гарантий КМНС;
- об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)

народов Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 № 631-р, были включены «художественные промыслы и народные ремесла (кузнечное и железоделательное ремесло, изготовление утвари, инвентаря, лодок, нарт, иных традиционных средств передвижения, музыкальных инструментов, берестяных изделий, чучел промысловых зверей и птиц, сувениров из меха оленей и промысловых зверей и птиц, иных материалов, плетение из трав и иных растений, вязание сетей, резьба по кости, резьба по дереву, пошив национальной одежды и другие виды промыслов и ремесел, связанные с обработкой меха, кожи, кости и других материалов)»²²⁰.

Следовательно, государство обязано оказывать поддержку данным видам традиционной хозяйственной деятельности. На сегодняшний день это реализовано далеко не в полной мере, несмотря на то, что имеются профильные государственные и муниципальные учреждения культуры (Дома творчества, музеи и т.д.), занимающиеся сохранением и развитием ДПИ

---

²²⁰ Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 № 631-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

коренных малочисленных народов, и систематически проводятся различные мероприятия по популяризации народных художественных промыслов.

Таким образом, в современных реалиях в Российской Федерации специфика реализации государственной культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов заключается в применении таких механизмов культурного проектирования, которые в меньшей степени учитывают особенности сохранения национальной культуры, а направлены на достижение среднероссийских показателей обеспеченности по ряду формальных признаков (например, наличие Дома культуры, библиотеки, зрительных мест и так далее). Причем 100 % достижение данных показателей, не только в случае с коренными народами, но и в любом другом, далеко не всегда может свидетельствовать о фактическом культурном развитии граждан Российской Федерации. Кроме того, можно констатировать отсутствие в правовом поле этнокультурных индикаторов качества жизни коренных народов и наличие большого количества различных экономических, социальных индикаторов, по достижению которых оценивается эффективность действующей государственной системы управления.

Во многом данная ситуация связана с тем, что при разработке конкретных механизмов реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов не учитывается мнение и пожелания самих народов, а в качестве эталона ставится достижение формальных, усредненных показателей. Кроме того, определенное несовершенство механизмов языковой политики зачастую приводит к тому, что представители коренных народов либо не владеют языком своей культуры, а только русским, либо, наоборот, владеют только родным языком и не знают русский, что существенно затрудняет их социализацию и формирование единого культурного пространства.

4.2. Динамика культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций

Динамику культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций определяет, с одной стороны, новый виток возвращения государства в качестве одного из наиболее активных субъектов культурного строительства, с другой – возникновение и активная деятельность множества новых субъектов культурной политики. При этом, данный процесс нельзя считать завершенным, он, наоборот, находится в стадии активного становления. Все это влечет изменение отношения к пониманию роли культурной политики как среди управленческой элиты и профессионального художественного сообщества, так и среди различных социальных групп. В то же время каждая из названных сторон отстаивает собственное видение целей и задач культурной политики в силу своих интересов, которые зачастую с культурологической точки зрения противоположны.

Следовательно, в действующей модели культурной политики Российской Федерации именно государство как основной субъект культурной политики является звеном, которому необходимо максимально учесть пожелания всех субъектов. Однако в условиях отсутствия утвержденных концептуальных документов, рассчитанных на долгосрочный период, достичь желаемого не представляется возможным в силу отсутствия понимания у субъектов культурной политики своей роли в формировании единого культурного пространства. Это и определяет культурологическую значимость принятия начиная с конца 2014 года ряда фундаментальных документов, определяющих концептуальное видение государством требований и ценностных ориентиров современного культурного строительства:

1) Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808;

2) Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р;

3) Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.05.2014 № 941-р;

4) Концепция развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.11.2015 № 2395-р;

5) Проект Концепции развития музейного дела в Российской Федерации на период до 2030 года;

6) Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утвержденные Распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 02.08.2017 № р-965;

7) ряд документов организационного характера (планы, изменение положений действующих органов исполнительной власти и других), направленных на раскрытие механизмов по реализации концептуальных документов.

Стоит отметить, что в период новейшей истории Российской Федерации не существовало прецедентов, когда за столь короткий промежуток времени (чуть более двух лет) на федеральном уровне было принято такое количество документов в сфере культурной политики, и данный процесс находится в активной фазе. Это еще раз подтверждает желание государства разобраться в собственном видении целей и задач культурной политики в условиях глобализационных процессов и одновременных попытках экономической изоляции со стороны ряда иностранных государств.

Разработка и принятие указанных выше документов ознаменовали собой начало процесса по корректировке или разработке, в случае их отсутствия, аналогичных документов сначала на региональном, а затем и на муниципальном уровнях. Кроме того, активно ведется создание концептуальных документов на федеральном уровне по отдельным направлениям культурной политики: развитие культурно-досуговой, библиотечной и музейной деятельности; возрождение отечественной традиции детского чтения; формирование облика исторических поселений и другие.

Стоит отметить, что, в отличие от федерального центра у некоторых субъектов Федерации и ранее существовали концептуальные документы, определяющие развитие культурной политики в конкретном регионе. Например, Постановлением Правительства Красноярского края от 20.01.2009 № 24-п были утверждены Основные направления стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы, Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 04.04.2006 № 350 утверждена Концепция развития сферы культуры Санкт-Петербурга на 2006–2009 годы и другие²²¹.

С целью реализации Основ государственной культурной политики Указом Президента Российской Федерации от 31.10.2016 № 581 была создана Общероссийская общественно-государственная организация «Российский фонд культуры», деятельность которой направлена на:

- консолидацию усилий государства и гражданского общества по созданию условий для стимулирования населения к творческой самореализации;
- сохранение культурных ценностей;
- возрождение культурных традиций;
- обеспечение популяризации российской культуры;

---

²²¹ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

– содействие развитию культурного потенциала субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 817 «О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики»²²² формируется Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной политики, которая должна обеспечивать согласованность действий органов исполнительной власти и организаций в целях выработки предмета единой государственной культурной политики и ее реализации. Это является крайне важным шагом для реализации Основ культурной политики, поскольку они разрабатывались под эгидой Администрации Президента Российской Федерации, что, в свою очередь, предполагало эффективное межведомственное взаимодействие между различными органами исполнительной власти и оперативное решение спорных моментов.

На данном этапе оценить эффективность создания и деятельности подобных структур не представляется возможным по причине отсутствия результатов деятельности. Тем не менее можно зафиксировать окончание периода самоустранения государства на федеральном уровне от концептуального определения основ собственной культурной политики. Следовательно, за 26 лет своего независимого существования в сфере культурной политики Российская Федерация прошла путь от изначального максимального освобождения себя как доминирующего субъекта от административного, финансового и идеологического бремени и переключения основного внимания на решение чисто социальных и экономических проблем до разработки актуальных для современных условий основ государственной культурной политики.

Так, в период существования СССР основной целью культурной политики являлось воспитание граждан в рамках коммунистической

---

²²² О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 817 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

идеологии. При этом проблемы бюджетного финансирования и совершенствования собственной финансовой эффективности для субъектов культурной политики не существовало, так как само государство являлось единственным субъектом, осуществляющим свою деятельность посредством развитой сети учреждений культуры всех типов и видов. Учреждения культуры систематически получали из государственного бюджета то количество средств, которое им было необходимо для реализации своей идеологической функции. Главное же заключается даже не в финансировании, а в жесткой централизации управления, функционировании крупных методических центров для каждого из типов учреждений культуры, указания которых являлись обязательными к исполнению. Таким образом, наличие идеологии и единых для всех государств, входящих в состав СССР, подходов к реализации культурной политики позволяло сформировать единое культурное пространство и четкую культурную самоидентификацию граждан.

В период с 1986 по 1991 год, когда началась «перестройка», перед учреждениями культуры ставилась задача внедрять платные формы деятельности, сохраняя при этом идеологическую функцию. Таким образом, можно зафиксировать изменение отношения к деловой активности, в результате учреждения культуры по-прежнему финансировались из бюджета, но включились в процесс поиска дополнительных внебюджетных средств. Кроме того, в данный период начали возникать проблемы с выделением необходимых объемов средств.

Начиная с 1991 года, когда экономика Российской Федерации как независимого государства стала перестраиваться на рыночные отношения, и был разрушен коммунистический строй с его однопартийностью, государство лишилось возможности выполнения прежних обязательств в полном объеме перед собственными институтами культуры. Данная ситуация повлекла за собой изначально появление первых частных субъектов культурной политики и существенное сокращение сети государственных

учреждений культуры, а в последствии административную реформу. В результате проведения данной реформы государство окончательно сбросило с себя финансовое и управленческое бремя посредством разграничения полномочий в области культуры на федеральный, региональный и муниципальный уровни.

Тем не менее в системе финансирования культуры Российской Федерации по-прежнему превалирует прямое бюджетное финансирование, а иные источники, доступные для субъектов культурной политики в некоторых западных государствах, в большинстве своем отсутствуют. Достижение данной задачи невозможно без изменения действующего законодательства в части предоставления существенных, а не формальных льгот субъектам, вкладывающим финансовые и иные ресурсы в развитие отечественной культуры, а также упрощения механизмов внедрения в деятельность государственных и муниципальных субъектов культурной политики новых форм платных услуг.

Таким образом, увеличение финансовой состоятельности государственных и муниципальных субъектов культурной политики – одна из основных задач Основ культурной политики и Стратегии культурной политики. По данным Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации, например, в 2014 году доля бюджетного финансирования в общем объеме финансовых поступлений отечественных учреждений культуры и искусства составляла в театрально-зрелищных учреждениях – 73,1 %, учреждениях музейного типа – 80,2 %, концертных организациях – 78,6 %, культурно-досуговых учреждениях – 91,2 %, детских образовательных учреждениях в области культуры – 91,1 % и библиотечных учреждениях – 98 %²²³.

При сохранении текущих условий функционирование всей сети государственных и муниципальных учреждений культуры и дальше будет

---

²²³ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

возможным только за счет бюджетных средств, однако, с учетом отсутствия возможности существенного увеличения выделяемых объемов бюджетного финансирования и одновременном устаревании материально-технической базы данных учреждений, можно прогнозировать постепенное сокращение их сети. Следовательно, развитие механизмов привлечения внебюджетного финансирования становится во многом определяющим моментом сохранения действующей сети государственных и муниципальных учреждений культуры.

Использование отечественного и зарубежного опыта формирования при определенных экономических условиях и налоговых льготах многоканальной системы финансирования культуры способствует привлечению значительных внебюджетных инвестиций и обеспечивает устойчивое развитие культуры в современных условиях.

В целом можно констатировать, что у государства начинается формирование представления о том, что осуществление экономической и социальной модернизации страны в исторически короткий срок, переход к интенсивному пути развития, обеспечивающему готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира, не представляются возможными без планомерных и последовательных инвестиций в человека, где культура является одним из основных инструментов таких инвестиций. В то же время, с учетом несовершенства действующего законодательства, дефицита ресурсов и определенного иждивенческого настроения работников бюджетной сферы, зачастую внедрение тех или иных механизмов совершенствования деятельности не всегда дает желаемый результат.

В связи с этим государство стало уделять существенное внимание проведению оценки качества деятельности государственных и муниципальных учреждений культуры, что также в ближайшей перспективе будет оказывать влияние на динамику культурной политики. Это связано с тем, что результаты данной оценки могут оказать влияние не только на кадровые решения, но и на уровень обеспечения деятельности учреждений

бюджетным финансированием. Возникшая ситуация существенно изменила подходы к оценке эффективности реализации культурной политики, представленные на сегодняшний день несколькими основными механизмами количественной и качественной направленности, обзор которых будет представлен далее. Прежде чем приступить к рассмотрению действующих подходов, следует сказать, что в целом основная проблема оценки эффективности реализации культурной политики, по сравнению с другими отраслями социально-культурной сферы, заключается в многопрофильности сети учреждений культуры (библиотечные учреждения, культурно-досуговые учреждения, театральные зрелищные учреждения, музейные учреждения, парки культуры и отдыха и другие), что требует разработки индивидуальных показателей оценки для каждого из типов и видов и невозможности их сравнения между собой. Образовательные учреждения в области культуры и искусства (детские художественные, музыкальные школы, ссузы и вузы) вообще одновременно функционируют в рамках действующего законодательства не только о культуре, но и об образовании.

В качестве первого механизма оценки эффективности реализации культурной политики следует обозначить оценку деятельности учреждений культуры по выполнению государственного (муниципального) задания. Именно на основе результатов и динамики выполнения государственного (муниципального) задания учредитель (государство либо муниципалитет) принимает решение о необходимых объемах финансирования учреждений культуры и показателях, которые должны быть достигнуты в результате выполнения задания. Стоит отметить, что внедрение данного механизма в практику государственного и муниципального управления произошло относительно недавно – в связи с принятием Федерального закона от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и

приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации»²²⁴.

В соответствии со ст. 69.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации государственное (муниципальное) задание должно содержать:

«– показатели, характеризующие качество и (или) объем (содержание) оказываемых государственных (муниципальных) услуг (выполняемых работ);

– порядок контроля за исполнением государственного (муниципального) задания, в том числе условия и порядок его досрочного прекращения;

– требования к отчетности об исполнении государственного (муниципального) задания.

Государственное (муниципальное) задание на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ) формируется в соответствии с ведомственным перечнем государственных (муниципальных) услуг и работ, оказываемых (выполняемых) государственными (муниципальными) учреждениями в качестве основных видов деятельности»²²⁵.

В сфере культурной политики основными наиболее универсальными показателями, как правило, являются: количество посетителей; количество мероприятий; количество новых постановок и концертных программ; показатели, связанные с пополнением и сохранностью библиотечных и музейных фондов и другие. Соответственно, перечисленные показатели являются количественными и напрямую не могут свидетельствовать об эффективности реализации культурной политики. Например, одним из основных показателей является количество посетителей, участников, учащихся и т. д., однако, действующая система учета в ряде случаев имеет

---

²²⁴ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²²⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

свои нюансы, которые позволяют учреждениям искусственно завышать значения данного показателя. Следовательно, выполнение государственного задания далеко не всегда означает, что то или иное учреждение является востребованным и отвечает актуальным культурным потребностям населения.

В связи с этим в сложившихся условиях особую значимость представляет то, что одной из задач, обозначенных в Основах культурной политики, является переход от количественной системы оценки к качественной. В то же время решение данной задачи требует кардинального пересмотра действующей системы учета и изменения законодательства.

Вторым механизмом оценки эффективности реализации культурной политики, который также необходимо отнести к количественному подходу, является оценка обеспеченности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований учреждениями культуры всех типов и видов. Следует отметить, что принятие в 2014 году Основ государственной культурной политики Российской Федерации повлекло за собой разработку на уровне Министерства культуры Российской Федерации принципиально новых Методических рекомендаций субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утвержденных Распоряжением министерства культуры Российской Федерации от 27.07.2016 № Р-948²²⁶, речь о которых уже шла в п. 3.2 диссертационного исследования. В указанных рекомендациях государство впервые официально признает существование субъектов культурной политики частной формы собственности и делает их неотъемлемой частью культурного строительства.

До момента принятия данных методических рекомендаций основными документами, определяющими развитие сети учреждений культуры в

---

²²⁶ Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры: утв. распоряжением Министерства культуры РФ от 27.07.2016 № Р-948 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Российской Федерации, являлись: Социальные нормативы и нормы, одобренные распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.07.1996 № 1063-р, и Методика определения нормативной потребности субъектов Российской Федерации в объектах социальной инфраструктуры, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.10.1999 № 1683-р, с изменениями, утвержденными распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.11.2009 № 1767-р²²⁷.

Следует отметить, что все перечисленные документы зачастую противоречат друг другу в определении необходимых объемов учреждений культуры в том или ином населенном пункте, особенно это касается культурно-досуговых учреждений. В связи с этим на федеральном уровне активно велась работа по приведению к единообразию государственных подходов в данной области и разработке универсального документа.

В результате проделанной работы Распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 02.08.2017 № р-965 были утверждены новые Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры (далее – Методические рекомендации от 2017 года).

Методические рекомендации от 2017 года разработаны с целью обеспечения доступности организаций культуры путем оптимального размещения сети организаций культуры с учетом норм минимально необходимых видов организаций культуры и нормативов обеспеченности населения организациями культуры.

В качестве норматива устанавливается сетевая единица, за которую принимаются «некоммерческие организации культуры и искусства всех форм собственности, оказывающие услуги в пределах одного здания (помещения),

---

²²⁷ Методика определения нормативной потребности субъектов Российской Федерации в объектах социальной инфраструктуры: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.10.1999 № 1683-р, с изменениями, утв. распоряжением Правительства РФ от 23.11.2009 № 1767-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

а также их филиалы либо отделы, оказывающие услуги в отдельно стоящих зданиях, либо в помещениях учреждений культуры иных функциональных видов, либо в помещениях иных населенных пунктах»²²⁸.

Структура сети организаций культуры должна предусматривать в каждом субъекте Российской Федерации и муниципальном образовании минимальный перечень организаций культуры различных функциональных видов деятельности, установленный Социальными нормативами и нормами. Следовательно, рекомендованные нормативы устанавливают минимально допустимый уровень обеспеченности организациями культуры и искусства.

Принципиальным отличием друг от друга методик, разработанных в девяностых годах, и Методических рекомендаций от 2017 года является то, что более ранние методики включали в себя нормативы по размещению не только сети учреждений культуры и искусства, но и образования, здравоохранения, физической культуры и спорта. Следовательно, Методические рекомендации от 2017 года разработаны профильным ведомством и специально только для сферы культурной политики, что позволяет в большей степени учесть ее специфику. С одной стороны, принятие новых методических рекомендаций является позитивным моментом, с другой – столь частое изменение нормативных требований к таким фундаментальным показателям, как обеспеченность сетью учреждений культуры, и разнообразие действующих методик вносит определенную путаницу и непонимание при разработке подходов к реализации культурной политики на региональном и муниципальном уровнях.

Тем не менее еще одним важным отличием новых Методических рекомендаций от 2017 года, которое можно отнести к отрицательным моментам, является то, что из них исключены нормативы по размещению детских образовательных учреждений в области культуры и искусства, хотя данный тип учреждений является одним из основных по решению задач

---

²²⁸ Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры: утв. Распоряжением Министерства культуры РФ от 02.08.2017 № р-965 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

культурной политики по приобщению молодежи к отечественной культуре и подготовке кадров для большинства субъектов культурной политики.

Следует обозначить условия оптимального размещения объектов культуры, которые должны учитывать:

- имеющуюся обеспеченность населения объектами культуры;
- функциональное многообразие организаций культуры;
- специфику территории, в том числе: культурно-исторические особенности; численность, плотность и демографический состав населения; природно-климатические условия; транспортную инфраструктуру и социально-экономические особенности развития региона;
- прогноз изменения демографического состава населения и бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации (муниципального образования).

В качестве критериев доступности организаций культуры выделяются:

- возможность выбора организаций культуры;
- развитие выездных, электронных, дистанционных и иных форм предоставления услуг;
- возможность получения гражданами услуг организаций культуры исходя из уровня их доходов и с учетом установленных льгот;
- сохранение бесплатности для населения основных услуг общедоступных библиотек и занятий любительским искусством;
- полнота, актуальность и достоверность информации о порядке предоставления услуг организациями культуры;
- наличие организаций культуры для детей;
- наличие в организациях культуры условий предоставления услуг людям с ограниченными возможностями жизнедеятельности²²⁹.

---

²²⁹ Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры: утв. Распоряжением Министерства культуры РФ от 02.08.2017 № р-965 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Крайне важным является последний критерий, так как до недавнего времени доступность большинства традиционных институтов культуры для людей с ограниченными возможностями была минимальной. Это еще один момент, определяющий динамику культурной политики на современном этапе, когда ее субъекты начали работу не только по физической доступности своих услуг, но и по внедрению в деятельность специализированных продуктов, максимально адаптированных для различных категорий пользователей.

Следовательно, впервые в реалиях культурной политики на государственном уровне обозначены требования к обеспечению условий доступности организаций культуры для людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов²³⁰.

Еще одним новым положением методических рекомендаций является то, что оптимальное территориальное размещение сетевых единиц организаций культуры может быть достигнуто путем их укрупнения (присоединения) за счет организаций, загруженных менее чем на 50 % (за исключением учреждений, расположенных в сельской местности), а также за счет создания организаций, предоставляющих комплексные услуги, в том числе на условиях государственно-частного партнерства.

Таким образом, на региональном и муниципальном уровнях в ближайшее время необходимо провести оценку сети действующих институтов культуры на предмет соответствия современным требованиям. Особо стоит подчеркнуть, что Методические рекомендации от 2017 года предъявляют гораздо более лояльные требования к сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры по сравнению с ранее принятыми нормативами. Во многом это связано с тем, что при расчете обеспеченности теперь должны учитываться не только

---

²³⁰ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

учреждения культуры всех форм собственности (государственные, муниципальные, частные), но и имеющиеся информационно-коммуникационные технологии доступа к электронным ресурсам (справочно-библиографическим системам, онлайн-трансляциям концертов и спектаклей, виртуальным экскурсиям) и организации гастролей. Кроме того, снижены требования к количеству учреждений культуры в зависимости от численности населения. В связи с этим с большой долей вероятности можно прогнозировать в течение ближайших трех лет новый виток сокращения сети учреждений культуры на муниципальном уровне, в первую очередь, в сельской местности.

В качестве третьего механизма оценки эффективности реализации культурной политики, который необходимо отнести к качественному подходу, следует выделить внедрение независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры. Данная оценка является одной из форм общественного контроля, который проводится в целях предоставления гражданам информации о качестве оказания услуг организациями культуры, а также в целях повышения качества их деятельности.

Независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры предусматривает оценку условий оказания услуг по таким общим критериям, как открытость и доступность общей информации об учреждении культуры; доброжелательность, вежливость, компетентность сотрудников учреждения культуры; комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения; удовлетворенность качеством оказания услуг; время ожидания предоставления услуги. В качестве минуса данного подхода можно отметить то, что результаты независимой оценки могут вступить в противоречие с оценкой эффективности деятельности того или иного учреждения учредителем либо же существенно зависеть от конкретных социально-экономических условий, в которых функционирует учреждение, например, в сельской местности, где у граждан отсутствует возможность сравнить качество предоставляемых услуг учреждениями одного и того же типа. В то

же время показатели независимой оценки являются универсальными и не учитывают данную специфику.

Более того, наличие определенных услуг, например, продажи билетов посредством телекоммуникационной сети Интернет, или наличие сайта может быть ограничено отсутствием технических возможностей (отсутствие Интернета как такового в населенном пункте) для организации данной услуги в принципе, однако это автоматически повлечет за собой снижение рейтинга учреждений культуры в подобном населенном пункте.

Важным аспектом является то, что проведение данной оценки, скорее всего, в ближайшей перспективе будет передано на уровень некоммерческих организаций, что должно в идеале максимально объективизировать организацию данного процесса. В то же время качество организации процесса оценки будет во многом зависеть от профессиональных компетенций некоммерческой организации. Кроме того, в соответствии с действующим законодательством независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры в отношении одних и тех же организаций должна проводиться не чаще чем один раз в год и не реже чем один раз в три года, то есть системно.

Четвертым механизмом оценки эффективности реализации культурной политики, который необходимо также отнести к качественному подходу, является проведение различными субъектами и собственно учреждениями культуры социологических исследований по оценке эффективности их деятельности и востребованности в обществе в целом.

В данном механизме, как правило, исследуются определенные аспекты деятельности субъектов культурной политики или потребности конкретных социальных групп граждан, например, в проведении семейного досуга и качества имеющихся услуг в данной области. Следовательно, данный механизм, как и все предыдущие, не может являться универсальным и исчерпывающим. Более того, объективность полученных результатов во многом зависит от профессиональной компетентности разработчиков той или

иной методики оценки и организации собственно процесса сбора и обработки необходимых данных, что автоматически делает данный механизм одним из самых затратных, что в условиях финансово-экономического кризиса и постоянного дефицита ресурсов крайне проблематично. В случае с рассмотренными ранее механизмами их применение и реализация осуществляется за счет имеющегося административно-управленческого аппарата и бюджета, даже если речь идет о привлечении некоммерческих организаций.

Таким образом, анализ свидетельствует о том, что действующие механизмы оценки эффективности реализации культурной политики в Российской Федерации каждый по отдельности обладают как положительными, так и отрицательными свойствами, однако можно констатировать, что в современных реалиях отсутствует комплексный (качественно-количественный) подход к проведению подобной оценки, что зачастую приводит к неполноте и необъективности полученных результатов, особенно на муниципальном уровне. Кроме того, результаты оценки напрямую влияют на корректировку содержания деятельности традиционных институтов культуры. Соответственно, то, насколько корректно применяется та или иная методика и грамотно составлены критерии оценки, и, как следствие, полученные результаты во многом будут влиять на динамику государственной культурной политики в целом и в части деятельности традиционных институтов культуры государственной и муниципальной форм собственности.

Если же обратиться к содержательным аспектам, которые могут оказать существенное влияние на динамику культурной политики Российской Федерации в ближайшем будущем, то они достаточно подробно раскрыты в Основах и Стратегии государственной культурной политики. В частности:

- размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии;
- разрыв единого культурного пространства;
- снижение интеллектуального и культурного уровня граждан;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения, в том числе в связи с активной маргинализацией широких слоев населения;
- атомизация общества в результате разрыва социальных связей, роста индивидуализма и пренебрежения к правам других;
- пропаганда вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости;
- снижение роли русского языка, качества его преподавания в Российской Федерации и за рубежом;
- попытки фальсификации российской и мировой истории²³¹.

Кроме того, по результатам проведенного экспертного интервью следует выделить следующие содержательные аспекты, влияющие на динамику культурной политики Российской Федерации:

- оторванность большинства субъектов Российской Федерации от мирового культурного процесса и, как следствие, неприятие современных культурных практик, за исключением продуктов массовой культуры;
- потеря культурной самоидентификации населением и отсутствие действенных механизмов по ее формированию в условиях недопустимости наличия общегосударственной идеологии в соответствии с Конституцией Российской Федерации;
- отсутствие системной информационной политики по продвижению лучших образцов отечественных культурных практик в медиапространстве;

---

²³¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

– возрастание влияния социальных сетей и общественных деятелей, зачастую не имеющих профессиональных связей со сферой культурной политики, на художественные процессы в государственных и муниципальных учреждениях культуры;

– смешанный характер городских общественных пространств: первые проекты в контексте новых индустрий культурного и спортивного досуга на фоне доминирующих пока постсоветских пространственных форм;

– сохранение низкого социального статуса работников культуры, как следствие, традиционное предпочтение множества низкооплачиваемых работников небольшому числу эффективных с высокими зарплатами и, разумеется, «советская традиция» оплаты труда работников в сфере культурной политики по остаточному принципу;

– отсутствие актуальных квалификационных требований к профильным специальностям в учебных заведениях, соответствующих запросам времени;

– отсутствие единой от муниципалитетов до федерации системы диагностики и поддержки талантливых детей, начиная с дошкольного возраста, единого банка данных; доступных методических ресурсов для родителей, разработанных экспертами;

– неравномерность поддержки традиционных институтов культуры и культурных практик по отношению к столицам (доминирование), крупным городам, малым городам и селам – часто вне зависимости от их художественной ценности.

На наш взгляд, одним из самых опасных содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, является неравномерность поддержки традиционных институтов культуры и культурных практик как между столичными регионами и всеми остальными, так и внутри отдельных субъектов Федерации, особенно между городской и сельской местностью. Это определяет существующие региональные диспропорции и затрудняет не только формирование единого

культурного пространства, но и культурной самоидентификации населения. Региональные диспропорции в применении тех или иных механизмов культурной политики проявляются в зависимости от ряда показателей. Например, от обеспеченности институтами культуры, финансирования и доступности культурных институтов для широких слоев населения, активности местного сообщества (общественные организации, бизнес, органы местного самоуправления и другие), наличия квалифицированных кадров и возможностей для их привлечения и так далее.

В подтверждение следует привести данные, обозначенные в Стратегии культурной политики: «Несмотря на то, что региональная дифференциация расходов на культуру и искусство в процентном отношении от валового регионального продукта демонстрирует в последние годы тенденцию к снижению (с 10 раз в 2010 году до 6,5 раза в 2013 году), региональные различия в обеспеченности и развитости инфраструктуры продолжают оставаться значительными. В частности, региональная дифференциация посещаемости как театров, так и концертных организаций в расчете на 1000 жителей в 2012 году составила 17-кратную величину, а показатели посещений музеев на 1000 жителей в ряде регионов в 50 раз ниже аналогичного показателя столичных городов»²³².

В гораздо более критическом положении находится инфраструктура культурной политики в сельской местности, которая по-прежнему выполняет функцию сохранения традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия. Так, согласно приведенным в Стратегии культурной политики данным, «в сельской местности в 2014 году действовало около 72 тыс. учреждений культуры (80 % общего количества учреждений культуры Российской Федерации). При этом сеть сельских клубных учреждений по сравнению с 1990 годом сократилась на 23 % (14,2 тыс. единиц), что объясняется рядом причин:

---

²³² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

– масштабная приватизация государственных учреждений культуры в 1990-х годах;

– укрупнение сельских населенных пунктов в рамках реформы местного самоуправления на фоне снижения числа сельских населенных пунктов с численностью меньше 2 тыс. человек (с 25 тыс. в 1989 году до 23,4 тыс. в 2010 году);

– сокращение численности сельских населенных пунктов за 20 лет на 1,5 тыс.;

– реорганизация сельских учреждений культуры путем объединения клубов, музеев и библиотек в единые многофункциональные центры»²³³.

В то же время материально-техническая база значительной части сельских учреждений культуры, являющихся муниципальными, сформирована в 70-е – 80-е годы и в 42 % из них не обновлялась. Треть зданий сельских учреждений культуры находится в неудовлетворительном состоянии, 32 % требуют капитального ремонта, износ оборудования в среднем составляет 70 %. Все это существенно затрудняет привлечение местного населения к культурно-досуговой деятельности, когда зачастую собственные технические возможности граждан превышают возможности учреждений культуры, например, в компьютерной, кинопроекционной технике.

В большинстве субъектов Российской Федерации диспропорции в обеспеченности инфраструктурой культурной политики испытывают и малые города, которые, как правило, являются административными центрами сельских районов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации насчитывается 781 малый город с численностью населения до 50 тыс. жителей, в которых проживает до 25 % населения Российской Федерации²³⁴.

---

²³³ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

²³⁴ Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 20.05.2017).

В то же время, согласно данным Стратегии культурной политики, за последние 25 лет в Российской Федерации сеть традиционных институтов культуры государственной и муниципальной форм собственности по ряду типов возросла. Например, количество театров выросло в 1,7 раза (с 382 театров в 1990 году до 661 театра в 2014 году), количество музеев – в 2 раза (с 1315 музеев в 1990 году до 2731 музея в 2014 году), а также существенно увеличилось количество концертных организаций и самостоятельных коллективов. При этом количество культурно-досуговых центров за 1990–2014 годы снизилось с 73,2 тыс. до 36,9 тыс. Сократилось количество библиотек, что обусловлено уменьшением численности населения, в том числе, проживающего в сельской местности, ведущего традиционный образ жизни, распространением домашних форм проведения досуга, развитием информационно-коммуникационных технологий, а также процессами оптимизации бюджетной сети в рамках проведения реформы бюджетного сектора.

Несмотря на сокращение количества учреждений культурно-досугового типа, число клубных формирований выросло в 1,3 раза за 20 лет (с 305,1 тыс. единиц в 1995 году до 414 тыс. единиц в 2014 году), число участников клубных формирований увеличилось в 1,3 раза по сравнению с уровнем 1995 года и в 2014 году составило 6,2 млн человек (1995 год – 4,6 млн человек).

Численность работников в сфере культурной политики, в том числе в федеральных и региональных учреждениях культуры, выросла с 668,3 тыс. человек в 1990 году до 778,4 тыс. человек в 2014 году. Также выросло число работников, занятых в театрах, концертных организациях, детских школах искусств, музеях, при этом сократилось число работников, занятых в библиотеках, вследствие постепенного перехода ряда библиотек на электронные носители и формирования в регионах многопрофильных

центров, где обеспечивается доступ к книжным фондам и другим ресурсам в электронном виде²³⁵.

Таким образом, анализ содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, демонстрирует начало этапа активного поиска государством наиболее оптимальной модели культурной политики в условиях дефицита ресурсов, отвечающей ее концептуальным целям и задачам. В то же время налицо желание государства организовать данный процесс без радикальных финансовых инвестиций в инфраструктуру отрасли и изменения действующих подходов к оценке эффективности реализации культурной политики от количественных к качественным. Прямым подтверждением служит принятие Постановления Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 891 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Культура России (2012–2018 годы)», согласно которому общий объем финансирования ФЦП «Культура России (2012–2018 гг.)» сокращен с 184,6 млрд руб. до 146,8 млрд руб.²³⁶, то есть на 20 %. На сегодняшний день, в связи с активным внедрением программно-целевого метода планирования и действующей системой государственного управления, инструмент федеральных целевых программ является одним из немногих, позволяющих привлекать федеральное финансирование на региональный и муниципальный уровни, которые испытывают дефицит собственных финансовых ресурсов.

Возникшая ситуация, заключающаяся в несоответствии декларируемых содержательных целей и задач принимаемым в практической плоскости решениям, вызывает опасения, так как в результате возникшего дисбаланса, существующие негативные тенденции в сфере культурной политики могут только усилиться и привести к еще большему разрыву имеющихся единых ценностных ориентаций населения.

---

²³⁵ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

²³⁶ О внесении изменений в федеральную целевую программу «Культура России (2012–2018 годы)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 891 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Основные выводы главы 4:

Специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания КМНС, заключается в применении таких механизмов, которые в меньшей степени учитывают особенности сохранения национальной культуры, а направлены на достижение среднероссийских показателей обеспеченности по ряду формальных признаков (например, наличие Дома культуры, библиотеки, зрительных мест и так далее). Причем, 100 % достижение данных показателей, не только в случае с коренными народами, но и в любом другом, далеко не всегда может свидетельствовать об их фактическом культурном развитии. Кроме того, можно констатировать отсутствие в правовом поле этнокультурных индикаторов качества жизни коренных народов и наличие большого количества различных экономических, социальных индикаторов, по достижению которых оценивается эффективность действующей системы управления.

Во многом данная ситуация связана с тем, что при разработке конкретных механизмов не учитывается мнение и пожелания самих народов, а в качестве эталона ставится достижение формальных, усредненных показателей. Кроме того, определенное несовершенство механизмов языковой политики зачастую приводит к тому, что представители коренных народов либо не владеют языком своей культуры, а только русским, либо, наоборот, владеют только родным языком и не знают русский, что существенно затрудняет их социализацию и формирование единого культурного пространства.

Динамику культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций определяет, с одной стороны, новый виток возвращения государства в качестве одного из наиболее активных субъектов культурного строительства, с другой – возникновение и активная деятельность множества новых субъектов культурной политики. При этом, данный процесс нельзя считать завершенным, он, наоборот, находится в

стадии активного становления. Все это влечет изменение отношения к пониманию роли культурной политики как среди управленческой элиты и профессионального художественного сообщества, так и среди различных социальных групп. В то же время каждая из сторон отстаивает собственное видение целей и задач культурной политики в силу своих интересов, которые зачастую с культурологической точки зрения противоположны. Следовательно, в действующей модели культурной политики России, государство как основной субъект культурной политики является звеном, которому необходимо максимально учесть интересы всех остальных субъектов.

В период новейшей истории России еще никогда ранее за промежуток чуть более двух лет на федеральном уровне не было принято такое количество документов, напрямую относящихся к культурной политике. Заметим, что данный процесс находится в активной фазе. Все это подтверждает потребность государства определиться с целями и задачами культурной политики в условиях глобализационных процессов, а также попытках экономической изоляции со стороны ряда иностранных государств.

Анализ содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, демонстрирует начало этапа активного поиска государством модели культурной политики, оптимальной в условиях дефицита ресурсов и отвечающей ее целям и задачам. В то же время государство стремится организовать данный процесс без радикальных финансовых инвестиций в инфраструктуру сферы культуры и изменения действующего законодательства.

Возникшая ситуация, заключающаяся в несоответствии декларируемых содержательных целей и задач принимаемым в практической плоскости решениям, вызывает опасения, так как в результате возникшего дисбаланса существующие негативные тенденции в сфере культурной политики могут только усилиться и привести к еще большему разрыву имеющихся единичных ценностных ориентаций населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные в диссертационной работе исследования показывают, что в современной российской культурологии понятие «культура» понимается в следующих значениях: культура как система ценностей; культура как система знаков и символов; культура как вся человеческая деятельность; культура как процесс идеалообразования, создания эталонов, образцов. В русле данного диссертационного исследования понятие «культура» выстраивается на основе концепции идеалообразования, что соответствует декларируемому в Основах государственной культурной политики Российской Федерации тезису о том, что государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, нравственных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Знание собственной культуры и традиций, а также участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры и позволяет раскрыть творческие способности, которые способствуют не только духовному развитию, но и являться одним из механизмов экономического развития государства.

В то же время существующие в научном дискурсе типологизации моделей культурной политики позволяют зафиксировать принципиальное различие между рассмотрением культурной политики на теоретико-методологическом уровне и на уровне конкретных управленческих решений. В результате имеющиеся трактовки понятия «культурная политика» и типологизации моделей культурной политики рассматриваются без привязки к категории «социальное время», что приводит к нивелированию особенностей развития различных типов обществ (премодерн, модерн, постмодерн). Это особенно актуально для Российской Федерации, так как в силу географических, административно-территориальных и культурных характеристик, в современной России сосуществуют все указанные типы.

В парадигме преמודерна находятся жители отдаленной сельской местности и коренные народы, ведущие традиционный (в том числе кочевой) образ жизни; общество модерна наиболее ярко можно проследить на примере крупных городов, образующих агломерации с близлежащими сельскими территориями, – в данной парадигме проживает подавляющее большинство жителей страны; в качестве репрезентанта парадигмы постмодерна выступают два основных российских кластера (Москва–Санкт-Петербург и Томск–Новосибирск), характеризующихся высокими темпами внедрения цифровой экономики и занятостью населения в сфере услуг, применением автоматизации и робототехники на производствах, особым форматам информационного и медиапространства, динамичными формами социальности, их непостоянством, формированием нового типа виртуальных и динамичных сообществ в глобальном масштабе, большой значимостью культурных и креативных индустрий.

Следовательно, моделирование культурной политики имеет смысл только по отношению к конкретным государственным образованиям и типам государственного устройства и не предполагает прямого копирования и повторения аналогичных результатов в иных государственных образованиях. Более того, реализация культурной политики даже в пределах отдельно взятого государства должна предполагать такие механизмы, которые учитывают мировоззренческие особенности развития каждого из типов обществ, формирующих данное государство.

Таким образом, под культурной политикой следует понимать систему человеческой деятельности, включающую в себя ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощению в социально-культурной действительности посредством механизмов, учитывающих специфику мировоззрения различных типов обществ (преמודерн, модерн, постмодерн).

В качестве одного из важнейших результатов реализации культурной политики может выступать формирование гражданского российского национализма, в котором в качестве этнокультурной основы востребованы интегральные культурные продукты, снимающие в себе противоречия культурного наследия тех этнических групп, которые сегодня участвуют в процессе создания национального государства. Безусловно, это требует особого контроля со стороны государства за процессами формирования местных элит в субъектах, образованных по национальному признаку.

При определении конкретных механизмов реализации культурной политики особое внимание следует уделить тому, что, как правило, не учитывается технократией, – культурным практикам, так называемой «мягкой силой». Это связано с тем, что именно здесь возможны мегаломанические национальные проекты, которые часто заканчиваются политическим расколом.

Таким образом, формирование гражданского национализма предшествует конструированию нации, но процесс конструирования нации не статичен, а динамичен. Необходимы постоянно действующие (в том числе, интеллектуальные) силы, которые будут создавать, транслировать, развивать, усиливать конструирование гражданской российской нации как гражданско-политической общности, консолидированной на основе исторической российской государственности. Разумеется, что данный процесс обладает определенной спецификой в связи с глобализационными процессами.

В качестве еще одного основного результата реализации культурной политики может выступать выработка и внедрение в сознание человека норм социально-культурной адекватности жизни в той или иной социально-культурной группе и допустимых способов осуществления тех или иных практических или символических действий, отражающих социально-культурный опыт данного общества, его исторически сложившиеся организационно-регулятивные формы, межпоколенное наследование

традиционных культурных норм, а также их постепенную изменчивость и обновление. Как следствие, закрепление и выражение жизненно важных, наиболее сущностных аспектов конкретной социально-культурной реальности, без которых современное российское общество не может полноценно функционировать.

Действующая модель государственной культурной политики в Российской Федерации на современном этапе закрепляет позиции государства в качестве основного субъекта культурной политики, выполняющего несколько ролей:

- инвестора, для которого важны эффективность инвестиций и управленцев государственных и муниципальных институтов культуры, и который делегирует часть собственной ответственности и функций общественным институтам;

- мецената, финансирующего культурную деятельность;

- соинвестора, софинансирующего мероприятия и расходные полномочия субъектов Российской Федерации и выступающего в рамках государственно-частного партнерства.

Основным базовым культурным процессом является формирование единого культурного пространства, разрушенного в результате развала СССР. В то же время для современного культурного пространства Российской Федерации характерен ряд существенных проблем, мешающих формированию его однородности, в частности:

- неспособность государственных и муниципальных институтов культуры удовлетворять актуальные культурные потребности всех социально-культурных групп, составляющих российское общество;

- оторванность большинства субъектов Российской Федерации от мирового культурного процесса и, как следствие, неприятие частью населения современных культурных практик, за исключением продуктов массовой культуры;

- нивелирование традиционных ценностей и норм в связи с наличием разнообразных локальных культур и глобализационными процессами;
- неготовность отрасли культуры к функционированию в рыночных условиях;
- потеря культурной самоидентификации населением и отсутствие действенных механизмов по ее формированию в условиях отсутствия общегосударственной идеологии;
- отсутствие системной информационной политики по продвижению лучших образцов отечественных культурных практик в медиапространстве;
- влияние социальных сетей и общественных деятелей, зачастую не имеющих профессиональных связей со сферой культуры, на художественные процессы в традиционных институтах культуры;
- сохранение низкого социального статуса работников культуры;
- неравномерность поддержки традиционных институтов культуры и культурных практик по отношению к столицам (доминирование), крупным городам, малым городам и селам – часто вне зависимости от их художественной ценности.

В качестве базовых субъектов культурной политики в Российской Федерации выделяются государство и различные общественные институты, так как именно данные субъекты полностью определяют форму и содержание культурной политики. В то же время, в связи с активным становлением гражданского общества в Российской Федерации, все большую роль приобретают профильные социально-ориентированные некоммерческие организации. Многие из них все чаще выбирают в качестве одной из основных целей собственной деятельности не только удовлетворение образовательных, профессиональных, познавательных и других интеллектуальных потребностей населения, но и повышение средствами просветительской работы уровня духовно-нравственной культуры граждан.

В связи с произошедшей административной реформой в Российской Федерации возник новый, самый массовый субъект культурной политики, –

муниципалитеты (местное самоуправление), которые в силу переходного периода только пытаются занять свое место в культурном пространстве. В целом объем полномочий органов местного самоуправления в сфере культурной политики можно условно разделить на девять групп:

1) организовывать библиотечное обслуживание населения поселенческими, межпоселенческими и городскими библиотеками и комплектовать их библиотечные фонды;

2) создавать условия для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры;

3) создавать условия для развития местного традиционного народного художественного творчества;

4) участвовать в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов;

5) охранять и сохранять объекты культурного наследия местного значения;

6) создавать условия для массового отдыха жителей и организовывать обустройство мест массового отдыха;

7) организовывать предоставление дополнительного образования;

8) формировать и содержать муниципальный архив;

9) право создавать муниципальные музеи.

Изучение специфики правового подхода к осуществлению культурной политики в условиях федеративного государства показывает, что парадигма современной российской культуры включает федеративную культурную политику, имеющую федеральный, региональный и муниципальный уровни. Взаимосвязанные между собой они имеют существенные особенности. В то же время сегодня наиболее разработанным является федеральный уровень культурной политики, однако, государство в существующих условиях не может эффективно реализовывать поставленные задачи в силу несовершенства нормативной правовой базы и произошедшей децентрализации системы управления.

В целом следует выделить следующие тенденции развития законодательства в сфере культурной политики:

– Перенос регулятивного центра с определением принципов, целей, задач культурной политики с законодательного уровня на уровень акта главы государства, о чем свидетельствует принятие Основ государственной культурной политики, где впервые четко обозначена позиция о необходимости целенаправленного государственного воздействия на культуру с целью культурного воспитания граждан, формирования определенного типа личности.

– Реализация и развитие в законодательстве конституционного начала правового регулирования отношений в сфере культурной политики. Следовательно, законодатель, ограничен в своей воле и связан конституционными положениями, поэтому любые изменения законодательной регламентации сферы культурной политики должны оцениваться с точки зрения конституционных принципов и целей, и с такими свободами, как свобода мысли и слова, вероисповедания.

– Важнейшей функцией законодательства в сфере культурной политики является обеспечение гарантий свободы творческой и культурной деятельности, что влечет за собой запрет на вмешательство государства в творческую деятельность и признания самостоятельности человека как субъекта культурной политики.

– Повышение роли законодательства субъектов Российской Федерации в процессе культурного строительства. Потенциал данного уровня законодательного регулирования может быть раскрыт через развитие института государственной поддержки культурной деятельности, творческих коллективов, учреждений культуры. Во многом именно субъекты Российской Федерации способны обеспечить реализацию услуг в сфере культуры по территориальному и ценовому критерию.

В целом для сферы культурной политики характерна высокая степень саморегуляции. Зачастую нормативные практики, оценки, которые

формирует и выносит профессиональное сообщество могут составить реальную конкуренцию правовым регуляторам. Данный фактор необходимо учитывать при регламентации деятельности субъектов культурной политики всех уровней.

Одним из наиболее значимых подходов к изучению культуры является функциональный. Данная позиция связана, в первую очередь, с тем, что для представителей функционалистской школы каждая отдельно взятая культура выступала в качестве системы институтов, которые наделены соответствующими функциями, и именно на процессах функционирования был сосредоточен их основной исследовательский интерес. Основными представителями функционального подхода являются Б.К. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун.

За 26 лет своего существования Российская Федерация прошла путь от полной деморализации общества и государственной системы управления в силу распада СССР и перехода на рыночные отношения до начала нового этапа роста во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, социально-культурной и т. д. Следовательно, является абсолютно логичным возникновение новой стадии обращения государства и общества к вопросам реализации собственной культурной политики именно с 2010-х годов, поскольку можно зафиксировать нахождение российского общества в переходном периоде от удовлетворения производных потребностей к интегративным. В качестве одного из доказательств возникновения данного процесса может выступать активно возобновившаяся дискуссия о роли и месте государства в реализации культурной политики, свободе творцов, наличия цензуры и т. д.

Таким образом, от того, насколько государство и общество сможет четко и адекватно сформулировать на данном этапе цели, задачи и требования к реализуемой культурной политике, будет зависеть дальнейшая судьба Российской Федерации как независимого государства. Иначе говоря, если Российская Федерация не возьмет в ближайшее время ответственность

за формирование культурной самоидентификации населения средствами культурной политики и на основе отечественной культуры, то интегративные потребности населения будут окончательно удовлетворены посредством иных культурных систем в результате глобализационных процессов, что, например, приведет к усилению оттока человеческого капитала за границу.

В современной российской культурологии можно выделить два основных подхода к решению научно-исследовательских проблем в области культурной политики, которые, как правило, применяются исследователями по-отдельности. Первый заключается в теоретическом осмыслении культуры в качестве специфического феномена бытия человека, а второй – в проведении практических исследований с целью осмысления полученных результатов в контексте их значения для выстраивания логики реализации государством собственной культурной политики. В проводимом диссертационном исследовании предпринята попытка соединить обозначенные подходы с целью наиболее объективного выявления динамики государственной культурной политики Российской Федерации в новейшей истории. Это становится возможным благодаря применению индуктивного метода: от прикладных культурных исследований к формулировке теоретических обобщений.

В рамках проводимого диссертационного исследования проведен синтетический анализ культурной политики посредством применения метода контент-анализа. Применение контент-анализа в качестве одного из основных методов исследований в культурологии становится возможным в связи с появлением новой эпистемологии, где процесс познания и результат познания полагаются социально и культурно определенными.

Контент-анализ показал, что академические дискуссии о философско-культурологическом значении понятия «культура» в большинстве своем не имеют никакого влияния на тексты действующих нормативных правовых актов и концептуальных документов в сфере культурной политики. В некоторой степени тексты включают в себя значения понятия «культура»,

характерные для повседневного общения, поскольку одной из декларируемых задач является создание «культурного человека», то есть знающего этикет, имеющего представление о традиционной культуре, о музейных и книжных коллекциях, которые хранятся в организациях, финансируемых из государственного или муниципального бюджета.

Можно констатировать, что в общественном понимании законодатели создали и поддерживают систему значений понятия «культура» в контексте существования определенного процесса, связанного не столько с непосредственным художественным творчеством или комфортом городской среды, не с ценностями или идеалами, а с финансированием из государственного или муниципального бюджета определенных культурных практик и институтов, что и определяет представления о роли государственной культурной политики в общественном развитии. В результате значительное количество современных культурных практик оказывается вне поля зрения государственной культурной политики и развивается либо в сфере частной инициативы, либо через модернизационные процессы внутри самой культурной политики.

В то же время анализ основных понятий и доминирующих тем в рассмотренных документах, проведенный с помощью экспертно-аналитической системой «ВААЛ», показывает имеющееся разнообразие подходов к их содержательному наполнению, что, с одной стороны, позволяет учитывать местную специфику и культурные особенности региона, а с другой – существенно затрудняет реализацию единой культурной политики на территории Российской Федерации.

Реализация культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов имеет свою достаточно существенную специфику. Во многом это обусловлено тем, что в силу своей малочисленности (менее 50 тыс. человек) и проживания, как правило, в суровых климатических условиях КМНС, в отличие от других более многочисленных коренных

народов России гораздо сложнее противостоять ассимиляционным и глобализационным процессам. В результате представители КМНС в большинстве своем не имеют собственных административно-территориальных образований на уровне субъектов Федерации. Как правило, административно-территориальные образования, созданные по принципу проживания КМНС, образованы на муниципальном уровне, следовательно, обладают наименьшим количеством полномочий, в том числе в области реализации культурной политики.

В целом специфика реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания КМНС, заключается в использовании таких механизмов, которые в меньшей степени учитывают особенности сохранения национальной культуры, а направлены на достижение среднероссийских показателей обеспеченности по ряду формальных признаков (например, наличие Дома культуры, библиотеки, зрительных мест и так далее). Причем 100 % достижение данных показателей, не только в случае с коренными народами, но и в любом другом, далеко не всегда может свидетельствовать об их фактическом культурном развитии. Кроме того, можно констатировать отсутствие в правовом поле этнокультурных индикаторов качества жизни коренных народов и наличие большого количества различных экономических, социальных индикаторов, по достижению которых оценивается эффективность действующей государственной системы управления, в том числе, в сфере культурной политики.

Во многом данная ситуация связана с тем, что при разработке конкретных механизмов реализации культурной политики в субъектах, образованных по национальному признаку, и в местах компактного проживания КМНС не учитывается мнение и пожелания самих народов, а в качестве эталона ставится достижение формальных, усредненных показателей. Кроме того, определенное несовершенство механизмов языковой политики зачастую приводит к тому, что представители коренных

народов либо не владеют языком своей культуры, а только русским, либо, наоборот, владеют только родным языком и не знают русский, что существенно затрудняет их социализацию и формирование единого культурного пространства.

Динамику культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций определяет, с одной стороны, новый виток возвращения государства в качестве одного из наиболее активных субъектов культурного строительства, с другой, возникновение и активная деятельность множества новых субъектов культурной политики. При этом данный процесс нельзя считать завершенным, а, наоборот, находящимся в стадии активного становления. Все это влечет изменение отношения к пониманию роли культурной политики как среди управленческой элиты и профессионального художественного сообщества, так и среди различных социальных групп. В то же время каждая из названных сторон отстаивает собственное видение целей и задач культурной политики в силу своих интересов, которые зачастую с культурологической точки зрения противоположны. Следовательно, в действующей модели культурной политики Российской Федерации именно государство как основной субъект культурной политики является звеном, которому необходимо максимально учесть пожелания всех субъектов.

Стоит отметить, что в период новейшей истории Российской Федерации не существовало прецедентов, когда за столь короткий промежуток времени (чуть более двух лет) на федеральном уровне было принято такое количество документов в сфере культурной политики, и данный процесс находится в активной фазе. Это еще раз подтверждает желание государства разобраться в собственном видении целей и задач культурной политики в условиях глобализационных процессов и одновременных попытках экономической изоляции со стороны ряда иностранных государств.

Анализ содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, демонстрирует начало этапа

активного поиска государством оптимальной модели культурной политики в условиях дефицита ресурсов, отвечающей ее концептуальным целям и задачам. В то же время налицо желание государства организовать данный процесс без радикальных финансовых инвестиций в инфраструктуру культурной политики и изменения действующих подходов к оценке эффективности реализации культурной политики от количественных к качественным. Возникшая ситуация, заключающаяся в несоответствии декларируемых содержательных целей и задач принимаемым в практической плоскости решениям, вызывает опасение, так как в результате возникшего дисбаланса существующие негативные тенденции в сфере культурной политики могут только усилиться и привести к разрыву имеющихся единых ценностных ориентаций населения.

Таким образом, в результате проведенного исследования подтвердилось, что начиная с 2010-х годов следует зафиксировать начало процесса становления культурной политики в качестве самостоятельного межотраслевого вида государственной политики, реализация которой позволит в краткосрочной перспективе сохранить российский социум и, как следствие, государство в целом, а в долгосрочной перспективе обеспечить положение Российской Федерации на мировой геополитической арене в качестве самостоятельной евразийской цивилизации, занимающей пограничное положение между культурами Запада и Востока. Осознание данного факта влечет за собой увеличение влияния государства на проходящие культурные процессы и предопределяет попытки новой централизации системы управления отраслью «культура» и ее оптимизации.

Перспективой дальнейшей разработки темы является анализ результатов реализации принятых государством начиная с 2014 года концептуальных и стратегических документов в сфере культурной политики и их влияния на развитие самоидентификации граждан и формирование единого культурного пространства Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев, Н. В. Тува между прошлым и будущим / Н. В. Абаев, О. М. Хомушку // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 261–262.
2. Абаев, Н. В. Духовно-культурные традиции в геополитическом и цивилизационном пространстве Центральной Азии и Саяно-Алтая / Н. В. Абаев, О. М. Хомушку. – Кызыл, 2010. – 283 с.
3. Абрамова, Н. Т. Самосознание и культура / Н. Т. Абрамова, А. А. Воронин, Ф. Т. Михайлов. – Москва : Наука, 2009. – 208 с.
4. Абрамова, И. О. Россия и глобализация: международные аспекты / И. О. Абрамова. – Москва : Наука, 2006. – 367 с.
5. Аванесова, Г. А. Динамика культуры / Г. А. Аванесова. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – 57 с.
6. Аванесова, Г. А. Культура как самоорганизующая система / Г. А. Аванесова // Синергетика, философия, культура. – Москва : Изд-во РАГС, 2001. – С. 118–124.
7. Аванесова, Г. А. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева. – Москва : Изд-во РАГС, 2001. – 314 с.
8. Авдеева, Ю. Н. Международные практики социокультурного проектирования по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока / Ю. Н. Авдеева, Н. М. Либакова, // Социодинамика. – 2015. – № 10. – С. 10–38.
9. Аверьянов, Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. – М.: КНОРУС, 2009. – 456 с.
10. Александер, Д., Сильная программа в культурсоциологии / Д. Александер, Ф. Смит // Социологическое обозрение. – Т. 9. – № 2. – 2010. – С. 11–30.

11. Алексеев, А. Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства / А. Н. Алексеев // Социология культуры. – Москва, 1974. – Вып. 1. – С. 131–162.
12. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1391 с.
13. Андриченко, Л. В. Проблемы разграничения законодательных полномочий в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов России / Л. В. Андриченко, А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2008. – № 5. – С. 28–37.
14. Арнольдов, А. И. Культура и горизонты XXI века / А. И. Арнольдов // Вестник МГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 9–18.
15. Арнольдов, А.И. Культурная политика: реалии и тенденции / А. И. Арнольдов. – Москва : МГУКИ, 2004. – 64 с.
16. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 543 с.
17. Арутюнов, С. А. Культурная антропология / С. А. Арутюнов. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2004. – 216 с.
18. Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы / О. Н. Астафьева. – Москва : Изд-во МГИДА, 2002. – 295 с.
19. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность / О. Н. Астафьева. – Москва : Изд-во РАГС, 2010. – 228 с.
20. Балакшин, А. С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Балакшин Александр Сергеевич. – Нижний Новгород, 2005. – 355 с.
21. Батанова, О. Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Батанова Ольга Николаевна. – Москва, 2009. – 163 с.

22. Бахова, Н. А. Этнообразующие механизмы и формы самосознания коренных народов в условиях внешнего цивилизационного давления (на примере якутского этноса) / Н. А. Бахова, Н. П. Копцева, В. С. Лузан, Н. Н. Пименова, А. А. Семенова, Е. А. Сертакова // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 5. Гуманитарные науки. – 2012. – № 7. – С. 988–1004.

23. Беляева, Е. Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза / Е. Е. Беляева. – Москва : МПГУ: Прометей, 2012. – 97 с.

24. Бергер П. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / П. Бергер, С. Хантингтон. – Москва, 2004. – 382 с.

25. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век) / В. С. Библер. – Москва : Издательство политической литературы, 1991. – 414 с.

26. Бирюкова, М. А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур / М. А. Бирюкова // Философские науки. – 2001. – № 1. – С. 33–42.

27. Богатырева, Т. Г. Современная культура и общественное развитие / Т. Г. Богатырева. – Москва : Изд-во РАГС, 2001. – 171 с.

28. Богатырева, Т. Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России / Т. Г. Богатырева. – Москва : ТЕИН, 2002. – 179 с.

29. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – Москва, 1999. – 222 с.

30. Большаков, В. П. Культура как форма человечности / В. П. Большаков. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2000. – 89 с.

31. Большаков, В. П. Провинциальность культурных пространств нынешней России / В. П. Большаков // Культура российской провинции: прошлое, настоящее, будущее : материалы круглого стола. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 6–8.

32. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2001. – 1456 с.
33. Брындин, Е. Г. Духовная эволюция / Е. Г. Брындин. – Новосибирск–Пятигорск : ПГЛУ, 2007. – 234 с.
34. Булгаков, С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Комментарии к статье «Христианство и социальный вопрос» / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург, 1997. – 587 с.
35. Бутенко, А. П. Глобализация: сущность и современные проблемы / А. П. Бутенко // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С. 3–18.
36. Бучило, Н. Ф. Художественное восприятие / Н. Ф. Бучило. – Москва : Знание, 1989. – 63 с.
37. Быстрова, А. Н. Культурное пространство как предмет философский рефлексии / А. Н. Быстрова // Философские науки. – 2004. – № 12. – С. 39.
38. Бьянчини, Ф. Возрождение городов через культуру / Ф. Бьянчини, Л. Грин, Ч. Лэндри, Ф. Матарассо. – Санкт-Петербург : Нотабене, 2000. – 85 с.
39. Винокурова, Е. П. Культурная политика в Республике Саха (Якутия): этнокультурные и геокультурные особенности: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Винокурова Евдокия Петровна. – Москва, 2011. – 206 с.
40. Волк, П. Л. Системно-синергетическая интерпретация культурной политики в контексте культурогенеза: дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Волк Павел Леонидович. – Кемерово, 2005. – 423 с.
41. Волков, Г. Н. Три лика культуры / Г. Н. Волков. – Москва : Молодая гвардия, 1986. – 333 с.
42. Воронин, Г. Л. Диагностика духовной детерминанты социального взаимодействия / Г. Л. Воронин // Социологические исследования. – 2000. – № 9. – С. 73–80.

43. Востряков, Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cpolicy.ru/analytics
44. Востряков, Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели / Л. Е. Востряков // Экология культуры : инф. бюллетень. – 2004. – № 1. – С. 79–108.
45. Востряков, Л. Е. Модели культурной политики (кросс-культурный анализ) / Л. Е. Востряков // Общество и экономика. – 2004. – № 1. – С. 139–178.
46. Востряков, Л. Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение / Л. Е. Востряков. – Санкт-Петербург : Изд-во СЗАГС, 2005. – 344 с.
47. Востряков, Л. Е. Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей / Л. Е. Востряков // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. – 2011. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 42–52.
48. Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. Глущенко, В. Куренного. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 266 с.
49. Гаврилова, Л. В. Summa cum pietate. С величайшим уважением : научные статьи, избранное / Л. В. Гаврилова. – Красноярск, 2015. – 183 с.
50. Гавров, Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / Н. Гавров. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
51. Галуцкий, Г. М. Управляемость культуры и управление культурными процессами / Г. М. Галуцкий. – Москва, 1998. – 464 с.
52. Гарипов, Р. Ш. Право на использование и охрану родного языка у коренных малочисленных народов России / Р. Ш. Гарипов // Российский юридический журнал. – 2012. – июль–август (№ 4). – С. 157–167.

53. Генисаретский, О. И. Культурная ситуация и цели культурной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/cultural_policy
54. Генисаретский, О. И. Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=157&ida>
55. Генова, Н. М. Культурная политика в системе инфраструктуры культуры региона / Н. М. Генова. – Омск : ОмГУ, 2011. – 287 с.
56. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
57. Гильбо, Е. В. Постиндустриальный переход и мировая война / Е. В. Гильбо. – Тенерифе, 2013. – 119 с.
58. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
59. Глобализация и моделирование социальной динамики : сб. статей / под ред. проф. Э. Р. Григорьяна. – Москва : Институт социальных наук, 2001. – 237 с.
60. Глотов, М. Б. Менеджмент в художественной культуре / М. Б. Глотов // Социологические исследования. – 2000. – № 9. – С. 64–72.
61. Гнедовский, М. Творческие индустрии: политический вызов России / М. Гнедовский // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (25). – С. 168–181.
62. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/report2015/>
63. Государственный доклад о развитии культуры в Красноярском крае в 2014 году. – Красноярск : КНУЦ, 2015. – 319 с.
64. Гражданский кодекс Российской Федерации: Авторское право. Права, смежные с авторскими : Постатейный комментарий к главам 69–71 / ред. П. В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2014. – 512 с.

65. Громов, М. Н. Культурное наследие как основа национальной идентичности / М. Н. Громов. – Москва : ГАСК, 2005. – 141 с.
66. Грушин, Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. – Москва : Политиздат, 1987. – 367 с.
67. Гумбольдт, В. Антропологический принцип в культурологии / В. Гумбольдт. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2005. – 179 с.
68. Гуревич, П. С. Идентичность как социальный и антропологический феномен / П. С. Гуревич. – Москва : Канон+, 2015. – 367 с.
69. Гурко, Е. Н. Тексты деконструкции. *Différance* / Е. Н. Гурко. – Томск : Водолей, 1999. – 160 с.
70. Гусейнова, П. М. Культурная политика Хорватии / П. М. Гусейнова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. – Вып. 2. – Москва : Изд-во РГБ, 2000. – С. 64–108.
71. Гусейнов, А. И. Соционормативная сфера культуры / А. И. Гусейнов // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 39.
72. Девятко, И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности / И. Ф. Девятко. – Москва, 2003. – 336 с.
73. Делокаров, К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций / К. Х. Делокаров // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 584 с.
74. Дмитриев, И. Контент-анализ: суть, задачи, процедуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/k-a.htm>
75. Доклад Общественной палаты Российской Федерации «Культура и будущее России. Новый взгляд» на пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации от 24 ноября 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dokladoprfcultura.ru
76. Драгичевич-Шешич, М. Культурная политика: новая роль администратора и менеджера культуры – роль посредника / М. Драгичевич-

Шешич // Материальная база сферы культуры : науч.-информ. сб. – Вып. 2. – Москва : Изд-во РГБ, 1999. – С. 53–68.

77. Драгичевич-Шешич, М., Культура: менеджмент, анимация, маркетинг / М. Драгичевич-Шешич, Б. Стойкович. – Новосибирск : Тигра, 2000. – 227 с.

78. Драч, Г. В. Культура и разум: конвергенция или дивергенция? / Г. В. Драч // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 37–48.

79. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – Москва : Наука, 1984. – 267 с.

80. Дубин, Б. Другая история: культура как система воспроизводства / Б. Дубин // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (25). – С. 25–43.

81. Дугин, А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин. – Москва : Академический Проект; Трикста, 2010. – 564 с.

82. Евстигнеева, Л. П., Экономическая глобализация и постмодерн / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 5–14.

83. Егоров, В. К. Философия культуры России: контуры и проблемы / В. К. Егоров. – Москва : РАГС, 2002. – 653 с.

84. Ерасов, Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – Москва : Наука, 2002. – 522 с.

85. Жидков, В. С. Государственная культурная политика / В. С. Жидков // Ориентиры культурной политики. – Москва : ГИВЦ МК РФ, 2001. – № 6. – С. 10–15.

86. Жидков, В. С. Культура как «генетический код» человечества / В. С. Жидков // Общество и экономика. – 2001. – № 9. – С. 74–92.

87. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – Москва : Издательский сервис, 2001. – 592 с.

88. Журнал «Справочник руководителя учреждения культуры».

89. Завершинский, К. Ф. Культура и культурология в жизни общества / К. Ф. Завершинский. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2000. – 90 с.
90. Загребин, С. С. Культурологическая экспертиза в системе культурной политики современного российского государства / С. С. Загребин // Фундаментальные проблемы культурологии. – Том IV. – Москва : Алатай, 2008. – С. 54–58.
91. Замараева, Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Замараева Юлия Сергеевна. – Красноярск, 2011. – 26 с.
92. Замараева, Ю. С. К вопросу о воздействии глобальных трансформаций на коренные народы Севера, компактно проживающих в регионах Российской Федерации / Ю. С. Замараева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 5–1. – С. 113–116.
93. Замараева, Ю. С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «серийные тематические ассоциации») / Ю. С. Замараева // Социодинамика. – 2014. – № 9. – С. 63–82.
94. Замараева, Ю. С. Возможности современных культурных исследований для развития теологических учебных дисциплин в российских университетах / Ю. С. Замараева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 413.
95. Захаров, Н. Л. Специфика социальной системы России / Н. Л. Захаров. – Ижевск : Изд-во УдГУ, 2000. – 219 с.
96. Зиятдинова, Ю. Е. Динамика культурных потребностей и культурная политика в современной России: дис. ... канд. культуролог. наук : 24.00.01 / Зиятдинова Юлия Ефимовна. – Москва, 2005. – 135 с.

97. Зуев, С. Э. Изменения информационного пространства (политика, технологии, возможности) / С. Э. Зуев // Музей будущего: информационный менеджмент. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 246 с.
98. Ивлиев, Г. П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: статьи и выступления / Г. П. Ивлиев. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 208 с.
99. Игнатъева, Е. Л. Экономика культуры / Е. Л. Игнатъева. – Москва : ГИТИС, 2004. – 230 с.
100. Иконникова, С. Н. История культурологических теорий / С. Н. Иконникова. – Санкт-Петербург : 2005. – 473 с.
101. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – Москва : Политиздат, 1991. – 464 с.
102. Ильин, В. В. Философия истории / В. В. Ильин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 380 с.
103. Иноземцев, В. Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия / В. Л. Иноземцев // Общество и экономика. – 2003. – № 4–5. – С. 51–96.
104. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – Москва : Логос, 2000. – 304 с.
105. Интеллектуальный досуг как фактор устойчивого развития урбанизированной территории (на материале Красноярского края) : коллективная монография / А. В. Андреева, В. С. Лузан, О. Ф. Морозова, Е. А. Ноздренко, И. А. Пантелеева, Е. А. Рукавицына. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. – 480 с.
106. Интернет-портал «Города России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: города-россия.рф
107. Ионин, Л. Г. Основания социокультурного анализа / Л. Г. Ионин. – Москва : РГГУ, 1995. – 151 с.

108. Итунина, Н. Б. Социальная антропология / Н. Б. Итунина. – Смоленск : СГПУ, 2003. – 147 с.
109. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Изд-во «Петрополис», 2003. – 368 с.
110. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Изд-во «Петрополис», 2003. – 320 с.
111. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган.. – Санкт-Петербург : Изд-во «Петрополис», 1996. – 416 с.
112. Казакова, Г. М. Региональная культура: родовидовые признаки и структурно-функциональные характеристики / Г. М. Казакова // Вопросы культурологии. – 2009. – № 5. – С. 12.
113. Карелина, Е. К. Тува: вехи становления профессиональной музыки / Е. К. Карелина // Музыкальная академия. – 2002. – № 3. – С.57–61.
114. Карелина, Е. К. К вопросу о традиционной модели мышления в тувинской музыкальной культуре / Е. К. Карелина // Музыка народов мира: проблемы изучения: материалы международных науч. конф. / ред.-сост.: В. Н. Юнусова, А. В. Харуто. – М. : НИЦ «Московская консерватория», 2008. – Вып. 1. – С. 224–231.
115. Карелина, Е. К. Музыка в культуре постсоветской Тувы / Е. К. Карелина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 229–236.
116. Карелина, Е. К. О мировоззренческом аспекте духовного воспитания школьников (на примере программы «Мир, в котором я живу») / Е. К. Карелина // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 11. – С. 147–152.
117. Карелина, Е. К. Композиторское творчество в республиках Южной Сибири (к вопросу о путях развития и проблемах изучения) /

Е. К. Карелина // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 1 (3). – С. 126–129.

118. Карелина, Е. К. Учебное заведение как социокультурный центр города / Е. К. Карелина // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 1. – С. 217–221.

119. Карелина, Е. К. Самодеятельное творчество как объект музыковедческого исследования / Е. К. Карелина // Вестник музыкальной науки / Новосибирская гос. консерватория им. М. И. Глинки. – 2013. – № 1. – С. 104–110.

120. Карелина, Е. К. Музыкальная традиция тувинцев в пространстве современной культуры / Е. К. Карелина // Музыка: искусство – наука – практика: науч. журнал Казанской гос. консерватории им. Н. Г. Жиганова. – 2014. – № 4(8) 2014. – С. 29–34.

121. Карелина, Е. К. Страницы истории тувинского этномузыкознания / Е. К. Карелина // Вестник музыкальной науки: журнал Новосибирской гос. консерватории им. М. И. Глинки. – 2016. – № 2. – С. 10–17.

122. Карлова, О. А. Креативная лаборатория: диалог творческих практик / О. А. Карлова. – Москва : Академический Проект, 2009. – 476 с.

123. Карлова, О. А. Современные психолого-педагогические технологии развития креативности / О. А. Карлова // Психология обучения. – 2014. – № 4. – С. 22–29.

124. Карлова, О. А. Современное информационное пространство России: три модели медиапродукта / О. А. Карлова // Журналист. Социальные коммуникации. – 2011. – № 1. – С. 12–16.

125. Карпова, Г. Г. Социальная динамика культурной политики в современной России: дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Карпова Галина Геннадьевна. – Саратов, 2011. – 403 с.

126. Карпова, Г. Г. Социальное поле культурной политики / Г. Г. Карпова. – Москва : Вариант, 2011. – 267 с.

127. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
128. Кессиди, Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность / Ф. Х. Кессиди // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 76–87.
129. Килькеев, В. Н. Теоретико-методологические принципы культурной антропологии Клиффорда Гирца: дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Килькеев Владимир Николаевич. – Смоленск, 2009. – 142 с.
130. Киселева, Т. Г. Глобализация общества и современная культурная политика / Т. Г. Киселева // Вестник МГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 19–26.
131. Киселева, Т. Г. Глобализация общества и современная культурная политика / Т. Г. Киселева // Вестник МГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 19–26.
132. Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf>
133. Князева, Е. Н. Основания синергетики / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Санкт-Петербург : Алетей, 2002. – 414 с.
134. Коган, Л. Б. Социально-культурные функции города и пространственная среда / Л. Б. Коган. – Москва : Стройиздат, 1982. – 176 с.
135. Коган, Л. Н. Совершенствование управления развитием культуры / Л. Н. Коган. – Свердловск : Уральский научный центр, 1981. – 138 с.
136. Козин, Н. Г. Универсалистский проект цивилизационной идентичности России / Н. Г. Козин // Философия и общество. – 2008. – № 4. – С. 75.
137. Колесин, И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов / И. Д. Колесин // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 139–146.
138. Колесник, М. А. Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы: автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Колесник Мария Александровна. – Красноярск, 2016. – 20 с.

139. Копцева, Н. П. Культурологическая база формирования общероссийской национальной идентичности в Сибирских регионах Российской Федерации / Н. П. Копцева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7. Философия, социология и социальные технологии. – 2012. – № 3. – С. 11–15.

140. Копцева, Н. П. Методологические возможности социальной (культурной) антропологии для современных культурных исследований / Н. П. Копцева // Философия и культура. – 2012. – № 10. – С. 9–18.

141. Копцева, Н. П. Проблема методологии современных культурных исследований: возможности классической британской социальной антропологии / Н. П. Копцева // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 89–104.

142. Копцева, Н. П. К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства / Н. П. Копцева // NB: Проблемы политики и общества. – 2014. – № 1. – С. 1–14.

143. Копцева, Н. П. Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке / Н. П. Копцева, Н. А. Бахова, Ю. С. Замараева, В. И. Кирко // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6183>

144. Копцева, Н. П., Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Копцева, А. В. Кистова // Философия и культура. – 2015. – № 1. – С. 12–19.

145. Копцева, Н. П., Гигиена как культурно-антропологическая практика сохранения и трансляции культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока / Н. П. Копцева, Н. М. Либакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 646.

146. Копцева, Н. П. Государственная культурная политика в Сибирском федеральном округе: концепции, проблемы, исследования :

монография / Н. П. Копцева, В. С. Лузан. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. – 183 с.

147. Копцева, Н. П. Моделирование культуры и культурной политики в русской философии конца XIX – первой трети XX вв. / Н. П. Копцева, В. С. Лузан // Философия и культура. – 2012. – № 4 (52). – С. 105–116.

148. Копцева, Н. П. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска) : монография / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. – 128 с.

149. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края: Коллективная монография / Ответственный ред. Н. П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. – 640 с.

150. Коровицына, Н. В. Духовная культура современного российского общества. Состояние и тенденции формирования / Н. В. Коровицына // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 145–146.

151. Костина, А. В. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального / А. В. Костина. – Москва : URSS: Издательство ЛКИ, 2010. – 238 с.

152. Коуэн, Т. Похвала коммерческой культуре: культурный пессимизм и культурный оптимизм / Т. Коуэн // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (25). – С. 60–73.

153. Кочетков, В. В. Идентичность и культура в современных международных отношениях / В. В. Кочетков. – Москва : Издательство Московского университета, 2015. – 317 с.

154. Кравченко, А. И. Классики социологии менеджмента. Ф. Тейлор. А. Гастев / А. И. Кравченко. – Санкт-Петербург : Из-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 1999. – 320 с.

155. Кривоногов, В. П. Национально-смешанные браки у коренных народов Таймыра / В. П. Кривоногов // Народы Приенисейской Сибири: история и современность. – 2001. – С. 91–104.

156. Кривоногов, В. П. Народы Таймыра в начале XXI века : монография / В. П. Кривоногов. – Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. – 418 с.

157. Кривоногов, В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы / В. П. Кривоногов. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2011. – 249 с.

158. Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у тувинцев юга Красноярского края / В. П. Кривоногов // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 1. – С. 45–58.

159. Кривоногов, В. П. Этнические процессы на тропических островах : монография / В. П. Кривоногов. – Красноярск : СФУ, 2017. – 174 с.

160. Кривоногов, В. П. Этнические процессы у коренных малочисленных народов : монография / В. П. Кривоногов. – Красноярск : СФУ, 2017. – 96 с.

161. Кривошеев, М. И. Модернизация культурной политики в контексте гармонизации индивидуальной и общественный интересов: Россия в начале XXI столетия: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Кривошеев Максим Иванович. – Москва, 2004. – 138 с.

162. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго. – Москва : Весь мир, 2013. – 39 с.

163. Кряжков, В. А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы / В. А. Кряжков. – Москва, 1994. – 486 с.

164. Кузнецова, Е. В. Культурная политика России (теория, история и современность): дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Кузнецова Елена Васильевна. – Москва, 1999. – 134 с.

165. Культура Красноярского края в цифрах за 2011–2012 годы : статистический справочник / министерство культуры Красноярского края. Красноярск, 2013. – 126 с.

166. Культура Красноярского края в цифрах за 2014–2015 годы : статистический справочник / министерство культуры Красноярского края. Красноярск, 2016. – 135 с.

167. Культура: Ситуация, проблемы, поиски решения : сб. статей / сост. Е. Л. Кудрина, Л. И. Рудич, Г. Л. Рукша. – Красноярск : Кемеровский институт искусств и культуры, 1997. – 215 с.

168. Культурная политика в России: история и современность / отв. ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. – Москва : Либерия, 1998. – 295 с.

169. Культурная политика: проблемы теории и практики : сб. статей / ред. О. Хлопина. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 165 с.

170. Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры : сб. материалов / Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов и др. – Москва : Либерия, 2002. – 240 с.

171. Культура России. Актуальные задачи духовного возрождения России : информационно-аналитический сборник. – Москва : ФГУП «ГИВЦ Минкультуры России», 2012. – 283 с.

172. Куропятник, М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений: дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Куропятник Марина Степановна. – Санкт-Петербург, 2006. – 360 с.

173. Лавринова, Н. Н. Сущность культурной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/archive/itemlist/category/34-issue-17.html?start=40>

174. Лапина, Т. С. Философия культуры: вариант понимания / Т. С. Лапина. – Москва : Профобразование, 2003. – 402 с.

175. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – Москва : Канон+: РООИ «Реабилитация»; Минск : Белорусский дом печати, 2012. – 383 с.

176. Лобакова, Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Лобакова Наталья Михайловна. – Красноярск, 2011. – 155 с.

177. Лобакова, Н.М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) / Н. М. Лобакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – С. 1889.

178. Лобакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Лобакова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 89–97.

179. Лобакова, Н. М. Управление здравоохранением для коренных народов Центральной Сибири (на материале анализа Красноярского края) / Н. М. Лобакова // Тренды и управление. – 2015. – № 4. – С. 380–394.

180. Лобакова, Н. М. Культурологическое исследование коренных малочисленных народов Севера Красноярского края: результаты экспертного интервью / Н. М. Лобакова, Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 598–607.

181. Лобакова Н. М. Методология прикладных этнологических исследований северных территорий России: преимущества экспертного интервью / Н. М. Лобакова, Е. А. Сертакова // ВВ: Проблемы политики и общества. – 2014. – № 3. – С. 67–86.

182. Лобакова, Н. М. Метод экспертного интервью как эффективная исследовательская процедура изучения индигенных народов Севера / Н. М. Лобакова, Е. А. Сертакова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 8 (1). – С.114–129.

183. Лисаковский, И. Н. Художественная культура. Термины, понятия, значения : словарь-справочник / И. Н. Лисаковский. – Москва : Изд-во РАГС, 2002. – 240 с.

184. Литвякова, А. Б. Правовое регулирование жизнедеятельности коренных малочисленных народов России (на примере Красноярского края):

дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Литвякова Александра Борисовна. – Красноярск, 2004. – 213 с.

185. Лузан, В. С. Культурная политика как предмет прикладной культурологии / В. С. Лузан // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3. – С. 323–334.

186. Лузан, В. С. Культурная политика как самостоятельный вид государственной политики / В. С. Лузан // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 587–594.

187. Лузан, В. С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Лузан Владимир Сергеевич. – Красноярск, 2011. – 24 с.

188. Лузан, В. С. Контент-анализ основных нормативных правовых документов, обеспечивающих реализацию государственной культурной политики (федеральный и региональный аспекты) / В. С. Лузан // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 4. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 342–362.

189. Лузан, В. С. Специфика законодательства Российской Федерации в сфере защиты прав и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций / В. С. Лузан // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 4. Гуманитарные науки. – 2011. – № 5. – С. 678–687.

190. Лузан, В. С. Контексты понимания интеллектуального досуга в современных российских исследованиях / В. С. Лузан // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26). – С. 175–178.

191. Лузан, В. С. Механизмы взаимодействия государства и бизнеса с коренными малочисленными народами Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций / В. С. Лузан // Журнал Сибирского

федерального университета. – Сер. 7. Гуманитарные науки. – 2014. – № 8. – С. 1327–1341.

192. Лузан, В. С. Интеллектуальный досуг жителей Красноярского края: возможные векторы развития (по результатам социологического исследования) / В. С. Лузан, О. Ф. Морозова, Е. А. Ноздренко, И. А. Пантелеева, Г. Ю. Прокопьева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 8 (149). – С. 173–178.

193. Лузан, В. С. Культурная политика в северных территориях: специфика, проблемы, перспективы / В. С. Лузан // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 7. Гуманитарные науки. – 2014. – № 9. – С. 1494–1509.

194. Лузан, В. С. Специфика реализации государственной культурной политики в местах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на территории Российской Федерации) / В. С. Лузан // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1.

195. Лузан, В. С. К вопросу о влиянии культурной политики на современные локальные идентичности / В. С. Лузан // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 47–66.

196. Лузан, В. С. Роль профильного образования в сфере культуры и искусства в реализации государственной культурной политики / В. С. Лузан // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 1011–1015.

197. Лузан, В. С. Феномен влияния культурной политики на формирование городской среды в современных гуманитарных исследованиях / В. С. Лузан // Журнал Сибирского федерального университета. – Сер. 9. Гуманитарные науки. – 2016. – № 6. – С. 1521–1532.

198. Лузан, В. С. Советский и постсоветский периоды в истории детской литературы на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / В. С. Лузан // Журнал Сибирского

федерального университета. – Сер. 9. Гуманитарные науки. – 2016. – № 9. – С. 2060–2070.

199. Лукин, Ю. А. Культурология: вчера, сегодня, завтра / Ю. А. Лукин // Очерки теории и методологии. – Москва : АПРИКТ, 2001. – 202 с.

200. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – Москва : Изд-во «Логос», 2004. – 232 с.

201. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – Москва : Классика-XXI: Институт культурной политики, 2011. – 397 с.

202. Максимов, А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05 / Максимов Александр Анатольевич. – Сыктывкар, 2007. – 136 с.

203. Мак-Илрой, Э. Культура и бизнес: путеводитель по фандрейзингу / Э. Мак-Илрой. – Москва : Издательский дом «Классика – XXI», 2005. – 156 с.

204. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – Москва : Рефл-бук, 1998. – 290 с.

205. Малиновский, Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения / Б. Малиновский // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – С. 376.

206. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – Москва : ОГИ, 2000. – 206 с.

207. Мангсет, П. Риски и достижения децентрализации: развитие местной культурной администрации в Норвегии / П. Мангсет // Экология культуры. – 2002. – № 2. – С. 166–194.

208. Манхейм, К. Избранное: социология культуры / К. Манхейм. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 501 с.

209. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург : Евразия, 2001. – 478 с.
210. Маркарян, Э. С. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян. – Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 655 с.
211. Маршалл, М. Международные модели и текущие финансирования / М. Маршалл // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. Реферативный бюллетень. – № 5 (55). – Москва, 2004. – С. 69–78.
212. Матвеев, В. В. Модели государственной культурной политики в современном мире / В. В. Матвеев // Вопросы культурологии. – № 11. – 2009. – С. 52–55.
213. Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. – Москва, 2002. – С. 60.
214. Межуев, В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования / В. М. Межуев. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 439 с.
215. Межуев, В. М. Философия культуры в системе современного знания / В. М. Межуев // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. 6. Вып. 2 (22). – С. 135–156.
216. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
217. Местникова, А. Е. Социальные основания реализации языковых прав коренных малочисленных народов Севера в системе образования (на примере Республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Местникова Акулина Егоровна. – Улан-Удэ, 2010. – 24 с.
218. Методология социально-культурной деятельности и современные социокультурные практики: коллективная монография / под ред. О. Ф. Морозовой. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – 128 с.

219. Можейко, М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм / М. А. Можейко. – Смоленск : СГПУ, 2004. – 238 с.
220. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва : Прогресс, 1973. – 406 с.
221. Морозова, О. Ф. Культуроцентризм в управлении культурными коммуникациями / О. Ф. Морозова // Психология в экономике и управлении. – 2014. – № 1. – С. 140–144.
222. Морозова, О. Ф. Социокультурный менеджмент: возникновение или ренессанс / О. Ф. Морозова // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 6–4. – С. 100–103.
223. Морозова, О. Ф. Культурные детерминанты социального управления: дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Морозова Ольга Федоровна. – Москва, 2011. – 359 с.
224. Морозова, О. Ф. Менеджмент и социальное управление: рефлексивно-методологическое исследование / О. Ф. Морозова // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 4. – С. 35–41.
225. Москалюк, М. В. Современный маркетинг художественного музея (региональная специфика) / М. В. Москалюк, А. В. Кистова, Е. А. Сертакова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2016. – № 4. – С. 13–26.
226. Мотрошилова, Н. В. Мыслители России и философия Запада / Н. В. Мотрошилова. – Москва : Республика, 2006. – 477 с.
227. Музыкальная культура Красноярска: 1628–1920: коллективная монография / отв. ред. Л. В. Гаврилова. – Красноярск, 2009. – 456 с.
228. Музыкальная культура Красноярска. 1920–1978: коллективная монография / отв. ред. Л. В. Гаврилова. – Красноярск, 2011. – 608 с.
229. Музыкальная культура Красноярска. 1978–2012: коллективная монография / отв. ред. Л. В. Гаврилова. – Красноярск, 2012. – 432 с.

230. Мурзина, И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания / И. Я. Мурзина. – Екатеринбург, 2003. – 205 с.

231. Назаретян, А. П. Устойчивое равновесие и синергетическая модель культуры / А. П. Назаретян // Синергетика, философия, культура. – Москва : РАГС, 2001. – С. 112–118.

232. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – Москва : Междунар. отношения, 2003. – 536 с.

233. Николаева, Ю. В. Актуальные проблемы внешней культурной политики Франции в начале XXI века / Ю. В. Николаева. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2013. – 198 с.

234. Овчаров, А. А. *Inquisitiones et meditationes*. Опыты философии и социальной (культурной) антропологии России / А. А. Овчаров. – Кемерово : КузГТУ, 2005. – 198 с.

235. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковников, 2001. – 944 с.

236. Олейник, А. Н. Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка / А. Н. Олейник // Социс. – 2009. – № 2. – С. 65–79.

237. Орлова, Э. А. Современная городская культура и человек / Э. А. Орлова. – Москва : Наука, 1987. – 191 с.

238. Основные направления стратегии культурной политики в Красноярском крае на 2009–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.krskstate.ru/culture

239. Основы государственной культурной политики / Г. Л. Рукша (рук. авт. кол.), С. В. Андреева, И. Н. Крюков и др. – Красноярск : КрасГУ, 2006. – 125 с.

240. От стратегии культурной политики к тактике управленческого взаимодействия: материалы краевых публичных слушаний 11–12 марта

2009 г. – Красноярск: министерство культуры Красноярского края, 2009. – 128 с.

241. Официальный портал Красноярского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/>

242. Официальный сайт проекта «Vaal» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vaal.ru>

243. Официальный сайт ЗАО «Публичная Библиотека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.public.ru/>

244. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru>

245. Официальный сайт Российского авторского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rao.ru>

246. Официальный сайт информационного центра ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unic.ru/press/po-dannym-oon-uvlichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-bolee-poloviny-naseleniya-mir>

247. Панфилов, А. Н. Культура и местное самоуправление: конституционно-правовые аспекты взаимодействия / А. Н. Панфилов. – Москва : ИНФРА-М, 2016. – 237 с.

248. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва, 2002. – 832 с.

249. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2000. – 880 с.

250. Пахтер, М. Культура на перепутье. Культурные стратегии / М. Пахтер, Ч. Лэндри. – Москва : Прогресс, 2003. – 215 с.

251. Пенькова, Е. А. Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Пенькова Екатерина Александровна. – Москва, 2012. – 25 с.

252. Перегудов, Ф. И. Основы системного анализа / Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко. – Томск, 1997. – С. 19–21.

253. Пивоваров, Ю. С. «Русская система» как попытка понимания русской истории / Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов. – Полис. Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 37–48.

254. Пивоваров, Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении / Ю. С. Пивоваров. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 166 с.

255. Пивоваров, Д. В. Философия религии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46689>

256. Политика: энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, раздел «политология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rubricon.ru

257. Полоскова, Т. Русский мир: мифы и реалии / Т. Полоскова, В. Скринник. – Москва : 2003. – 128 с.

258. Пономаренко, О. П. Модели культурной политики как факторы структурирования социокультурного пространства: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Пономаренко Ольга Павловна. – Барнаул, 2006. – 154 с.

259. Попов, Ю. А. Управление проектами / Ю. А. Попов, О. В. Яковенко. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 208 с.

260. Программа реализации Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/culture/develop/0/id/4090>

261. Проект Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/2030/plan>

262. Пронин, А. А. Российское законодательство в сфере культуры: общая характеристика / А. А. Пронин, // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 3. – С. 75–84.

263. Разлогов, К. Российская культурная политика в контексте глобализации / К. Разлогов, Э. Орлова, Е. Кузьмин // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (25). – С. 44–51.

264. Резник, Ю. И. Культура как предмет изучения / Ю. И. Резник // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3. – Вып. № 2 (8). – С. 198–217.

265. Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Резникова Ксения Вячеславовна. – Красноярск, 2012. – 19 с.

266. Рерих, Н. К. Избранное / Н. К. Рерих. – Москва : Советская Россия, 1979. – 381 с.

267. Российская юридическая энциклопедия. – Москва, 1999. – 1110 с.

268. Рэдклифф-Браун, А. Р. Метод в социальной антропологии / А. Р. Рэдклифф-Браун. – Москва : КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 414 с.

269. Рэдклифф-Браун, А. Р. Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами / А. Р. Рэдклифф-Браун // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – С. 635.

270. Савельев, В. В. Регионализация как условие повышения эффективности культурной политики. Ориентиры культурной политики / В. В. Савельев // Инф. вып. № 11. – Москва : ГИВЦ МК, 2003. – С. 46–61.

271. Северьянов, М. Д. К познанию социальной истории России : учебно-методическое пособие / М. Д. Северьянов. – Красноярск : КрасГАСА, 2006. – 143 с.

272. Северьянов, М. Д. Присяжные на перепутье эпох: люди, события, факты : монография / М. Д. Северьянов. – Красноярск : СФУ, 2015. – 417 с.

273. Северьянов, М. Д. О культурно-национальном строительстве в Приенисейском крае в 20-е гг. XX столетия : в сб. материалов

II Международной научно-практической конференции. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Тывинский государственный университет / М. Д. Северьянов. – 2010. – С. 243–246.

274. Северьянов, М. Д. Отечественная история. Выпускная квалификационная работа магистра: методология, оформление и защита / М. Д. Северьянов, Т. Г. Карчаева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. – 173 с.

275. Севоян, Д. Г. Актуальные проблемы обеспечения субъектами Российской Федерации конституционного права народов на сохранение родного языка / Д. Г. Севоян // Право и политика. – 2013. – № 11 (167). – С. 1439.

276. Семененко, И. С. Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы / И. С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 1. – С. 78–88.

277. Семененко, И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура / И. С. Семененко // Полис. – 2003. – № 1. – С. 5–20.

278. Семенова, А. А. Методологические возможности теории культуры для анализа модификаций древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Семенова Александра Александровна. – Великий Новгород, 2009. – 26 с.

279. Семёнова, А. В., Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / А. В. Семёнова, М. В. Корсунская. – Москва : Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.

280. Сертакова, Е. А. Культурная география А. Лефевра в свете гуманитарных исследований социального пространства города / Е. А. Сертакова // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2012. – № 3. – С. 24–26.

281. Сертакова, Е. А. Концепт «город» в русской культуре / Е. А. Сертакова // NB: Культуры и искусства. – 2014. – № 2. – С. 97–126.

282. Сертакова, Е. А. Социокультурное пространство современного российского города: на материале анализа г. Красноярска: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Сертакова Екатерина Александровна. – Красноярск, 2014. – 172 с.

283. Сертакова, Е. А. Вынужденная миграция и ее отражение в кинематографическом искусстве / Е. А. Сертакова, Е. Ю. Авдоница // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 106–116.

284. Сертакова, Е. А. Образ города Красноярска в ксилографии и проблема региональной идентичности / Е. А. Сертакова, А. А. Герасимова // Урбанистика. – 2015. – № 2. – С. 89–99.

285. Сертакова, Е. А. Значение архетипа «ангел в смирительной рубашке» для понимания специфики современного русского социально-культурного пространства / Е. А. Сертакова, Е. Е. Гудкова // Социодинамика. – 2015. – № 4. – С. 64–74.

286. Скачков, А. С. Культурная политика ЮНЕСКО в эпоху глобализации / А. С. Скачков. – Москва : Канон+, 2015. – 162 с.

287. Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации : материалы научной конференции. Сер. «Symposium». – Вып. № 7. – Санкт-Петербург : СПб. филос. об-во, 2001. – 224 с.

288. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва : Астрель, 2006. – 1176 с.

289. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

290. Ставропольский, Ю. В. Качественный контент-анализ публикаций об идентичности в российской прессе / Ю. В. Ставропольский // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7794>

291. Страхов, А. И. Как возродить Россию: Путь к новой организации общественной жизни / А. И. Страхов, Ю. А. Дмитриев, В. Н. Минеев. – Москва : Ин-т экономики РАН, 2002. – 464 с.
292. Строй, Л. Р. Художественная критика Сибири 1870–1920-х гг.: по материалам периодической печати: дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Строй Лилия Ринатовна. – Барнаул, 2009. – 258 с.
293. Сузукей, В. Ю. Музыка Тувы и ее вклад в мировую культуру / В. Ю. Сузукей // История науки и техники. – 2015. – № 8. – С. 27–31.
294. Сузукей, В. Ю. Культурологические парадигмы конца XX века и традиционная музыкальная культура Тувы / В. Ю. Сузукей // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 3. – С. 33–35.
295. Сурманидзе, Л. Д. Культура: современные эмпирико-исследовательские тенденции / Л. Д. Сурманидзе // Человек: соотношение национального и общечеловеческого : сб. материалов международного симпозиума. – Санкт-Петербург : СПб. филос. общ-во, 2004. – С. 225–238.
296. Схема территориального планирования Красноярского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.urbanistika.ru
297. Таршис, Е. Я. Исторические корни контент-анализа: два базовых текста по методологии контент-анализа / Е. Я. Таршис. – Москва : Либроком, 2012. – 155 с.
298. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А Тойнби. – Москва : Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
299. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2002. – 557 с.
300. Трансформации культурной политики в России (1991–2006) : аннотированный библиографический указатель. – Москва : Пашков дом, 2008. – 270 с.
301. Трегубов, Н. А. Артикуляция представлений о политической модернизации в риторике В. В. Путина и Д. А. Медведева: попытка

сравнительного контент-анализа / Н. А. Трегубов // Вестник Пермского государственного университета. – 2010. – № 3 (11). – С. 69–81.

302. Тросби, Д. Экономика и культура / Д. Тросби. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 254 с.

303. Тульчинский, Г. Л. Менеджмент в сфере культуры / Г. Л. Тульчинский. – Санкт-Петербург : Изд-во «Лань», 2001. – 384 с.

304. Уайт, Л. Наука о культуре: избранное / Л. Уайт. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 960 с.

305. Устинова, Е. Н. Глобализация и культура: исторический контекст / Е. Н. Устинова // Философские науки. – 2005. – № 12. – С. 55–67.

306. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – Москва : Логос, 2001. – 379 с.

307. Фахразеева, С. Р. Культурные проекты и символическая политика малых городов Пермского края / С. Р. Фахразеева // Вестник Пермского государственного университета. – 2011. – № 1 (13). – С. 48–54.

308. Федотова, Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации / Л. Н. Федотова. – Москва : Институт социологии РАН, 2001. – 202 с.

309. Федотова, В. Г. Глобальный мир и модернизация / В. Г. Федотова // Философские науки. – 2001. – № 1. – С. 5–36.

310. Федотов, Е. В. Социальная психология / Е. В. Федотов. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2002. – 148 с.

311. Филимонов, Г. Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич. – Москва, 2007. – 187 с.

312. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры: избранные работы по теории культуры / А. Я. Флиер. – Москва, 2014. – 556 с.

313. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – Москва : Издательский дом «Классика – XXI», 2005. – 421 с.

314. Фохт-Бабушкин, Ю. У. Художественная культура и развитие личности: проблемы долгосрочного планирования / Ю. У. Фохт-Бабушкин. – Москва : Наука, 1987. – 222 с.
315. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург, 1980. – С. 370.
316. Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1: Теория культуры. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 432 с.
317. Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 3: Культурная динамика. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 518 с.
318. Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 4: Культурная политика. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 424 с.
319. Хангельдиева, И. Г. Культурная политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01302:article>
320. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
321. Харрисон, Л. Кто процветает?: как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике / Л. Харрисон. – Москва : Фонд «Либеральная миссия»: Новое издательство, 2008. – 297 с.
322. Харченко, К. В. Материальная сторона жизни в зеркале субъективных смыслов: опыт контент-анализа / К. В. Харченко // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 1 (28). – С. 129–148.
323. Хезмондалш, Д. Культурные индустрии / Д. Хезмондалш. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 453 с.
324. Хомушку, О. М. Религиозные традиции народов Саяно-Алтая как фактор формирования этноэкологической культуры / О. М. Хомушку // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 489–492.
325. Человеческий капитал Красноярского края: Форсайт-исследование – 2030. – Красноярск : СФУ, 2010. – 126 с.

326. Чистякова, С. С. Глобализация культуры: генезис, типология, современные смыслы: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Чистякова Светлана Сергеевна. – Белгород, 2007. – 22 с.
327. Чумаков, А. Н. Глобализация: контуры целостного мира / А. Н. Чумаков. – Москва : Изд-во «Проспект», 2005. – 432 с.
328. Шалак, В. И. Современный контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы / В. И. Шалак. – Москва : Омега-Л, 2004. – 270 с.
329. Шевчугова, С. П. Региональная социально-культурная политика: проблемы управления и инновации: дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Шевчугова Светлана Петровна. – Москва, 2004. – 237 с.
330. Шеманов, А. Ю. Самоидентификация человека и культура / А. Ю. Шеманов. – Москва : Академический проект, 2007. – 479 с.
331. Шендрик, А. И. Социология культуры / А. И. Шендрик. – Москва, 2005. – 495 с.
332. Щедровицкий, П. Г. Культурная политика: предпосылки перемен / П. Г. Щедровицкий // Российское экспертное обозрение. – 2006. – № 3 (17). – С. 31–33.
333. Щербина, В. В. Распад культуры и сценарий возможного развития России / В. В. Щербина // Личность. Культура. Общество. – Т. 2. – Москва : РАН, 2000. – С. 10–23.
334. Эванс-Притчард, Э. История антропологической мысли / Э. Эванс-Притчард. – Москва : Восточная литература РАН, 2003. – 358 с.
335. Эволюция культурной деятельности в новом столетии: Социально-экономические аспекты культурной политики : в 3 т. Т. 2. Культура в глобальном мире. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 525 с.
336. Эпштейн, М. От многокультурия к транскультуре : доклад, прочитанный в Российском философском обществе 28 мая 2003 г. / М. Эпштейн // Вестник Российского философского общества. – 2003. – № 3. – С. 110–114.

337. Ямпольская, Е. А. О культуре и не только / Е. А. Ямпольская. – Москва : Городец, 2016. – 590 с.

338. Akintayo, T. Multiculturalism in social agencies for the aged / T. Akintayo, J. Hämäläinen, S. Rissanen // SpringerPlus. – Volume 3, Issue 1, 2014. – P. 1–9.

339. Aksoy, A. Storm over the state cultural institutions: new cultural policy direction in Turkey / A. Aksoy, B. Y. Şeyben // International Journal of Cultural Policy. – Volume 21, Issue 2, 15 March 2015. – P. 183–199.

340. Ang, I. Cultural diplomacy: Beyond the national interest? / I. Ang, Y. Isar, P. Mar // International Journal of Cultural Policy. – Volume 21, Issue 4, 8 August 2015. – P. 365–381.

341. Ahuvia, A. Traditional, Interpretive, and Reception Based Content Analyses: Improving the Ability of Content Analyses to Address Issues of Pragmatic and Theoretical Concern / A. Ahuvia // Social Indicators Research. – Volume 54 (2), May 2001. – P. 139–172.

342. Aubry, A. The promotion of creative industries as a tool for urban planning: the case of the Territoire de la culture et de la création in Paris Region / A. Aubry, A. Blein, E. Vivant // International Journal of Cultural Policy. – Volume 21, Issue 2, 15 March 2015. – P. 121–138.

343. Bandy, S. J. Gender and the ‘cultural turn’ in the study of sport and physical cultures / S. J. Bandy // Sport in Society. – Volume 19, Issue 5, 2016. – P. 726–735.

344. Carter, D. Living with instrumentalism: The academic commitment to cultural diplomacy / D. Carter // International Journal of Cultural Policy. – Volume 21, Issue 4, 8 August 2015. – P. 478–493.

345. Cavazos-Rehg, P. A. A content analysis of depression-related tweets / P. A. Cavazos-Rehg, M. J. Krauss, S. Sowles, S. Connolly, C. Rosas, M. Bharadwaj, L. J. Bierut // Computers in Human Behavior. – Volume 54, 1 November 2016. – P. 351–357.

346. Caust, J. Cultural wars in an Australian context: challenges in developing a national cultural policy / J. Caust // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 2, 15 March 2015. – P. 168–182.

347. Chaney, P. Parties, promises and politics: exploring manifesto discourse on arts policy in Westminster, Scottish, Welsh and Northern Irish elections 1945–2011 / P. Chaney // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 5, 20 October 2015. – P. 611–630.

348. Chang, L.-P. Spirits in the Material World: Ecocentrism in Native American Culture and Louise Erdrich's *Chickadee* / L.-P. Chang // *Children's Literature in Education*. – Volume 47, Issue 2, 2016. – P. 148–160.

349. Chui, A. C. National culture and the cost of debt / A. C. Chui, C. C. Kwok, G. Stephen Zhou // *Journal of Banking and Finance*. – Volume 69. – 2016. – P. 1–19.

350. Das, M. Ecotourism: A panacea or a predicament? / M. Das, B. Chatterjee // *Tourism Management Perspectives*. – Volume 14, April, 2015. – P. 3–16.

351. Elrick, J. From statistical category to social category: organized politics and official categorizations of 'persons with a migration background' in Germany / J. Elrick, L. Farah Schwartzman // *Ethnic and Racial Studies*. – Volume 38, Issue 9, 15 July 2015. – P. 1539–1556.

352. Gurvitch, G. *The spectrum of social time* / G. Gurvitch. – Dordrecht : D. Reidel, 1964. – 152 p.

353. Hesmondhalgh, D. Were New Labour's cultural policies neo-liberal? / D. Hesmondhalgh, M. Nisbett, K. Oakley, D. Lee // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 1, 1 January 2015. – P. 97–114.

354. Hilraan-Chartrand, H. The art's length principle, and the arts. An international perspective past present and future / H. Hilraan-Chartrand // *American council for the arts*. – Volume 4, 1989. – P. 43–80.

355. Ilbeykina, M. I. Global and local trends in development of Siberian of Siberian city of Krasnoyarsk / M. I. Ilbeykina, M. A. Kolesnik, N. M. Libakova,

A.A. Sitnikova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – Volume 6 (3), 2015. – P. 241–248.

356. Isar, Y. R. «Culture in EU external relations»: An idea whose time has come? / Y. R. Isar // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 4, 8 August 2015. – P. 494–508.

357. Iwabuchi, K. Pop-culture diplomacy in Japan: Soft power, nation branding and the question of «international cultural exchange» / K. Iwabuchi // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 4, 8 August 2015. – P. 419–432.

358. Katiuzhinsky, A. Human rights, cultural practices, and state policies: Implications for global social work practice and policy / A. Katiuzhinsky, D. Okech // *International Journal of Social Welfare*. – Volume 23, Issue 1, January 2014. – P. 80–88.

359. Kang, H. Contemporary cultural diplomacy in South Korea: Explicit and implicit approaches / H. Kang // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 4, 8 August 2015. – P. 433–447.

360. Kistova, A. V. Research possibilities for studying the indicators of quality of life of indigenous peoples of the North (based on the study of indigenous peoples of the North of Russia) / A. V. Kistova, N. N. Pimenova, Ju. S. Zamaraeva, K. V. Reznikova // *Life Sci J*. – Volume 11 (6s), 2014. – P. 593–600.

361. Kolesnik, M. A. Economic Migration In Central Siberia And Ethnic Conflict Risks (Based On Krasnoyarsk Krai Analysis) / M. A. Kolesnik, N. P. Koptseva, V. S. Luzan, N. M. Libakova, E. A. Sertakova, N. A. Sergeeva // *International Journal of Economics and Financial Issues*. – T. 6. – Volume 5S, 2016. – P. 104–108.

362. Koptseva, N. P. The information basis for formation of positive ethnic identities in the process of acculturation of indigenous peoples of the Arctic Siberia (Krasnoyarsk, Russia) / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Life Sci J*. – Volume 11 (8), 2014. – P. 479–483.

363. Koptseva, N. P. Processes of acculturation Khakases (indigenous people of Southern Siberia), living outside of the Khakassia in the urban and student environment / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *American Journal of Applied Sciences*. – Volume 11 (12), 2014. – P. 1969–1975.

364. Koptseva, N. P. Expert analysis of the main trends of Northern Siberia's indigenous small-numbered peoples economic development / N. P. Koptseva // *Economic Annals-XXI*. – Volume 11–12, 2014. – P. 93–96.

365. Koptseva, N. P. The current economic situation in Taymyr (the Siberian Arctic) and the prospects of indigenous peoples' traditional economy / N. P. Koptseva // *Economic Annals-XXI*. – Volume 9–10, 2015. – P. 95–97.

366. Koptseva, N. P. Some concepts of late nineteenth and early twentieth-century russian philosophy, revealing specific forms of collective identities [Algunos conceptos de la filosofía rusa de finales del siglo XIX y primer tercio del siglo XX, que revelan formas específicas de las identidades colectivas] / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Revista de Filosofía*. – Volume 76 (1), 2014. – P. 7–31.

367. Koptseva, N. P. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Life Sci J*. – Volume 11 (7), 2014. – P. 180–185.

368. Koptseva, N. P. Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk region (Eastern Siberia) / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Life Sci J*. – Volume 11 (10), 2014. – P. 489–494.

369. Koptseva, N. P. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – Volume 6 (3), 2015. – P. 217–224.

370. Koptseva, N. P. Characteristic features of ethnic labor migration in the Krasnoyarsk Krai (Central Siberia, Russia) / N. P. Koptseva, V. I. Kirko,

J. S. Zamaraeva // *International Journal of Economics and Financial Issues*. – Volume 5, 2015. – P. 100–108.

371. Koptseva, N. P. Aspects of political wisdom in the treatise Lao Tzu “Tao Te Ching” / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – Volume 6 (5 S2), 2015. – P. 119–126.

372. Koptseva, N. P. Modern specificity of legal regulation of Cultural Development of the Indigenous Peoples of the Arctic Siberia under the global transformations / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Life Sci J*. – Volume 11 (9), 2014. – P. 314–319.

373. Koptseva, N. P. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy / N. P. Koptseva, V. S. Luzan, V. A. Razumovskaya, V. I. Kirko // *International Journal for the Semiotics of Law*. – T. 29. Volume 2, 2016. – P. 1–28.

374. Koptseva, N. P. Brand-management of Siberian Cities (Krasnoyarsk as a Case Study) / N. P. Koptseva, N. M. Libakova, E. A. Sertakova, V. S. Luzan, M. A. Kolesnik, N. A. Sergeeva // *International Review of Management and Marketing*. – T. 6. Volume № S5, 2016. – P. 185–191.

375. Lemasson, G. Cultural development: a new policy paradigm in the cultural policies of the 1970s in Québec / G. Lemasson // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 5, 20 October 2015. – P. 593–610.

376. Lee, H. Branding the design city: cultural policy and creative events in Seoul / H. Lee // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 1, 1 January 2015. – P. 1–19.

377. Libakova, N. M. Interaction of the Yakut ethnicity and biological systems in the territory of the Sakha Republic (Hordogoy settlement, Suntarsky District) and Krasnoyarsk Krai (Essey settlement, Evenks District) / N. M. Libakova, A. A. Sitnikova, E. A. Sertakova, M. A. Kolesnik, M. I. Ilbeykina // *Life Sci J*. – Volume 11 (6s), 2014. – P. 585–592.

378. Moura, R. S. Sustainability of Nile tilapia net-cage culture in a reservoir in a semi-arid region / R. S. Moura, W. C. Valenti, G. G. Henry-Silva // *Ecological Indicators*. – Volume 66, 2016. – P. 574–582.

379. Myrick, J. G. Stupidcancer: Exploring a Typology of Social Support and the Role of Emotional Expression in a Social Media Community / J. G. Myrick, A. E. Holton, I. Himelboim, B. Love // *Health Communication*. – Volume 31, Issue 5, 3 May 2016. – P. 596–605.

380. Nair, S. R. Context, Culture and Green Consumption: A New Framework / S. R. Nair, V. J. Little // *Journal of International Consumer Marketing*. – Volume 28, Issue 3, 2016. – P. 169–184.

381. Prokop, P. Tolerance of frogs among high school students: Influences of disgust and culture / P. Prokop, W. Medina-Jerez, J. Coleman, J. Fancovicová, M. Özel, P. Fedor // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. – Volume 12, Issue 6, 2016. – P.1499–1505.

382. Rimkute, A. The transition from state to arm's length cultural policy in Lithuania / A. Rimkute // *Transformations in Business and Economics*. – Volume 13, Issue 1, 2014. – P. 209–222.

383. Rius Ulldemolins, J. Spain's nation branding project Marca España and its cultural policy: the economic and political instrumentalization of a homogeneous and simplified cultural image / J. Rius Ulldemolins, M. M. Zamorano // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 1, 1 January 2015. – P. 20–40.

384. Savelsberg, J. J. Representing human rights violations in darfur: Global justice, national distinctions / J. J. Savelsberg, H. N. Brehm // *American Journal of Sociology*. – Volume 121, Issue 2, September 2015. – P. 564–603.

385. Su, W. Cultural policy and film industry as negotiation of power: The Chinese state's role and strategies in its engagement with global Hollywood 1994–2012 / W. Su // *Pacific Affairs*. – Volume 87, Issue 1, 2014. – P. 93–114.

386. Su, W. From culture for the people to culture for profit: the PRC's journey toward a cultural industries approach / W. Su // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 5, 20 October 2015. – P. 513–528.

387. Tartaglia, S. Gender Stereotyping in Newspaper Advertisements: A Cross-Cultural Study / S. Tartaglia, C. Rollero // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – Volume 46, Issue 8, 12 September 2015. – P. 1103–1109.

388. Vojtíšková, K. Public funding of culture in the Czech Republic since the fall of the iron curtain: contemporary dilemmas / K. Vojtíšková, R. Lorencová // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 5, 20 October 2015. – P. 529–553.

389. Vogus, T. J. Assessing safety culture in child welfare: Evidence from Tennessee / T. J. Vogus, M. J. Cull, N. E. Hengelbrok, S. J. Modell, R. A. Epstein // *Children and Youth Services Review*. – Volume 65, 2016. – P. 94–103.

390. Warszawska, K. Method for quantitative assessment of safety culture / K. Warszawska, A. Kraslawski // *Journal of Loss Prevention in the Process Industries*. – Volume 42, 2016. – P. 27–34.

391. Zamarayeva, Y. S. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic / Y. S. Zamarayeva, A. V. Kistova, N. N. Pimenova, N. N. Serechkina // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – Volume 6 (3), 2015. – P. 225–232.

392. Zamorano, M. M. The cultural paradiplomacy of Barcelona since the 1980s: understanding transformations in local cultural paradiplomacy / M. M. Zamorano, A. Rodríguez Morató // *International Journal of Cultural Policy*. – Volume 21, Issue 5, 20 October 2015. – P. 554–576.

393. Zoghbi-Manrique-de-Lara, P. The influence of corporate culture and workplace relationship quality on the outsourcing success in hotel firms / P. Zoghbi-Manrique-de-Lara, J.-M. Ting-Ding // *International Journal of Hospitality Management*. – Volume 56, 2016. – P. 66–77.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень документов, используемых для сравнительного контент-анализа трансформации представлений о роли культурной политики в общественном развитии

№	Наименование документа
1.	Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»
2.	Закон Кемеровской области от 14.02.2005 № 26-ОЗ «О культуре»
3.	Закон Новосибирской области от 07.07.2007 № 124-ОЗ «О культуре в Новосибирской области»
4.	Закон Московской области от 22.07.2013 № 81/2013-ОЗ «О государственной политике в сфере культуры в Московской области»
5.	Закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 222 «О культуре»
6.	Закон Санкт-Петербурга от 15.12.2010 № 739-2 «О политике в сфере культуры в Санкт-Петербурге»
7.	Закон Республики Татарстан от 03.07.1998 № 1705 «О культуре»
8.	Закон Республики Саха (Якутия) от 24.06.2013 № 1335-IV «О культуре»
9.	Закон Чеченской Республики от 26.06.2006 № 8-РЗ «О культуре»
10.	Закон Республики Тыва от 03.04.1995 № 261 «О культуре»
11.	Закон Красноярского края от 28.06.2007 № 2-190 «О культуре»
12.	Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р
13.	Раздел 3.2. комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1986-2005 годы «Социальные проблемы. Повышение народного благосостояния и развитие культуры»
14.	Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808
15.	Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р
16.	План мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.12.2016 № 2563-р
17.	Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.08.2008 № 1244-р
18.	Концепция долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.06.2011 № 1019-р
19.	Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.04.2012 № 434-р
20.	Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.05.2014 № 941-р

Продолжение приложения

№	Наименование документа
21.	Концепция развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.11.2015 № 2395-р
22.	Проект Концепции развития музейного дела в Российской Федерации на период до 2030 года
23.	План деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2016–2021 годы, утвержденный Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 13.10.2016 № 2296
24.	Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утвержденные распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 27.07.2016 № Р-948
25.	Положение о Министерстве культуры Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 № 590
26.	Положение о министерстве культуры Красноярского края, утвержденное постановлением Правительства Красноярского края от 07.08.2008 № 32-п
27.	Положение о министерстве культуры Московской области, утвержденное Постановлением Правительства Московской области от 11.11.2010 № 988/52
28.	Положение о Комитете по культуре Санкт-Петербурга, утвержденное Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 25.05.2004 № 806
29.	Положение о министерстве культуры и архивного дела Сахалинской области, утвержденное Постановлением Правительства Сахалинской области от 15.01.2016 № 2
30.	Положение о департаменте культуры и национальной политики Кемеровской области, утвержденное Постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 30.03.2010 № 127
31.	Положение о министерстве культуры Новосибирской области, утвержденное Постановлением Правительства Новосибирской области от 21.06.2016 № 167-п
32.	Положение о министерстве культуры Республики Татарстан, утвержденное Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 18.08.2005 № 409
33.	Положение о министерстве культуры Чеченской Республики, утвержденное Постановлением Правительства Чеченской Республики от 14.09.2009 № 162
34.	Положение о Министерстве культуры Республики Тыва, утвержденное Постановлением Правительства Республики Тыва от 19.10.2012 № 576
35.	Положение о Министерстве культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), утвержденное Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 05.09.2011 № 898